

БИТВА ПОД ЭЛЬ-АЛАМЕЙНОМ

М. КАРВЕР

МАЙКЛ КАРВЕР

БИТВА ПОД ЭЛЬ-АЛАМЕЙНОМ

**ПОРАЖЕНИЕ ТАНКОВОЙ АРМИИ
РОММЕЛЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ**

МАЙКЛ КАРВЕР

**БИТВА ПОД
ЭЛЬ-АЛАМЕЙНОМ**

MICHAEL CARVER
EL ALAMEIN

МАЙКЛ КАРВЕР

БИТВА ПОД ЭЛЬ-АЛАМЕЙНОМ

ПОРАЖЕНИЕ ТАНКОВОЙ АРМИИ
РОММЕЛЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2003

УДК 820
ББК 84(4Вел)
К21

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И.А. Озерова

Карвер М.

К21 Битва под Эль-Аламейном. Поражение
танковой армии Роммеля в Северной Африке/
Пер. с англ. А.Н. Анваера. — М.: ЗАО
Центрполиграф, 2003. — 285 с.

ISBN 5-9524-0628-9

В книге рассказывается о событиях Второй мировой войны в Северной Африке близ маленькой железнодорожной станции Эль-Аламейн осенью 1942 года. Автор использует документальные источники: письма Роммеля, телеграммы Гитлера, доклад командования австралийской дивизии о ходе кампании. Детально воссоздана картина боевых действий армий Германии и Британии.

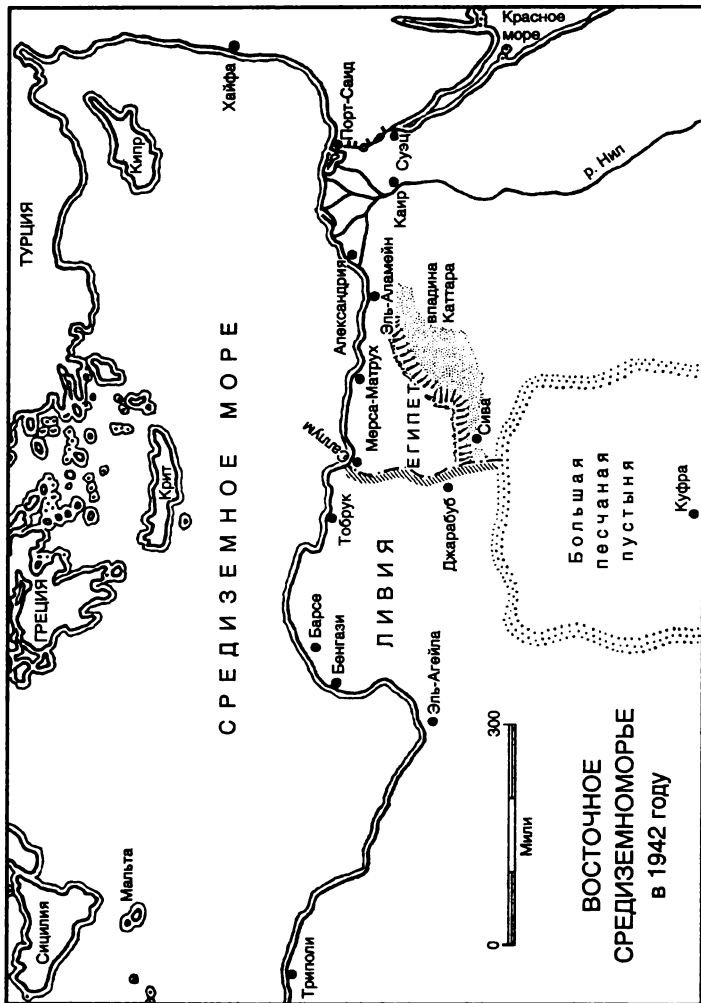
**УДК 820
ББК 84(4Вел)**

ISBN 5-9524-0628-9

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2003
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2003

БИТВА ПОД ЭЛЬ-АЛАМЕЙНОМ

**ПОРАЖЕНИЕ ТАНКОВОЙ АРМИИ
РОММЕЛЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ**

**ВОСТОЧНОЕ
 СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ
 в 1942 году**

*Джону Хардингу,
моему боевому командиру*

Глава 1

ПУСТЫНЯ: С ЗАПАДА НА ВОСТОК

Эль-Аламейн — это маленькая железнодорожная станция, расположенная на идущей вдоль побережья железной дороге, связывающей Александрию и Мерса-Матрух, в 50 милях от Александрии. Своим названием станция обязана цепи невысоких гор, отделяющих железную дорогу от Средиземного моря. Эти горы называются Тель-эль-Аламейн — горы двойных пирамид. Эль-Аламейн издавна известен служившим здесь задолго до Второй мировой войны солдатам как удобное место ночного отдыха на пути в Мерса-Матрух. Тогда, правда, на месте железнодорожных путей было шоссе. От станции было легко спуститься к берегу моря и смыть дневную, въевшуюся во все поры пыль.

Карет-эль-Химеймат, расположенный в 28 милях к югу, также был знаком солдатам как важный пункт на прямом пути от Каира до Мерса-Матруха. От Карет-эль-Химеймата к юго-западу, по направлению к Сиве, протянулась 200-мильная преграда, проходимая для транспортных средств только в одном-двух местах. Это впадина Каттара — огромное соляное болото, расположенное на

200 футов ниже уровня моря, проходимое в нескольких местах только для верблюдов и ограниченное с севера близ Сивы крутыми зазубренными скалами. От юго-западного, расположенного возле Сивы угла этого соляного болота был еще один устрашающий барьер, протянувшийся на запад и юг на сотни миль — Большая песчаная пустыня. Юг и запад этой пустынной преграды покрыт мелким песком с тонкой коркой мелкого щебня. В легко нагруженном грузовике с пустынными шинами можно было бы ехать по такой пустыне с вполне приличной скоростью, если бы не дюны, образованные ветрами, дующими здесь поперек дороги в направлении с северо-запада на юго-восток. Но после прохождения нескольких машин на поверхности образовывалось месиво из песка, проехать по которому мог, да и то не всегда, только очень опытный водитель.

Северные и западные участки пустыни представляют собой совершенно иную картину. За исключением прилегающих к морю районов, где также преобладают дюны и соляные болота, местность здесь каменистая, и по ней можно легко проехать на автомобиле. Местами этот ровный ландшафт нарушается впадинами, скалами и участками сыпучих песков и жестких кустарников, что ограничивает и затрудняет движение в любое время суток. Ехать по такой местности ночью без включенных фар практически невозможно.

Стратегическая важность горловины между Эль-Аламейном и Химейматом определяется тем, что только через это узкое горлышко могли войти в Египет наступающие с запада войска. Это становится ясно каждому, кто взглянет на физическую карту этого района. Нет ничего удивительного в том, что именно это место было ареной ожесточенных битв на протяжении эпох и столетий. Правда, история не

сохранила об этом письменных свидетельств. Пустыня, протянувшаяся на много сотен миль к западу, сама была непреодолимым препятствием для вторжения до наступления эры моторизованных воинских соединений. Даже в 1938 году эксперты в Каире догматически утверждали, что в Западной египетской пустыне из-за недостатка воды можно разместить не более одной бригады. Но воды было достаточно для тех, кто знал, где пробурить скважину и взять средства для транспортировки воды.

Как, однако, случилось, что осенью 1942 года именно в этой 30-мильной горловине сошлись армии гитлеровской Германии и фашистской Италии с одной стороны и армии Британской империи с другой? Британские войска дислоцировались в Египте с 1882 года, когда Гарнет Вулсли высадил английских солдат в Исмаилии, индийских солдат в Суэце и этими силами нанес поражение армии Хедива Исмаила у Тель-эль-Кебира в то время, когда Королевский военно-морской флот бомбардировал Александрию. С момента открытия Суэцкого канала в 1869 году Британия обращала неослабное внимание на узкую полосу земли между Средиземным и Красным морями. Когда рухнула финансовая система Хедива и он был вынужден передать свои долги иностранным держателям, Великобритания обратилась к Франции с предложением сотрудничества для охраны интересов многих европейских стран. Франция отказалась от такого сотрудничества, и Британии пришлось действовать в одиночку.

Постоянно провозглашая намерение уйти, как только будет выполнена задача приведения в порядок египетских дел, британские войска тем не менее пробыли здесь до 1914 года, когда неожиданно возникла новая ситуация. Египет в то вре-

мя сохранял номинальную зависимость от турецкого султана, который во время Первой мировой войны объявил о своем союзе с Германией. Британия при таком повороте событий была вынуждена объявить о независимости Египта от Турции. Турецкая армия при поддержке немцев совершила марш из Палестины и дошла до Суэцкого канала. Во время Первой мировой войны Египет стал основной базой подготовки операций в Галлиполи, Салониках и Палестине. В Западной пустыне произошло несколько мелких восстаний против Сенусси, инспирированных турками и немцами. Здесь бронеавтомобили герцога Вестминстерского продемонстрировали возможность действий механизированных войск в пустыне.

После войны и распада Оттоманской империи Великобритании пришлось взять на свои плечи большой груз ответственности за обстановку на Ближнем Востоке, как это провозглашалось в те времена. Это обстоятельство, растущая важность поставок нефти и развитие авиации многократно увеличили важность Египта для Британии. Несмотря на усиление тенденций к независимости, британские войска оставались в Каире, Александрии и Исмаилии.

В 1935 году Италия, утвердившись в Ливии, связала колониальную войну против Эфиопии. Британия и Египет отчетливо видели опасность фашистского окружения. Были предприняты меры по модернизации и усилению британского гарнизона в Египте, состоявшего в то время только из пехоты и кавалерии.

Так обстояли дела, когда в мае 1940 года, после поражения Франции, Италия присоединилась к Германии. Британцы располагали в Западной пус-

тыне 7-й бронетанковой дивизией, расквартированной в Мерса-Матрухе. Бронеавтомобили этой дивизии, старые «роллс-ройсы» 11-го гусарского бронетанкового полка, почти ничем не отличавшиеся от машин герцога Вестминстерского, действовавших здесь почти двадцать пять лет назад, пересекли границу возле Саллума через несколько часов после объявления войны. Этот удар поддержало ядро военно-воздушных сил пустыни в составе эскадрильи воздушного прикрытия сухопутных сил, эскадрильи истребителей и трех эскадрилий бомбардировочной авиации.

Итальянская армия потерпела поражения в Ливии, сначала при Сиди-Баррани в декабре 1940 года, а затем при Беда-Фомме (к югу от Бенгази) в феврале 1941 года. В это время немцы осознали опасность полного перехода Северной Африки под контроль союзников. Если Британия сумеет прорваться в Триполитанию, то ее войска соединятся с французами в Северной Африке, которые смогут освободиться от контроля со стороны вишистского режима. Изменится вся оперативная обстановка в Средиземноморье.

Спешно были сформированы небольшие мобильные силы, которые предполагалось высадить в Триполи, чтобы усилить итальянскую оборону западных провинций Ливии. Командиром этих сил был назначен Эрвин Роммель, чьи блестящие способности командовать танковыми дивизиями были продемонстрированы во Франции в 1940 году. Это соединение — первоначально 5-я легкая танковая дивизия, преобразованная впоследствии в 21-ю танковую дивизию, — стало ядром формирования будущего германского африканского корпуса и танковой армии «Африка».

Британские силы в Египте и Киренаике, включавшие в себя также австралийские, новозеланд-

ские, индийские и родезийские части и ожидавшие прибытия войск из Южной Африки, после окончания абиссинской кампании не стали развивать достигнутый в Западной пустыне успех и не предприняли наступление на Триполи. Вместо этого главные усилия были направлены на бесплодные попытки спасти Грецию и Крит от германского вторжения.

Пока британская армия занималась приготовлениями, Роммель, вопреки приказам итальянского и германского Верховного командования, нанес удар по небольшим британским силам в Мерса-Бреге в излучине залива Сирте. Воодушевленный скорым успехом, он рванулся вперед, используя растерянность противника. Он вытеснил британцев из Киренаики, окружил Тобрук и вышел к египетской границе у Саллума. Здесь он, наконец, остановился, захватив за несколько недель почти все, что потеряли итальянцы во время зимней кампании.

Ему удалось совершить невиданное в военной истории чудо, оказавшее большое влияние на ход всей будущей кампании. Прежде всего, он проигнорировал приказы своих немецких и итальянских начальников, доказав, что если непослушание приводит к победам, то на него смотрят сквозь пальцы или даже одобряют. Затем он отверг все советы, которые давали ему в Генеральном штабе и штаб-квартире фюрера. Роммель доказал, что невозможное с точки зрения законов разума и трезвых расчетов достигается решительностью, волей, быстротой действий и дерзостью исполнения. С максимальной пользой применив захваченные трофеи, он смог вывести свои силы намного дальше, чем могли предполагать Генеральный штаб и Верховное главнокомандование сухопутных сил. Он и в дальнейшем проводил

свою дерзкую стратегию, но безоглядная смелость в конце концов привела Роммеля к поражению.

В мае и июне 1941 года, во время и после катастрофы в Греции и на Крите, британцы безуспешно пытались отбросить Роммеля от границы Египта и соединиться с гарнизоном осажденного Тобрука. Но и Роммель не сумел взять крепость. Сам Тобрук и Королевский флот, снабжавший его, подвергались непрерывным атакам с воздуха. Но гарнизон не только выстоял. 9-я австралийская дивизия, составлявшая ядро осажденного гарнизона, получила подкрепление в виде британской 70-й дивизии и польской бригады карпатских стрелков. В течение лета гарнизон был усилен другими британскими частями.

Именно в это время генерал Клод Окинлек сменил генерала Арчибальда Уэйвелла в должности главнокомандующего британской армией на Среднем Востоке. Одним из первых шагов нового командующего стал приказ генералу Джеймсу Маршаллу-Корнуоллу форсировать сооружение оборонительных позиций в районе Эль-Аламейна. Эта работа неспешно продолжалась до конца года. Оборонительные рубежи имели классическую форму всех оборонительных сооружений такого рода в Западной пустыне. Не имели отличий и позиции Роммеля на границе, на которых он успешно отразил два британских наступления. Основная позиция, предназначенная для главных сил пехотной дивизии, находилась на побережье, перекрывая дорогу, и соединялась с правым флангом, защищенным морем. Главной особенностью этой позиции были наблюдательные пункты, расположенные на горах Тель-эль-Аламейна — на

высотах, господствовавших над плоским и открытым пространством юго-запада.

Позиция, построенная в центре линии обороны, включала в себя пик Карет-эль-Абд, откуда можно было наблюдать за происходящим на севере. Местность вокруг пика изобилует скалами и впадинами, которые сильно затрудняют передвижение войск. Между Эль-Аламейном и Карет-эль-Абдом местность по преимуществу плоская. Но в середине между ними идет гряда Рувейсат — от южного края небольшой впадины Дейр-эль-Шейн на восток. Эта гряда не представляет особых препятствий для движения. Северная часть гряды плоская, покрыта участками сыпучего песка и колючим кустарником. К югу расположена напоминающая плато местность с твердым, удобным для переходов естественным покрытием, южная оконечность которой позже получила название Голой гряды. Она тянется на 12 миль к востоку от Карет-эль-Абда, затем поворачивает к северо-востоку через Алам-эль-Хальфу до слияния с восточной оконечностью Рувейсатской гряды к югу от станции Эль-Рувейсат.

Самая южная позиция была предназначена для прикрытия прохода через скалы впадины Каттара возле Наиб-abu-Двейса. Эти скалы вдвое превышают высоту пика Карет-эль-Абд. Отсюда во всех направлениях открываются величественные и захватывающие виды, само это место практически неприступно, а войска, расположенные там, не в состоянии повлиять на ход событий и могут вступить во взаимодействие с противником только при прямом нападении. Между Карет-эль-Абдом и Наиб-abu-Двейсом находятся крутые скалы и отвесные высоты. На большей части этой местности продвижение войск с запада на восток значительно затруднено. Однако если пройти через

узкую горловину гладкой местности к северу от Гебель-Калаха, то между последовательностью впадин, расположенной на юго-востоке от окрестности Карет-эль-Абда длиной почти 20 миль до Дейр-эль-Рагиля, и грядой скал, простирающейся до Карет-эль-Химеймата, можно выйти на плоскую гладкую равнину с хорошим грунтом. К югу от гряды грунт становится мягче и образует пологий склон, который заканчивается крутым обрывистым берегом глубокой впадины соленого, заселенного исключительно комарами оазиса Эль-Магра.

Механизированные войска противника, приближающиеся к линии Аламейна с запада, могут двигаться по трем проходам: северному — между железной дорогой и грядой Рувейсат; центральному — к северу от Карет-эль-Абда, а затем на восток к южной части гряды Рувейсат и к северу от Алам-эль-Хальфы; южному — к северу от Гебель-Калаха, Химеймата и Самакет-Габаллы. Эти проходы также позволяют обойти оборонительные позиции, для удержания которых достаточно двух пехотных дивизий.

Мобильного противника невозможно удержать от прохода, а потому предупредить окружение гарнизонов — «коробочек», которые можно осадить и подавить одну за другой. Все, на что будут способны эти гарнизоны, — это обстреливать противника в пределах видимости из того ограниченного количества артиллерийских орудий, которые можно разместить по периметру обороны. Расширение периметра, который надо оборонять со всех направлений, потребует большей численности обороняющих укрепления войск. В частности, возрастет количество противотанковых орудий. Войска внутри укреплений нельзя сделать подвижными без того, чтобы смять периметр «ко-

робочки», полной уязвимых для огня противника грузовиков. Существенной частью обороны должны быть по меньшей мере две бронетанковые дивизии, предназначенные для действий в промежутках между оборонительными укреплениями для отражения ударов противника.

Следовательно, не говоря о резервах, оборонительной линии Эль-Аламейна (так планировалось в 1941 году) требовались две пехотные и две танковые дивизии.

Работы начались в конце лета 1941 года, когда Роммель готовился к решающему штурму Тобрука, а британцы концентрировали силы вокруг Мерса-Матруха, собираясь переходить к наступлению. На генерала Окинлека оказывали значительное давление, чтобы он начал боевые действия в сентябре или октябре. Однако он дал время соединениям, которые составили 8-ю армию под командованием генерала Алана Каннингхэма, должным образом подготовиться. Для наступления было выбрано 18 ноября 1941 года. Эта операция, получившая кодовое наименование «Крусейдер», имела целью снятие осады с Тобрука, захват Киренаики, обеспечение воздушной и военно-морской поддержки Мальты и открытие пути для очистки от противника всего североафриканского побережья. Британцы имели успех во всем, за исключением последней задачи, хотя не обошлось без трудностей, сомнений и растерянности.

Положение сторон в конце операции, то есть в январе 1942 года, напоминало положение февраля 1941 года, когда немцы и итальянцы, под номинальным командованием итальянцев, измотанные и обескровленные, понесли большие потери, отступи-

ли к Мерса-Бреге. 8-я армия, которой теперь командовал Ричи, имела на передовой линии малые силы, взаимодействующие с противником, основные силы находились в центре Киренаики, где ими было легче управлять. Так же как в 1941 году, силы в Тобруке получили свежие подкрепления, которые заменили войска, измотанные в боях, которые продолжались два месяца.

Опять (как и в 1941 году) Верховное командование британской армии в плановом порядке перебросило силы со Среднего Востока на другой театр военных действий: в этот раз на Дальний Восток, где к этому времени пал Сингапур, а над Бирмой нависла серьезная опасность. Ущерб, нанесенный войскам, оставшимся в пустыне, был на этот раз не так велик, как при попытке отразить нападение на Грецию годом раньше, но с Северо-Африканского театра войны были выведены две австралийские дивизии, британская 70-я дивизия, 7-я бронетанковая бригада и часть других соединений, так же как несколько эскадрилий Королевских военно-воздушных сил.

21 января 1942 года Роммель почти в точности повторил свою операцию, которую провел с гораздо меньшими силами годом раньше. Результаты были почти столь же впечатляющими. Однако, хотя ему удалось выбить 8-ю армию из Киренаикского выступа, Роммель не смог на этот раз захватить много пленных и трофеев, а его наступление было остановлено на линии, идущей к югу от Аин-эль-Газалы, в 40 милях западнее Тобрука.

На этой линии противники начали готовиться к новым боям. Роммель получил от своего командования задачу захватить Тобрук и вытеснить

8-ю британскую армию до египетской границы, нанеся ей максимально возможный урон.

Для британцев главной целью было захватить утраченные аэродромы в Киренаикском выступе. Положение Мальты стало критическим. Снабжение упало почти до нулевой отметки, а потеря Киренаикского выступа обернулась невозможностью подхода к Мальте морским путем с востока. Доставка снабжения с запада очень дорого обходилась британцам.

По этой причине командование оказывало на Окинлека сильное давление, требуя возобновить наступление, чтобы быстрее овладеть Киренаикским выступом. Генерал Окинлек, однако, был убежден, что попытка наступления спровоцирует Роммеля на жесткий ответный удар по 8-й армии, так как он был в состоянии развить успех на Эль-Агейлу. Увод части сил на Дальневосточный театр серьезно расстроил планы Окинлека, а немецкие успехи в СССР вызывали озабоченность относительно угрозы Северному Ираку. Но после обмена мнениями военный кабинет принял во внимание риск операции, и стороны пришли к согласию, что наступление 8-й армии надо отложить до середины мая.

По мере приближения этого времени обстановка становилась все более мрачной. С Дальнего Востока приходили страшные известия: пала Бирма; поговаривали о захвате японцами Цейлона; угроза нависла над Индией. Эти новости, как казалось Окинлеку, требовали пересмотра всей стратегии на Среднем Востоке. Он указал на большой риск начала наступления в Ливии в это время при явном дефиците бронетанковых сил. Но в Лондоне считали, что главное — облегчить положение Мальты, а Окинлек драматизирует положение. Поэтому 10 мая 1942 года военный кабинет отдал

ясный приказ главнокомандующему пачать наступление в мае согласно плану или самое позднее в начале июня, чтобы прикрыть конвой на Мальту, который должен быть отправлен в ближайший «темный период».

Не приходится сомневаться в том, что противоречия можно было бы уладить, если бы Окинлек прибыл в Лондон, как ему предлагали. Но сложилось так, что прежде дружеские отношения между премьер-министром и главнокомандующим стали натянутыми и остались такими на долгое время.

После стабилизации фронта на линии Газалы первые действия носили чисто оборонительный характер. Разработанный в это время план предусматривал сдерживание противника на главных направлениях, а решающее сражение предполагалось дать на границе с Ливией у Саллума, для чего пришлось бы оставить Тобрук. По мере наращивания сил планы претерпели существенные изменения: было решено возвести мощные оборонительные сооружения, способные выдержать танковую атаку, на северном фланге линии Газалы. Оборонительные сооружения были возведены и прикрыты обширными минными полями, причем некоторые мины были перенесены сюда со старых позиций возле Тобрука. Железнодорожная линия от Александрии и водопровод были подтянуты до восточных подступов к Тобруку, который превратился в мощный передовой опорный пункт. Для его прикрытия линия обороны была продолжена на юг, вплоть до Бир-Хашейма. Но между позициями на юге образовалась широкая брешь, заполненная лишь минными полями.

Роммель внимательно следил за этими приготовлениями, и растущая мощь 8-й армии не на

шутку его тревожила. Больше всего он хотел избежать положения, когда противник, связав его силы, изыщет резервы и обойдет его с флангов, отрезав от линии снабжения из Триполи и Бенгази. Лучшим выходом, на его взгляд, был бы упреждающий удар по Ричи. Это намерение стало очевидным в мае, поэтому 8-я армия и главное командование отложили планы наступления и стали готовиться к удару Роммеля на заранее подготовленных позициях.

Наступление Роммеля началось 26 мая 1942 года. Поначалу казалось, что главный удар будет нанесен по центру, как говорил об этом Ричи генерал Окинлек, но данные воздушной разведки, донесения из броневедомств и мотострелковой бригады 7-й бронетанковой дивизии в течение ночи утверждали, что большая часть сил Роммеля повернула на юг и направляется к позициям бригады «Свободной Франции» у Бир-Хашейма.

Действительно, все мобильные силы африканского корпуса еще до рассвета пополнили запасы топлива и повернули к югу от Бир-Хашейма, намереваясь двинуться на северо-восток к предместьям Тобрука, на запад к Акроме и на юг к Эль-Адему. Это был смелый план, который почти имел успех, так как 30-й танковый корпус генерала Нори с его тремя разведанными на большие расстояния бригадами был застигнут врасплох, как и расположенная к востоку от Бир-Хашейма 7-я бронетанковая дивизия, не успевшая занять своих позиций.

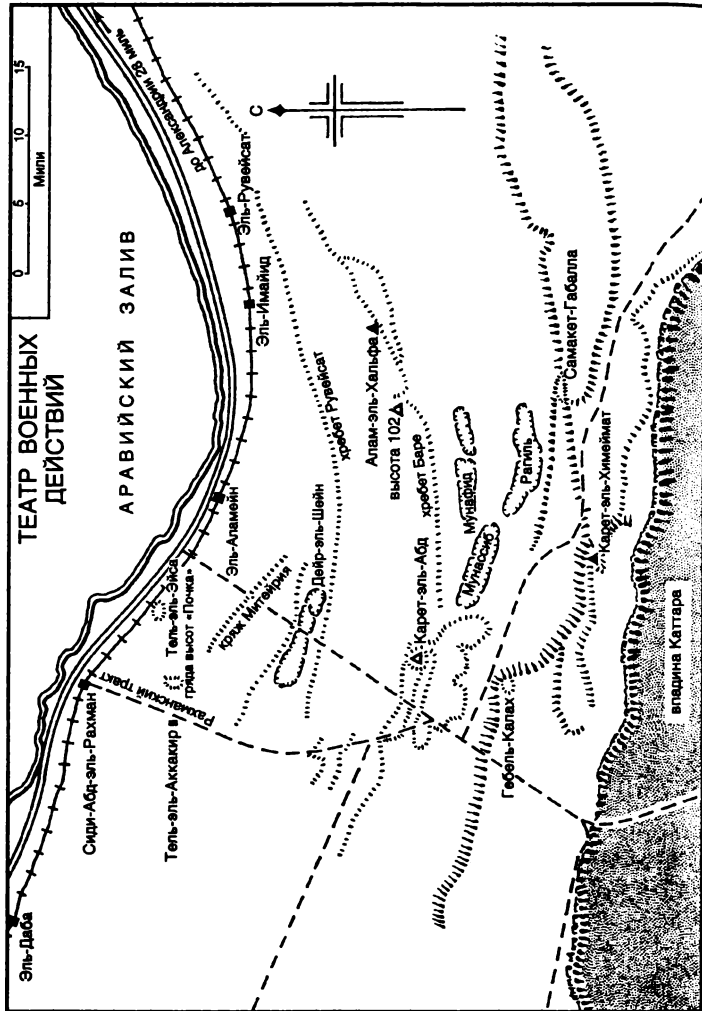
Вскоре, однако, Роммель оказался в отчаянном положении. 8-я армия выдержала натиск и устояла. Он не достиг своих первоначальных целей и оказался зажатым на маленьком пятачке к востоку от минных полей 8-й армии, почти лишившись боеприпасов и линий снабжения. Роммель всегда

был азартным игроком, но сейчас он сумел проявить мудрость. Скоцентрировав силы, он проделал проходы в минных полях и восстановил линию снабжения, одновременно отбив плохо организованные атаки союзников. За несколько дней он улучшил свое положение, избавившись от самых неприятных «колючек» в своем боку: 15-й пехотной бригады 50-й нортумбрийской дивизии у Дахар-Аслага и 1-й бригады «Свободной Франции» у Бир-Хашейма.

Затем Роммель возобновил наступление, в результате которого у 8-й армии осталось только 70 танков, а наступавшие располагали сотней немецких и почти 60 итальянскими танками. Развязка наступила 12 июня, когда Ричи понял, что с разбитыми мобильными силами ему надо отводить пехоту и перестраивать все планы, разработанные для наступления, иначе поражение и плен неизбежны. Задача была не из легких.

В этой сложной, быстро меняющейся ситуации возникло взаимное непонимание по вопросу о Тобруке. Окинлек решительно настаивал на том, что Тобрук надо оборонять, не допуская повторной осады и тем более сдачи неприятелю. Он отдал приказ удерживать Роммеля на линии западного рубежа обороны Тобрука, и Ричи, намереваясь выполнить если не букву, то дух приказа, распорядился удерживать крепость Тобрук, для чего собрать и реорганизовать имеющиеся силы. Но Роммель быстро очистил участок вокруг Тобрука и провел молниеносную атаку в направлении юго-востока. Сделав это, он решил свои позиционные проблемы и немедленно провел атаку из района Агейлы.

Узнав о падении Тобрука, Ричи принял решение сначала задержать противника на границе с Ливи-

ей у Саллума, а затем отойти на подготовленные рубежи у местечка Мерса-Матрух. Окинлек одобрил этот план. В Матрух уже был направлен штаб 10-го корпуса из Палестины под командой генерала Холмса с приказом занять там оборону. 2-я новозеландская дивизия генерала Фрейберга была передислоцирована из района дельты, а 50-я дивизия и 10-я индийская дивизия, отошедшие от границы, были переданы под командование Ричи. Все остальные войска в полосе границы были переданы 13-му корпусу генерала Готта, Нори принял штаб 30-го корпуса в Матрухе, а когда прибыл 10-й корпус, перенес свой командный пункт в Эль-Аламейн, где принял командование 1-й южноафриканской дивизией и организовал оборону.

Только через два дня после падения Тобрука Роммель пересек границу, имея в своем распоряжении лишь 44 танка. Два дня спустя, 25 июня он вошел в соприкосновение с 13-м корпусом Готта южнее Матруха. Именно в этот день Окинлек решил взять на себя руководство боевыми действиями, прилетел из Каира и в тот же вечер сместил Ричи с поста командующего 8-й армией. Боевые порядки были растянуты, времени на раздумья не оставалось, армия была в состоянии полного расстройтва, а солдаты до предела измотаны. В последующие два дня Роммель рассеял 13-й корпус, собравший все войска, оставшиеся в окрестностях Матруха, включая и новозеландскую дивизию. В Матрухе был окружен и блокирован 10-й корпус. Корпус вышел из окружения, его подразделения, а также части 13-го корпуса отступили к Эль-Аламейну. Роммель продолжал наступление, и части 8-й армии отходили, не отрываясь от его войск, иногда даже отставая от них. 1 июля Роммель был, наконец, остановлен у Эль-Аламейна 1-й южноафриканской дивизией и

у рубежа, наспех возведенного у Дейр-эль-Шейна, 18-й индийской пехотной бригадой. Дальше к югу вокруг Карет-эль-Абда заняла позиции новозеландская дивизия и 1-я танковая дивизия, которой были переданы все оставшиеся бронетанковые части и которая заняла позиции вдоль хребта Рувейсат. Позиции у Наиб-абу-Двейса удерживала 9-я индийская бригада — единственная оставшаяся в распоряжении 5-й индийской дивизии, которая расположилась возле Химеймата. Там же располагался штаб 7-й бронетанковой дивизии, но под ее командованием был только 4-й южноафриканский полк бронетанковых автомобилей.

В течение июля сражения продолжались вдоль всей линии Эль-Аламейна. Эти стычки напоминали боксерские обмены ударами. Обе стороны были слабы и до предела измотаны. Они наносили друг другу удары в мелких стычках, но причиняли лишь незначительный урон. Со временем, однако, противники набирались сил и начинали подумывать о нокаутирующем ударе, но при каждой попытке атакующий убеждался в возросшей силе противника, особенно в обороне. Стороны перешли к оборудованию позиций и минированию подходов к ним. Каждый следующий удар обходился дороже и приносил меньше выгоды. Хотя стороны стали сильнее, каждый удар заставлял их выдыхаться. Поединок казался нескончаемым. Настало время для перерыва — надо было передохнуть. 9-я австралийская дивизия, которая на севере соединилась с южноафриканцами, расширила позиции к западу от Эль-Аламейна и окопалась на холме Тель-эль-Эйса. Отсюда линия обороны простиралась на юг к Дейр-эль-Шейну, к востоку от Карет-эль-Абда и к западу от Карет-эль-Химеймата. Старые позиции у Карет-эль-Абда и Наиб-абу-Двейса оказались в руках Роммеля,

как и узкий проход вокруг Гебель-Калаха. Такая обстановка сложилась к концу месяца, когда Окинлек отправил в Лондон телеграмму следующего содержания:

«Вчера было проведено трудное совещание с корпусными командирами, на котором обсуждалось тактическое положение. Вследствие истощения ресурсов и укрепления позиций противника мы с сожалением констатировали, что в сложившихся обстоятельствах не следует возобновлять попыток прорвать фронт противника или обойти его с южного фланга. Сомнительно, что возможность возобновить наступательные операции возникнет раньше середины сентября. Все зависит от способности противника восстановить свои танковые силы. Таким образом, мы временно будем придерживаться оборонительной тактики, что не исключает тщательной подготовки и укрепления сил во всей полосе нашей обороны. Со временем мы воспользуемся первой возможностью предпринять внезапное, ошеломляющее противника наступление».

Глава 2

ХРАБРЫЕ, НО БИТЫЕ

Задолго до получения телеграммы генерала Окинлека те люди в Лондоне, которые отвечали за это направление боевых действий, пришли к выводу, что для выправления положения нужны экстраординарные меры. Начиная с 1940 года Средний Восток получал все, что могла дать Британия, в виде людей и машин. Во всех столкновениях с противником 8-я армия и военно-воздушные силы пустыни начиная с середины 1941 года имели численное и материальное превосходство над противником

и, несмотря на это, были вынуждены отступить почти до египетской Дельты, а теперь главнокомандующий просил об оперативной паузе.

Поражения в летних кампаниях, падение Тобрука, пленение множества солдат и потеря большого количества боевой техники, почти паническое отступление к Эль-Аламейну, слухи о планах полной эвакуации Египта вызывали большую озабоченность в Англии в момент, когда страна вступала в четвертый год войны.

Всем также было ясно (и этого следовало ожидать), что последние события неблагоприятно сказались на состоянии морального духа ранее боеспособной и уверенной в своих силах армии пустыни. Отступление и ошеломляющая череда трагических событий, начиная с конца мая 1942 года, выявили напряжение, соперничество и подозрения, которые существуют в любой армии, но при благоприятной ситуации никогда не выплескиваются наружу. Начала циркулировать легенда о том, что армия деморализована и окончательно утратила веру в свое командование. Это было одновременно преувеличением и упрощением реального положения вещей. Какая-то часть армии действительно утратила веру в себя и своих командиров. Многие возлагали вину на снаряжение, и отчасти не без основания, но снаряжение было не таким плохим, как многие считали тогда и считают сейчас.

Самой распространенной и опасной тенденцией стало стремление различных соединений и их штабов возложить вину друг на друга. В этой ситуации раздробленность управления армией стала огромным недостатком. Командиры и личный состав штабов выше дивизионного уровня, за небольшим исключением, были переведены из Великобритании, так же как все бронетанковые

части и соединения, за исключением двух южноафриканских полков броневедомобилей.

Такое положение дел могло привести к недоверию между дивизиями доминионов и высшим командованием. Нельзя отрицать, что такое недоверие действительно существовало. Степень потери боевого духа не следует преувеличивать (как это часто делается, особенно в послевоенные годы), но нет никакого сомнения, что те, кто уцелел в битве у Газала, в том числе новозеландцы и недавно прибывшая 23-я бронетанковая бригада, очень тяжело переживали июльскую неудачу у гряды Рувейсат. В этих сражениях не были согласованы совместные действия танков и пехоты. Это породило тяжелое чувство у обеих сторон. Меньше всех пострадали австралийцы, оставаясь свежими и сохраняя порядок. Попытка Окинлека после смещения Ричи с поста командующего 8-й армией соединить в одном лице функции главнокомандующего и командующего армией на театре боевых действий оказалась эффективной в момент, когда Роммеля удалось остановить у Эль-Аламейна; но эта мера не могла вылечить болезнь, поразившую армию.

Неудивительно, что 8-я армия, по словам генерала Александра (который сильно смягчил выражение Черчилля по поводу организации командования на Среднем Востоке), оказалась храброй, но битой. Эта истина все яснее становилась лондонским начальникам. С конца мая начальник имперского Генерального штаба генерал Алан Брук терпеливо выслушивал ежедневные допросы премьер-министра. Почему, спрашивал Черчилль, армия, на которую потрачено столько сил и средств, не одерживает побед, а терпит катастрофические поражения на Среднем и Дальнем Вос-

токе? Брук очень остро воспринимал это недовольство и решил лично выехать на место и разобраться, что происходит в действительности. Улучив момент, когда премьер пребывал в хорошем настроении, 25 июля 1942 года он добился разрешения Черчилля на поездку в Африку. Начальник Генерального штаба планировал в конце месяца отправиться в Египет через Гибралтар и Мальту.

К его ужасу 30 июля, накануне отъезда, Черчилль заявил Бруку, что едет вместе с ним, соединив эту поездку с посещением Каира и встречей со Сталиным. Такой поворот событий не понравился Бруку, который надеялся составить самостоятельное суждение, находясь вдалеке от своего непосредственного начальника. Надо было действовать быстро, чтобы не дать премьер-министру перехватить инициативу, и Брук прибыл в Каир на несколько часов раньше Черчилля, рано утром 3 августа. В тот же день в Каир прибыли фельдмаршал Сматс из Южной Африки и генерал Уэйвелл из Индии. Премьер-министр начал с долгой беседы со Сматсом, а Брук в это время зондировал почву в разговоре с генералом Корбеттом, начальником штаба Окинлека; сам Окинлек ехал из пустыни в Каир, чтобы встретиться с премьер-министром. Затем Брук присоединился к Черчиллю, который настаивал на начале наступления до 15 сентября — сроке, определенным генералом Окинлеком.

После обеда Брук, которому смертельно хотелось лечь в постель, так как он практически не спал с момента вылета из Англии, был, к его неудовольствию, вызван для дальнейшего обсуждения положения. Черчилль заявил, что Окинлек должен вернуться в Каир и сдать командование 8-й армией. Это было хорошей новостью, так как Брук и сам все время на этом настаивал. Черчилль также требовал,

чтобы командующим 8-й армией был назначен генерал Готт.

Брук уклонился от прямого ответа. Он знал, что Готт сильно устал. Он находился в гуще всех событий в пустыне с самого начала, поднявшись от командира 1-го батальона корпуса королевских стрелков в 1939 году до командира 7-й бронетанковой дивизии, а затем 13-го корпуса после его поражения в январе 1942 года. Дважды, в марте 1941-го и в феврале 1942 года, он принимал активное участие в попытках спасти положение в Тобруке, когда Роммель выбивал армию с Киренаикского выступа. На Готта была возложена ответственность за стабилизацию положения вокруг Тобрука, когда в июне возникла необходимость вывода 8-й армии из Газала к границе.

Но этим не исчерпывались все тяготы, выпавшие на долю генерала Готта. Ясность мышления, твердый характер и здравый смысл, его готовность предложить способ действий в положениях, когда другие отмалчивались или сомневались, — все эти качества в соединении с поистине христианским характером сделали из Готта оракула, к которому все: и высшие командиры, и подчиненные — всегда обращались за советом и ободрением, особенно когда дела шли из рук вон плохо. Нет ничего удивительного, что такое напряжение начало сказываться. Готт, как и другие, находился на переднем крае с судьбоносной датой, с 27 мая, и был телесно и душевно измотан.

Все это было хорошо известно Бруку. Он также знал, что, хотя «атакующий» Готт был достоин доверия, что он во многих случаях доказал свою самоотверженность и пользовался любовью ветеранов битв в пустыне, находились и другие,

прежде всего в пехотных дивизиях доминионов, кто не разделял такую точку зрения. Брук был убежден, что нужна энергичная, свежая личность, обладающая сильной волей и уверенностью в своих силах. Сам Брук не сомневался, что таким человеком был Монтгомери. В любом случае Брук решил отложить окончательное решение до личной встречи с Готтом. Черчилль, которому Готта горячо рекомендовал Иден, бывший офицер стрелковой бригады, чувствовал, что надо сохранить хотя бы одного генерала из «стариков», и был прав, считая Готта лучшим из них.

Когда Брук объявил о своем нежелании немедленно утвердить Готта, премьер-министр ответил тем, что предложил Бруку принимать командование на себя. Это было заманчивое предложение, хотя и связанное с понижением в должности. Но Брук понимал, что не должен принять это предложение, хотя это был бы легкий выход из затруднительного положения. Смертельно уставший, до предела вымотанный начальник имперского Генерального штаба сумел с трудом добраться до кровати только ранним утром 4 августа.

Он проснулся как раз к началу долгого разговора с Окинлеком, после которого встретился с адмиралом Генри Харвудом и маршалом авиации Артуром Теддером. Перед обедом состоялся разговор со Слатсом и тремя главнокомандующими. Затем, когда наступил жаркий каирский вечер, состоялось долгое и важное совещание с Окинлеком, в конце которого договорились о том, что Монтгомери должен принять командование 8-й армией, генерала Корбетта следует сместить с должности начальника штаба, а Готт должен заменить генерала Генри Уилсона, известного под фамильярной кличкой Джум-

60, на посту командующего британскими войсками в Египте.

В четверть шестого они снова собрались в посольстве для встречи с премьер-министром, который появился в сопровождении Сматса и Кэйси — австралийца, бывшего британским министром на Среднем Востоке. Черчилль настаивал на быстрых наступательных действиях, против чего выступили Брук и местные командующие. Спор был жарким и долгим, в результате Брук едва успел принять ванну перед девятичасовым ужином, после которого премьер-министр позвал его прогуляться вдвоем по саду.

Черчилль был недоволен соглашением, достигнутым Бруком и Окинлеком. Стало ясно, что предпочтение Черчилля основано на том, что Готт был все время кампании здесь, в Северной Африке, знал всех командиров, был в курсе всех дел, поэтому мог начать боевые действия. Назначение Монтгомери можно было использовать как предлог для задержки наступления. Спор продолжался до часа ночи, после чего осталось только три с половиной часа сна до отъезда в расположение 8-й армии.

Несмотря на несогласие с премьер-министром, Брук чувствовал, что прошедший день не пропал даром. Начальник Генерального штаба был рад тому, что Окинлек не возражал против назначения Монтгомери. Теперь, правда, Брука тревожило другое: смогут ли сработаться эти два генерала. Окинлек был склонен «ломать шеи» своим подчиненным, а Монтгомери вряд ли станет это терпеть. Стоило рассмотреть перемещение Окинлека на другую командную должность — шаг, который давно продумывал премьер-министр.

5 августа состоялся выезд всех заинтересованных лиц на фронт к Эль-Аламейну. Там Брук спо-

койно побеседовал с Готтом, который честно и искренне, что было ему свойственно, предложил влить в командование свежую кровь и назначить командующего, который имел бы новые идеи и верил в них. Было очевидно, что генерал Готт очень устал. Брук понимал, что, если бы не усталость, Готт никогда не говорил бы с ним в таком ключе.

Посещение 8-й армии укрепило Брука в двух суждениях, которые он уже давно для себя составил. Во-первых, 8-я армия действительно храбра, но была бита на мелкой воде и нуждается в новом, энергичном и решительном командующем, прежде чем сможет предпринять новое наступление. Во-вторых, Готт, невзирая на все его выдающиеся качества и самоотверженную верность, которые он проявил среди ветеранов пустыни, не подходил для командования ими. Брук понимал, что ему будет нелегко склонить к своей точке зрения премьер-министра и Сматса, который имел на Черчилля большое влияние. Он подготовился к возражениям, но не ожидал встретить на следующее утро такой ожесточенный натиск со стороны своих оппонентов.

Черчилль решил разделить зоны ответственности средневосточного командования на две половины с границей по Суэцкому каналу, отдав восточную часть Окинлеку, а западную — самому Бруку, а Монтгомери назначить командующим 8-й армией. Не говоря о том, что канал представлял собой естественную границу, все остальное показало Бруку, насколько он был прав в своих предчувствиях.

Предложение принять командование на Среднем Востоке было большим искушением. Самой первой реакцией Брука был отказ. В глубине

души он понимал, что его долг состоит в выполнении самой трудной задачи: в обуздании неумеренных побуждений и энергии премьер-министра для использования в нужном направлении, не вступая в открытые столкновения.

Черчилль использовал все свои уловки, чтобы соблазнить Брука принять предложение, которое даст ему возможность принимать исключительно самостоятельные решения. Смитс присоединился к уговорам, проявив недюжинную способность к убеждению. Эти два человека, чьи сила и обаяние могли внушать взгляды государственным деятелям и целым народам в течение половины столетия, не смогли пробить стену самоотверженности и верности долгу, проявленных старым солдатом.

В конце концов выбор пал на Александра как командующего британскими силами на Среднем Востоке и на Готта как командующего 8-й армией. Генерал Гарольд Александер, бывший ирландский гвардеец, командовал дивизией экспедиционного корпуса во Франции в начале войны под командой Брука, так же как и Монтгомери. С конца 1940 года по февраль 1942 года он занимал один из важнейших командных постов в Англии, будучи начальником южного командования. Потом он был послан в Бирму с невыполнимым заданием организовать оборону против японского вторжения. Во время трагического отступления в Индию он показал такие качества, как спокойствие духа, способность к разумным суждениям и здравый смысл, которые Брук отметил еще во время отступления из Дюнкерка. Александер только что вернулся в Англию, чтобы принять 1-ю армию, которой предстояло начать вторжение в Северную Африку под командованием генерала Эйзенхауэра. Брук приветствовал выбор Александра, но чувствовал, что назначение Готта было

² М. Карвер
«Битва под Эль-Аламейном»

ошибочным. Но, не ощущая в этом твердой убежденности, он не стал спорить.

Этой ночью в адрес кабинета была отправлена телеграмма с просьбой одобрить принятые решения и назначить Монтомгери командующим 1-й армией вместо генерала Александера. Рекомендовалось также сместить генерала Корбетта с должности в Генеральном штабе, а также передать командование 30-м корпусом новому командиру, назначенному вместо генерала Рамсдена, принявшего 50-ю дивизию у Нори после ухода его в отставку в июле. Военный кабинет немедленно согласился с предложенными изменениями в командовании и дал разрешение на разделение единого командования на Среднем Востоке на два.

7 августа день прошел спокойно. Премьер-министр посетил только что прибывшую 51-ю шотландскую дивизию. Незадолго до обеда, к вечеру пришло трагическое известие о том, что погиб генерал Готт. Он возвращался в Каир из Бург-эль-Араба на борту транспортного самолета, на котором, кроме него, летели несколько солдат и летчиков. Этот маршрут считался совершенно безопасным: два дня назад именно этим маршрутом летели премьер-министр и сопровождавшие его лица. Транспортный самолет был атакован двумя германскими истребителями, которые вынудили его совершить вынужденную посадку в пустыне. Большинство пассажиров, включая Готта, сумели выбраться из машины, но некоторые остались в самолете, как в западне. Готт вернулся в самолет, чтобы помочь им выбраться. В это время истребители вернулись и обстреляли стоявший на земле самолет. Машина загорелась, и погибли все, кто находился внутри. Известие потрясло собравшихся.

Кроме того, для Брука и премьер-министра это означало возвращение старой проблемы. Сначала Черчилль предложил на освободившуюся должность генерала Уилсона, но Смитс неожиданно поддержал Брука, и они вместе убедили премьер-министра, что самым подходящим человеком является Монтгомери. Ему следовало прибыть немедленно, и надо было представить трудность сообщения этой новости Эйзенхауэру, который всего за двадцать четыре часа до этого лишился Александра.

Новость о кадровых перемещениях теперь надо было обрушить на голову Окинлека. Для выполнения этой неприятной задачи в ставку 8-й армии был отправлен подполковник Йен Джекобс. Окинлек принял известие со свойственными ему достоинством и честью. Он отказался от предложенного ему утешительного приза в виде символического командования в Персидско-Иракском регионе и предпочел подать в отставку. В это время премьер-министр и Брук побывали в 8-й, 9-й и 24-й бронетанковых бригадах в сопровождении генерал-майора Ричарда Маккрири, которого Брук уже порекомендовал на место начальника штаба Александра вместо Корбетта.

Эти бригады вскоре должны были получить новые танки «шерман», которым было суждено сыграть важную роль в победе под Эль-Аламейном. Эти машины были предназначены для американской 1-й бронетанковой дивизии, которая с нетерпением ждала их. Падение Тобрука произошло в то время, когда премьер-министр был в Вашингтоне на встрече с президентом Рузвельтом и генералом Маршаллом. Американцы сделали широкий жест, учтя наше тяжелое положение,

и приняли решение направить в 8-ю армию 300 боевых машин, которые уже были на подходе к Суэцкому каналу во время инспекции танковых бригад.

На следующее утро 9 августа на несчастье Брука во время завтрака прибыл генерал Александер. Брук надеялся переговорить с генералом с глазу на глаз до того, как Черчилль успеет заразить его своими идеями о проведении будущей кампании. Но премьер-министр узнал о прибытии нового командующего уже через несколько минут после его прилета. Весь день прошел в совещаниях, а 10 августа вскоре после полуночи премьер-министр и его свита вылетели в Тегеран. Перед отъездом Черчилль дал генералу Александеру следующую директиву:

1. Вашим первейшим долгом является разгром германо-итальянской армии под командованием фельдмаршала Роммеля вместе с уничтожением всех складов и укреплений в Египте и Ливии.

2. Вы откажетесь от выполнения любых задач, которые помешают решению главной задачи, приоритетной для интересов его величества.

Той же ночью Англию покидал Монтгомери. 7 августа он присутствовал на больших учениях в Шотландии, когда его вызвали в Лондон, чтобы сообщить, что он заменит генерала Александра на посту командующего 1-й армией в войсках Эйзенхауэра. Беседа в военном кабинете оставила у него неприятный осадок, он испытывал некоторые опасения, получив новую задачу, после возвращения в свой штаб в Ригейте долго обдумывал создавшееся положение и пришел к выводу, что можно быть довольным назначением в действующую полевую армию. В семь часов следующего

утра ему позвонили из военного кабинета и приказали быть готовым немедленно отправиться в Египет, чтобы принять 8-ю армию. Это была гораздо лучшая весть: командовать самой прославленной британской армией, воюющей с реальным противником, под руководством начальника, которого он хорошо знал и любил. Надо было лишь найти человека, который позаботился бы о его сыне, который находился в это время в школе. У любящего отца не было времени даже попрощаться с ребенком. Александер должен был принять дела у Окинлека только 15 августа; до этого времени причина его пребывания в Каире не разглашалась. Поэтому по прибытии на место 12 августа Монтгомери явился к Окинлеку и от него получил первые приказы. Это была, конечно, ненормальная ситуация. Окинлек подчеркнул особенность ситуации в 8-й армии, номинальным командующим которой он пока являлся. Генерал Рамсен лишь исполнял его обязанности. Монтгомери мог отправиться в пустыню, чтобы ознакомиться с обстановкой, но не должен был принимать командование армией до 15 августа, когда Окинлек передаст командование войсками генералу Александеру. Если бы до этой даты произошел какой-то кризис, то Окинлек прибыл бы в армию и взял командование на себя.

Все это очень не понравилось Монтгомери. Он явился к генералу Александеру и предложил сформировать мобильный резервный корпус, подобно африканскому корпусу Роммеля. Александер согласился, и Монтгомери направился обсудить вопрос с генералом Джоном Хардингом, представителем ставки в штабе, единственным человеком из Генерального штаба, оставшимся в Каире. Хардинг обещал, что Монтгомери получит возможность сформировать такой корпус, который можно будет

составить из новозеландской дивизии, 1-й и 8-й или 10-й бронетанковых дивизий; корпус получит номер 10 и возьмет на себя роль 30-го корпуса, сформированного перед операцией «Крусейдер» в сентябре 1941 года для тех же целей.

В пять часов утра 13 августа Монтгомери на автомобиле выехал из Каира в пустыню. У пересечения прибрежной шоссейной дороги и пустынного тракта, ведущего в Александрию, его встретил бригадный генерал Фредди де Гинган, начальник оперативно-разведывательной части штаба 8-й армии. Они были старыми знакомыми, и Монтгомери не составило большого труда убедить его честно и откровенно обрисовать неудовлетворительное состояние дел в 8-й армии. По дороге Монтгомери решил взять де Гингана к себе на должность начальника штаба, с тех пор они не расставались до самого конца войны.

Они прибыли в ставку 8-й армии около одиннадцати часов утра. Монтгомери не понравилось и здесь. На всем лежал отпечаток временности. Рамсен был на месте, и Монтгомери учинил ему подлинный допрос о планах действий. Когда Рамсен закончил доклад, Монтгомери решил, что не может ждать два дня в таких обстоятельствах. Он приказал Рамсену возвращаться в его корпус, решив, невзирая на приказ Окинлека, немедленно вступить в командование армией. Рамсен, не без удивления, подчинился. За завтраком под открытым небом, окруженный роем надоедливых мух, Монтгомери решил не останавливаться и отменил все прежние приказы. В два часа он сообщил в Генеральный штаб о своих действиях, после чего покинул штаб армии и направился в расположение 13-го корпуса, надеясь, что там все

в порядке. Фрейберг, оправившийся от ран, временно принял на себя командование 13-м корпусом после гибели Готта. В нем Монтгомери нашел сочувствие своим идеям, которые уже окончательно сформулировал. Он вернулся в штаб 8-й армии в половине седьмого и немедленно собрал весь штаб.

Монтгомери объяснил свои намерения. Отступление не будет. Армия будет удерживать свои позиции, вышет транспорт в тыл и создаст склады в прифронтовой полосе. Для этого потребуется дополнительное количество войск из дельты Нила. Армия будет оборонять Египет у Эль-Аламейна, а не восточнее его. Необходимо сформировать новый резервный танковый корпус. Дивизии будут сражаться как дивизии, их нельзя дробить. Но для полноценной работы штаба армии надо создать сносные условия, для чего штаб будет передислоцирован к морю, ближе к расположению главного штаба авиации. У него приказ — разгромить Роммеля и его армию. Если Роммель перейдет в наступление в ближайшее время, это создаст немалые трудности. Если это произойдет через неделю, все будет в порядке. Если наступление начнется через две недели, противник, несомненно, будет отброшен. В любом случае Монтгомери не собирается атаковать до достижения полной готовности войск к наступлению. Начальником штаба армии назначается де Гинган, он получает в свое полное распоряжение штаб со всеми его подразделениями и отделами. Любой его приказ следует рассматривать как приказ командующего, которому надо беспрекословно подчиняться.

Весь следующий день был посвящен обсуждению единственного вопроса: что делать, если Роммель, как ожидалось, нанесет удар в ближайшие дни?

Монтгомери прежде всего вник в состояние войск противника, который был занят возведением укреплений и подготовкой минных полей. Сектор вражеской обороны занимал 21-й итальянский корпус генерал-лейтенанта Наварини. Линию фронта от побережья до местечка Дейр-эль-Шейн удерживала недавно прибывшая немецкая 16-я танковая дивизия, усилившая находившуюся здесь итальянскую дивизию «Тренто». Между Дейр-эль-Шейном и местностью в нескольких милях к северо-востоку от Карет-эль-Абда стояла итальянская дивизия «Болонья». Южный сектор удерживал 10-й итальянский корпус под командой генерал-лейтенанта Орси. К северу от Гебель-Калаха находилась итальянская дивизия «Брешия» с приданными ей батальонами немецкой особой 288-й парашютно-десантной бригады полковника Рамке. К югу от них, прикрывая местность между Гебель-Калахом, плато Така и местечком Наиб-абу-Двейс, находилась итальянская парашютно-десантная дивизия «Фольгоре». В тылах передовых войск, в резерве, находились два мобильных корпуса, 20-й итальянский корпус генерал-майора де Стефаниса с бронетанковой дивизией «Арьете», расположенной в тылу дивизии «Брешия» к северо-западу от Карет-эль-Абда, дивизия «Литторио» в тылу «Фольгоре» непосредственно к западу от Гебель-Калаха и моторизованная дивизия «Триест» в нескольких милях к северо-западу.

21-я немецкая танковая дивизия находилась на севере, в 6 милях к северо-западу от Дейр-эль-Шейна, а 15-я немецкая танковая дивизия находилась в центре, на таком же расстоянии к северо-западу от Карет-эль-Абда. 90-я немецкая легкая дивизия покидала линию фронта, чтобы развернуться между дивизиями «Арьете» и «Литторио» к западу от Карет-эль-Абда.

Складывалось впечатление, что Роммель готовит свои мобильные корпуса к новому наступлению. Предполагалось, что он нанесет удар ближе к полнолунию, которое должно было начаться 26 августа. Поскольку саперы Роммеля интенсивно минировали северный сектор обороны, можно было думать, что он, как обычно, предпримет смелый маневр с целью обойти южный фланг и прорваться к побережью.

Составленный с целью отражения наступления Роммеля план, подготовленный до приезда в 8-ю армию Монтгомери, заключался в следующем. 30-й корпус должен прочно удерживать занятые им позиции, имея в своем составе 9-ю австралийскую, 1-ю южноафриканскую и 5-ю индийскую дивизии, последовательно занимавшие цепочку укреплений от Тель-эль-Эйсы на северо-восточном направлении до края «бокса» Эль-Аламейна и далее к югу до хребта Рувейсат, включая и его. В резерве этих дивизий находилась 23-я бронетанковая бригада, вооруженная танками «валентин». К югу от хребта Рувейсат располагалась новозеландская дивизия из состава 13-го корпуса, бригады которой удерживали позиции дальше к югу до хребта Баре. В распоряжении командира корпуса была также 21-я индийская пехотная бригада в Алам-эль-Хальфе, сменившая здесь 4-ю индийскую бригаду, отошедшую к Каиру для пополнения. Таким образом, у хребта Баре образовалась широкая брешь между передовыми бригадами новозеландской дивизии и индийской бригадой в Алам-эль-Хальфе.

Командованию 13-го корпуса подчинялась также 7-я бронетанковая дивизия. В ее составе была 22-я танковая бригада, расположенная в районе

Алам-эль-Хальфы, 7-я моторизованная бригада, патрулировавшая минные поля между новозеландцами, державшими оборону на хребте Баре, и Химейматом, и 4-я легкая дивизия, моторизованный батальон которой был дислоцирован в районе Химеймат: его бронемобили действовали в светлое время к западу от минных полей и к югу от Химеймата.

В целом войска доминионов были в полном порядке, за исключением 5-й индийской дивизии и 7-й бронетанковой дивизии, которые представляли собой хаотичный конгломерат подразделений, не приведенных в надлежащий порядок после прибытия их на линию Эль-Аламейна после изматывающих июльских боев. Прибывало новое вооружение, и состояние армии было не таким плохим. Армия получила почти 600 танков, из которых 400 были укомплектованы экипажами и были готовы вступить в бой. Мощность полевой артиллерии достигла 20 стволов на один полк, но было два средних полка, которые вместе имели в своем распоряжении всего 26 орудий. Ощущалась серьезная нехватка противотанковых орудий, особенно новых 6-фунтовых, но за последний месяц многие пехотные батальоны получили первые 2-фунтовые орудия, а полки противотанковой артиллерии начали получать 6-фунтовые орудия.

Некоторые особенности оборонительных сражений в пустыне произвели неизгладимое впечатление на Окинлека и его штаб. Во-первых, выяснилось, что нет смысла концентрировать большие силы пехоты на оборонительных позициях, если ее не поддерживает противотанковая и полевая артиллерия, позволяющая обеспечить эффективную круговую оборону. Во-вторых, изолированные стационарные

оборонительные позиции доказали свою бесполезность. Главной оказалась способность двигаться и концентрировать огневую мощь в тех местах, где противник был готов перейти в наступление и также концентрировал свои силы. Следовательно, надо было соблюсти равновесие между войсками (прежде всего артиллерией), предназначенными для обороны, и мобильными подразделениями, пригодными для маневра. В-третьих, все подразделения и штабы, развернутые в ближнем тылу, не должны обращаться в паническое бегство при прорыве мобильных сил противника в тыл войск переднего края. Следовательно, тыловые подразделения должны быть способны обороняться до того момента, когда наши мобильные соединения выровняют положение. Поэтому их следует объединить и организовать из них пригодные к обороне единицы. А если противнику удастся прорвать нашу оборону на большую глубину, то должны существовать силы и средства для защиты и эвакуации малоподвижных и беззащитных тыловых и административных подразделений.

Прекрасно понимая это, Окинлек приказал, чтобы оборонительные позиции состояли из боксов, каждый из которых должны оборонять два пехотных батальона, усиленные тремя: полевой, противотанковой и зенитной артиллерийскими батареями. Между боксами должны находиться остальные силы дивизий, организованные в мобильные подразделения, которые могли бы концентрироваться на направлениях ударов противника. В тылах дивизий и в местах дислокации корпусных и армейских штабов следовало организовать до десяти опорных пунктов (или боксов), в которых остальные части могли бы сосредоточиться для оказания сопротивления прорвавшемуся противнику. За ближними тылами следовало подготовить резервные позиции

близ Амирии и Вади-Натрун, которые должны были прикрыть передовые полевые аэродромы. Были также разработаны планы возведения долговременных оборонительных сооружений и затопления части участка дельты, а также патрулирования пустыни между Каиром и Сивой, но это уже не входило в компетенцию командования 8-й армии.

Если, как ожидалось, Роммель нанесет удар на южном направлении и попытается обойти и отрезать позиции 30-го корпуса с тыла, то план предусматривал, что 13-й корпус отведет левый фланг с линии хребта Баре назад к Алам-эль-Хальфе, так же как в мае фланг должен был быть отведен от Бир-Хашейма к Бир-эль-Губи. Проблема, однако, заключалась в том, что без привлечения мобильных сил 7-й бронетанковой дивизии не хватало сил для выполнения поставленных задач. Только 7-я дивизия могла заполнить брешь между передовыми позициями новозеландской дивизии на хребте Баре и 21-й индийской пехотной дивизией у Алам-эль-Хальфы. Командир 7-й бронетанковой дивизии генерал Рентон, вспоминая события 27 мая, с большой горечью говорил о трудностях, возникших при согласовании действий бронетанковых бригад. Тогда он предпочел отступить на восток, отойти к югу от Алам-эль-Хальфы, чтобы иметь возможность при любом развитии событий атаковать открытый правый фланг наступавшего Роммеля.

В этом плане было несколько пунктов, которые не понравились Монтгомери; прежде всего, что концепция базировалась на допущении, что мобильные силы Роммеля прорвут оборону и выйдут в тыл передовых частей. Монтгомери сразу обратил внимание на важность хребта Рувейсат; его

надо было обязательно удержать. Когда новый командующий изучил положение южного сектора обороны 13-го корпуса, где предстояло решать главную задачу, то быстро понял две важные вещи. Во-первых, стратегическую важность участка Алам-эль-Хальфы. Во-вторых, он понял, что сможет укрепить растянутый фланг на хребте Баре, создав мобильные части, способные ударить во фланг Роммелю или нанести ему встречный удар, если он будет наступать более широким фронтом. Монтгомери полагал, что эти силы можно получить из района дельты, из прибывшего пополнения и частей, стоявших на переформировании. Получив подкрепления, можно было не подвергать опасности жизненно важное направление. Кроме того, отпадет необходимость заниматься организацией боксов и переживать по поводу возможных прорывов противника в тылы передовых частей. Тем более, что это дело было совершенно незнакомым, сомнительным, поэтому весьма непопулярным.

Судя по донесениям, первые шаги нового командующего 8-й армией были посвящены усилению передовых оборонительных позиций и отмене всех мероприятий, вызывающих сомнения в возможности их надежного удержания. После этого Монтгомери немедленно занялся ликвидацией брешей в южном секторе обороны 13-го корпуса. В тот же вечер, 14 августа, он приказал де Гингану позвонить в главный штаб и потребовать присылки 44-й пехотной дивизии, которую планировали перебросить только в конце месяца. Штаб в Каире ответил, что приложит все силы для переброски части войск в течение нескольких дней, но вся она будет закончена по утвержденному плану. Де Гинган доложил об этом Монтгомери, который немедленно позвонил Хардингу. Тот изложил требование Монтгомери

сначала Корбетту, потом Окинлеку и, наконец, Александеру. Все трое согласились, что надо удовлетворить пожелание Монтгомери, и уже 16 августа в распоряжение нового командующего прибыла почти вся дивизия, а одна из ее бригад на следующий день. 132-я бригада прибывшей дивизии была придана новозеландской дивизии и заняла позиции перед хребтом Баре. Остальная часть дивизии сменила 21-ю индийскую бригаду у Алам-эль-Хальфы и немедленно приступила к укреплению и расширению позиций.

В это же время прибыл генерал-лейтенант Брайан Хоррокс и принял командование 13-м корпусом. Генерал был прислан по личной просьбе Монтгомери, который всегда восхищался неутомимой деятельностью этого человека на посту командующего юго-восточными силами Англии. Хоррокс, которому в это время исполнилось сорок шесть лет, служил во время Первой мировой войны в мидлсексском полку, был ранен и попал в плен. В начале Второй мировой войны он командовал 2-м батальоном того же мидлсексского полка во Франции. В мае 1940 года он стал командиром бригады, а затем в чине бригадного генерала получил должность начальника штаба юго-восточного командования. В Англии он одновременно командовал 44-й пехотной и 9-й бронетанковой дивизиями. Это был сильный человек, почти фанатично преданный делу и способный с равной легкостью убеждать собеседников или обрушивать на них всю силу своего гнева.

В последующие десять дней 8-я армия была усилена артиллерией и танками. Вместе с 8-й бронетанковой бригадой (Кастенс) прибыл штаб 10-й бронетанковой дивизии (Гейтхауз). В то же время предпринимались беспрецедентные усилия для дезинформации противника. Прежде всего надо было заставить его отложить наступление, создав

впечатление резкого усиления позиций на южном направлении. Два ложных танковых батальона были выдвинуты в район к востоку от Химеймата, у Самакет-Габаллы была подготовлена ложная позиция пехотной бригады и установлены ложные минные поля. Все эти мероприятия были завершены к 25 августа. Если Роммелю все-таки удалось бы прорваться, то ему подбросили бы карту ложного отступления, якобы потерянную патрулем у передовых позиций англичан. В действительности это была карта самых зыбучих песков к югу от Алам-эль-Хальфы. Этот опасный участок был показан как удобный проход, а удобные проходы были отмечены как опасные в надежде заманить Роммеля в западню. К сожалению для составителей ложных карт, Роммель не обратил внимания на эти ухищрения: они не оказали никакого влияния на его действия.

Ко времени наступления полнолуния 8-я армия была полностью готова к встрече Роммеля. 30-й корпус (Рамсден) получил приказ удерживать свои позиции до последнего солдата и последнего патрона. План для 13-го корпуса (Хоррокс) заключался в том, что позиции новозеландской дивизии (Фрейберг) и 44-й дивизии (Хьюз) также следовало оборонять до последнего солдата и последнего патрона. 7-я бронетанковая дивизия (Рентон), державшая фронт к югу от новозеландцев, должна была, по возможности, остановить противника у передовых минных полей. Если это не удастся, требовалось как можно дольше задерживать противника, используя для этого 7-ю моторизованную бригаду Босвайла и 4-ю легкую танковую бригаду Карра, имевших на вооружении небольшое количество танков: «стюартов» и «крусейдеров». Собственная 22-я танковая бригада дивизии под командованием Робертса была отведена и передана в распоряжение

10-й бронетанковой дивизии. Таким образом, под началом Гейтхауза оказались две танковые бригады — 22-я, занявшая позиции непосредственно к западу от Алам-эль-Хальфы на высоте 102, и 8-я, расположившаяся в 6 милях к юго-востоку от Алам-эль-Хальфы или в 10 милях к востоку от Робертса. Позиции пехоты Хьюза располагались между этими двумя бригадами немного позади них. Соединение Гейтхауза представляло резервный корпус, оно было готово занять боевые позиции на участке бригад или начать контратаку совместно с 23-й бронетанковой бригадой Ричардса из состава 30-го корпуса.

16 августа штаб армии был переведен в благоприятное местечко Бург-эль-Араб на берегу моря, где расположился по соседству со штабом маршала авиации Кониингхэма, командовавшего военно-воздушными силами пустыни. Согласно совместно разработанному плану в случае наступления Роммеля его моторизованные колонны нужно было ночью атаковать «веллингтонами» Королевских военно-воздушных сил и «альбакорами» военно-морской авиации, которые также должны были сбросить осветительные бомбы для точного определения целей. В светлое время суток авиация должна была принять самое активное участие в боевых действиях. Легкие бомбардировщики «бостон» должны были нанести удары по полевым аэродромам немцев у Дабы и по штабу Роммеля, который, как полагали, находится недалеко оттуда.

Полнолуние наступило 26 августа, но наступления немцев не последовало. Все британские войска находились в полной боевой готовности. Проходили дни, луна начала убывать, но наступления не было. Профессиональные разведчики надули щеки, решив, что своим хитроумным трюком сумели запугать противника.

ПОСЛЕДНЯЯ СТАВКА ИГРОКА

21 июня пал Тобрук. Роммель, теперь уже генерал-фельдмаршал, предложил отказаться от прежнего плана наступления до границы Египта, а, имея в распоряжении запасы, захваченные на складах Тобрука, до конца использовать замешательство противника, охватившее его после поражения. Надо наступать прямо на Александрию и Каир, а темп наступления не даст британцам оправиться и организовать достойную оборону.

Роммель, как командующий германо-итальянской танковой армией «Африка», подчинялся приказам итальянского верховного главнокомандования, возглавляемого маршалом Кавальеро, при котором генерал фон Ринтелен состоял представителем германского Верховного командования вермахта. В Италии также находился фельдмаршал Кессельринг, командующий германскими военно-воздушными силами в Средиземноморье, непосредственный начальник Роммеля согласно немецкой таблицы о рангах. На практике же Роммель получал приказы непосредственно из ставки ОКВ. Очень часто эти приказы отличались от приказов итальянского командования. Хотя Роммель часто жаловался на эту ненормальную ситуацию, в действительности он часто использовал ее к собственной выгоде.

До начала наступления на Газалу в конце мая Роммель предложил сначала захватить Мальту. Для этого разрабатывался план «Геркулес», но было ясно, что закончить в срок его подготовку не удастся, хотя она началась еще в феврале. Наконец, было решено провести операцию на Мальте после того, как Роммель захватит Тобрук, — это позволит высвободить необходимые для мальтийской операции военно-воздушные силы.

Кессельринг был солидарен с итальянцами в том, что не следует очертя голову бросаться к дельте Нила. Наличных ресурсов хватило бы на обеспечение продвижения войск на расстояние не более 30 миль от Тобрука или 700 миль от Бенгази при одновременной нейтрализации Мальты. Если Мальта не будет захвачена, то действия в пустыне превратятся в весьма опасное предприятие. Эти мудрые взгляды разделял и начальник штаба Роммеля полковник Зигфрид Вестфаль. Роммель же рассматривал такую мудрость как малодушие. Имеется прекрасная возможность захватить ключевой участок Среднего Востока и соединиться с германскими войсками, занявшими Северный Кавказ. Предосторожности и мрачные пророчества об отсутствии воздушной поддержки, трудностях снабжения войск он уже слышал во время своего победоносного наступления на Эль-Аламейн, так что на них не стоит обращать внимания. Он будет в дельте Нила до того, как британцы успеют прийти в себя и организовать противодействие. Он получит все ресурсы их огромных баз и все полевые аэродромы. Флот и авиация союзников уже не смогут безраздельно господствовать в Восточном Средиземноморье, исчезнут трудности, связанные с доставкой снабжения из Италии.

Гитлер, который никогда не был сторонником проведения операции по захвату Мальты, поддержал Роммеля и убедил итальянское верховное главнокомандование изменить цели. Роммель, отбросив все сомнения и предосторожности, устремился к Нилу.

Как уже было сказано, первый удар потерпел неудачу в самом начале. Бесперывные сражения июля быстро съели запасы, захваченные в Тобруке. Естественно, боеприпасы годились только для

трофейного оружия. В конце июля, когда обе стороны перешли к оперативной паузе, ситуация со снабжением стала близка к критической. Порт Тобрука мог принимать только 60 тонн грузов в день — малую долю того, что было нужно войскам. Кроме того, Тобрук был очень уязвим для атак с воздуха. Приходилось использовать в качестве баз снабжения также Бенгази и Триполи. Не было средств для того, чтобы использовать железную дорогу от Тобрука до линии фронта, хотя попытки предпринимались. Рейс грузовика от Триполи и обратно занимал двенадцать дней, от Бенгази — семь дней. К тому же Роммель испытывал острую нехватку транспортных средств. Большую часть того, что он имел, представляли трофеи, добрая половина которых была не пригодна к эксплуатации. Что еще хуже, подкрепления, немецкие парашютисты с Крита, 164-я дивизия, особая группа 288-го батальона полковника Рамке и итальянская парашютно-десантная дивизия «Фольгоре», были переброшены в Африку по воздуху, поэтому не привезли с собой ни одного автомобиля.

Главной заботой Роммеля были проблемы с транспортом и снабжением войск. Теперь он возложил вину на тех, кто, предвидя все эти трудности, не ударил пальцем о палец и не предпринял сверхчеловеческих усилий для доставки транспортных средств и снаряжения со складов из Германии и Италии. Но из-за военно-морских и воздушных атак с Мальты и баз в Египте путь через Средиземное море и выгрузка кораблей в обстреливаемом порту Киренаики стали дорогими и опасными операциями. В июле было получено только 6000 тонн военных грузов — одна пятая часть от запланированного количества. За первые три недели августа, хотя в это время не проводились широкомасштаб-

ные операции, танковая армия «Африка» использовала вдвое больше припасов, чем было доставлено за этот период по Средиземному морю. Положение усугубилось тем, что в начале августа итальянцы направили в дивизию «Пистойя», расквартированную в Ливии, три или четыре сотни грузовиков. Эту дивизию не предполагали использовать в Египте, а фронтовая немецкая 164-я дивизия располагала всего 60 грузовиками. В июле из Италии для немцев не было отправлено ни одного автомобиля.

Роммель горько жаловался итальянцам и Кесельрингу. Он подчеркивал, что в расположенных в Ливии войсках на двух немцев приходится один итальянец — соотношение было 82 000 к 42 000; при этом немцы получили только 8200 тонн — одну треть от необходимого, а итальянцы в три раза больше; даже военно-воздушные силы, от которых было очень мало пользы, получали больше, чем сухопутная армия. По прошествии стольких лет нам трудно судить об объективности жалоб Роммеля. Нам лишь точно известно, что из Италии в Северную Африку были отправлены в августе 30 грузовых судов, 14 барж и 6 подводных лодок. Из них 4 судна были потоплены подводной лодкой и 3 атаками с воздуха; в Тобрук пришли 14 надводных кораблей, 13 барж и 2 подводные лодки; 7 надводных кораблей и 2 подводные лодки — в Бенгази; 1 надводное судно и 1 подводная лодка — в Триполи и 1 подводная лодка — в Дерну. Из отправленных 3720 тонн боеприпасов было потеряно 1660; из 15 500 тонн горюче-смазочных материалов — 2700; из 6370 тонн прочих припасов и снаряжения — 2120, было потеряно также 43 из 220 артиллерийских орудий и 367 из 1147 автомобилей. В целости и сохранности прибыли все 39 танков. Несмотря на то что в процентном отношении горючего было потеряно меньше, чем остальных грузов, танковая

армия потребляла его так быстро, что снабжение топливом вызывало наибольшую тревогу Роммеля.

В довершение всех бед, касающихся материально-технического обеспечения, на Роммеля свалилась еще одна неприятность — болезни. Санитарно-гигиеническое состояние не было сильной стороной танковой армии «Африка». Большая часть офицеров и солдат находились на передовой без перерыва в течение двух с половиной лет. Начало сказываться напряжение, в котором держал их Роммель, который, впрочем, не делал исключения для себя. С большой силой заболевания и общая усталость поразили армию, когда схлынула волна энтузиазма по поводу победоносного броска в Египет. Заболел и сам Роммель, его беспокоили частые обмороки. Его врач профессор Херстер диагностировал сочетание хронического воспаления желудка и кишечника со значительным нарушением кровообращения. Начальник штаба армии генерал Гаузе страдал сильнейшими головными болями, а полковник Вестфаль слег с желтухой.

Таким образом, озабоченность по поводу состояния армии не сводилась только к проблеме сражений с британцами. Будучи озабочен трудностями материально-технического снабжения и проблемами эффективной организации войск, Роммель отчетливо понимал, что его противник, отступивший почти на свои базы, имел неоспоримое преимущество, выигрывая за счет короткого расстояния от них. Он осознавал, что подкрепление и грузы из Англии и Америки находятся в пути и по прибытии в Суэц немедленно окажутся на линии фронта. Приезд Черчилля показал, какое значение придает Британия удержанию Египта. Немецкая разведка установила, что большой конвой, везущий более 100 000 тонн снаряжения и грузов, прибудет в Суэц до начала сентября. Роммелю было жизненно важно атако-

вать 8-ю британскую армию до того, как она воспользуется этим грузом. Последней датой решающего наступления могло стать полнолуние, которое должно было начаться 26 августа.

Но это было не единственное соображение, диктовавшее необходимость быстрого наступления. Каждый день указывал на усиление британской обороны, особенно это касалось установки и уплотнения минных полей. Практически уже не было надежды на стремительный прорыв на северном участке фронта от побережья до хребта Рувейсат. Линия укреплений и минных полей продлевалась к югу. Каждый проходивший день уменьшал возможность быстрого маневра и окружения 8-й армии с ее последующим разгромом, и под угрозой оказалась стратегия, столько раз приводившая к блестящим победам. Если минные поля вместе с легкими оборонительными сооружениями будут доведены хотя бы до Карет-эль-Химеймата, то вся стратегическая концепция потеряет свое значение. В этом случае удар надо будет наносить в лоб, и тогда материальное превосходство и бульдозье упорство 8-й армии склонят чашу весов в ее пользу. Единственная надежда на успех — навязать британцам мобильную войну, в которой они будут не способны (вследствие неопределенности ситуации и медленной реакции своего командования) воспользоваться своими преимуществами в огневой мощи и господством в воздухе.

Наступать надо было как можно раньше, но ничего нельзя было предпринять до того, как улучшится положение с доставкой грузов, особенно горючего. Роммель не переставал теребить Кессельринга и Кавальеро. Болезнь обострила его прямопу, доходившую до бестактности. Отношения между Роммелем и итальянцами стали очень напряженными.

Назначив день наступления полнолуния 26 августа как дату начала наступления, Роммель принялся обдумывать план атаки. Июльские сражения и нарастающая мощь обороны противника исключали всякую надежду на легкий прорыв в районе хребта Рувейсат или к северу от него.

К югу от хребта и к северу от впадины, идущей к юго-востоку от Карет-эль-Абда, 8-я армия без устали окапывалась и устанавливала мины. К концу месяца шансы провести здесь стремительный прорыв становились весьма призрачными.

Сектор к югу от впадины и к северу от скал, тянувшихся от Гебель-Калаха до Химеймата, удерживался его старым соперником — 7-й бронетанковой дивизией. Это соединение играло в свои обычные игры — патрулировало местность вблизи от переднего края бронев автомобилями и мелкими колоннами мотопехоты, поддержанной артиллерией. Из-за этого Роммелю трудно было понять, что происходит в действительности, но не было похоже, чтобы в этом месте происходило серьезное укрепление обороны. Воздушная разведка подтвердила, что оборона здесь достаточно слаба. Установка большого числа мин затруднила бы маневр самой 8-й армии в случае возможного нанесения контрудара.

Исходя из этого, Роммель решил почти в точности повторить исполнение своего плана, который принес ему успех в наступлении 27 мая на Тобрук. Все было поставлено на стремительное окружение в течение одной ночи южного фланга 8-й армии к северу от Химеймата. Перед рассветом африканский корпус Неринга силами 11-й и 21-й танковых дивизий должен был выйти к югу от Алам-эль-Хальфы, оказавшись в тылах позиций 8-й армии. Слева от африканского корпуса должны были действовать XX корпус генерала де Стефаниса, а так-

же танковые дивизии «Арете» и «Литторио». Наступавшая еще левее 90-я легкая немецкая дивизия Клеемана должна была преодолеть впадину. К половине четвертого утра все эти силы должны были развернуться фронтом на север.

Используя светлое время суток, африканский корпус должен был с максимальной скоростью двигаться к северу — к побережью, имея целью железнодорожную станцию Рувейсат, а наступавшие части слева должны были сделать броски в тылы британских соединений у хребта Рувейсат. 8-ю армию нужно было окружить и отрезать от баз снабжения, создать непосредственную угрозу ее полевым аэродромам и даже Александрии. После этого ничто не будет стоять между войсками Роммеля и Каиром. Достигнув берега моря, Неринг должен повернуть на восток на зоны снабжения британцев. Роммель полагал, что это заставит 8-ю армию повернуть назад свои мобильные части, которые он надеялся разгромить в быстротечном сражении. Позициями у Эль-Аламейна займутся пехотные дивизии, как это было в Тобруке в июне, а танковые соединения продолжают марш на Александрию, Каир и дальше на восток. 15-я танковая дивизия фон Бисмарка и 90-я легкая дивизия Клеемана будут двигаться на Каир через пустыню, где их потом сменит итальянский мобильный корпус,двигающийся по Вади-Натрун и пустынному тракту. После этого фон Ферст и Клееман совершат бросок на Суэц, а де Стефанис займется преследованием остатков противника в долине Нила.

Чтобы успешно осуществить этот план, было необходимо выполнить три жизненно важных условия: внезапность, темп и бесперебойный подвоз

боеприпасов и горючего для ведения маневренных сражений. Для достижения внезапности следовало до самого последнего момента маскировать передвижение войск к югу. Танки передвигались бы ночью к местам скрытого сосредоточения в складчатой местности близ Гебель-Калаха, где они стояли бы замаскированными в течение дня. Этот маневр предполагалось совершить в течение четырех суток, перемещая каждую ночь четверть танковых сил. Весь колесный транспорт должен был выдвинуться к месту сосредоточения в течение ночи перед наступлением. Их отсутствие в местах обычной дислокации решили замаскировать передвижением тыловых частей, занимающих свои позиции. Для обеспечения большей внезапности можно было нанести отвлекающий удар по хребту Рувейсат незадолго до наступления главных сил на юге. Темп наступления можно было обеспечить одновременным движением на широком фронте, обходя мелкие очаги сопротивления и двигаясь смело вперед, несмотря на потери на непредвиденных минных полях. Этих потерь Роммель опасался меньше всего. Африканский корпус был способен дерзко атаковать, но главным условием успеха была полная луна, а полнолуние не могло наступить раньше 26 августа.

Главным препятствием было снабжение, особенно горючим. Способность наступать и давить по всему фронту, навязать противнику маневренную тактику и использовать растерянность врага определялась бесперебойной доставкой горючего до момента, когда войска достигнут передовых британских складов.

Тем не менее поступления горючего, в котором так нуждался Роммель, все не было. Растущее волнение и тревога от того, что время неумолимо уходило, подрывали его и без того расшатан-

ное здоровье. 22 августа Роммель представил фон Ринтелену свои минимальные потребности, которые требовалось удовлетворить для начала наступления не позже конца августа. Необходимо было обеспечить запасы горючего и боеприпасов по меньшей мере на четыре дня боевых действий к тому, что уже имелось в частях и подразделениях. 27 августа, когда полнолуние уже наступило, к Роммелю прилетел Кессельринг. Роммель опять жаловался своему непосредственному начальнику. В конце встречи он сумел вырвать из Кессельринга обещание, что при возникновении экстремальной ситуации тот будет по воздуху доставлять в наступающие войска по 500 тонн грузов в сутки.

Наступили последние дни августа, и луна пошла на убыль, а горючее и боеприпасы, обещанные итальянским верховным командованием, не поступили. Роммель понимал, что если он не начнет наступление, то все его надежды сокрушить 8-ю армию и самому избежать поражения пойдут прахом. К следующему полнолуннию стремительный прорыв станет невозможным, так как 8-я армия получит подкрепление и дополнительное вооружение, которое сейчас, вероятно, подходит к Красному морю. Роммель приказал начать сосредоточение танковых сил сразу после отъезда Кессельринга. Всякое дальнейшее промедление грозило лишить его преимущества внезапности. 28 августа Роммель вызвал к себе корпусных командиров фон Ферста, фон Бисмарка и Клеемана, чтобы отдать им последний приказ о наступлении, которое должно было начаться в ночь на 31 августа. Однако выполнение этого приказа зависело от прибытия трех танкеров с горючим в течение следующих двух дней. Роммелю доложили о количестве танков в армии: у немцев было

26 специальных танков «Марк-IV», вооруженных длинноствольной 76-мм пушкой, и 10 старых машин с короткоствольными 75-мм пушками; 71 новый танк «Марк-III (J)» с длинноствольной пушкой калибра 50 мм и 93 старые машины с короткоствольными орудиями. Всего в распоряжении армии было ровно 200 танков, не считая 29 легких и 5 командирских танков. У итальянцев было 243 средних и 38 легких танков.

В ответ на последнее отчаянное обращение Роммеля к Кавалльеро последний ответил 30 августа, что танкеры с горючим придут под надежным конвоем в Тобрук и Бенгази уже через несколько часов, самое позднее — на следующее утро. В этот день Кессельринг также передал Роммелю 1500 тонн горючего военно-воздушных сил. Это дало немецкой армии четырехдневный запас горючего сверх двух- или трехдневного запаса, который имелся в подразделениях и частях. Уверенный только в недельном запасе топлива, но имея слабую надежду на дополнительное поступление горючего, Роммель отдает приказ начать наступление по плану в ночь на 31 августа. Он сделал ставку и поставил на карту все, что у него было.

Глава 4

АЛАМ-ЭЛЬ-ХАЛЬФА

31 августа — 7 сентября

На пятые сутки после полнолуния луна взошла за двадцать минут до полуночи, то есть за час до срока, когда должно было начаться германо-итальянское наступление на позиции британцев. За два часа до полуночи колонны Роммеля начали выдвигаться из района между Карет-эль-Абдом

и Гебель-Калахом. Войска стран Оси испытали настоящее потрясение, когда вскоре подверглись ожесточенной атаке с воздуха в районе к северо-востоку от Калаха, где было сконцентрировано большое количество транспорта. Королевские военно-воздушные силы бомбили наступавшие колонны, несмотря на противодействие со стороны люфтваффе. Это посеяло в душе Роммеля первые семена сомнений относительно внезапности.

Одновременно с началом движения немцы начали обстреливать проходы в минных полях, которые, как они заметили, использовали во время патрулирования подразделения 7-й бронетанковой дивизии. Это показалось подозрительным британским частям. 2-й батальон стрелковой бригады удерживал местность к югу от позиций новозеландцев на хребте Баре ниже впадины Дейр-эль-Мунассиб, где занимал оборону 2-й батальон 60-го Королевского стрелкового корпуса. К югу от впадины за двумя параллельными минными полями, простиравшимися до середины пути между Мунассибом и Химейматом, наблюдал сводный полк 10-й гусарской бригады, усиленный одной ротой стрелковой бригады. К югу от этих частей занимала позиции 4-я легкая танковая бригада Карра с 1-м батальоном 60-го корпуса, усиленная сводным гусарским полком.

Незадолго до восхода луны из передовых частей начали поступать донесения о шуме моторов, доносившемся с запада. Вскоре войска противника подошли к передовым минным полям и начали проделывать проходы в них, но к этому времени оборонявшиеся были готовы к встрече противника. Заговорили пулеметы и минометы англичан, открыли огонь все орудия 3-го и 4-го полков Королевской конной артиллерии. Полчаса спустя картина прояснилась. На севере, в по-

лосе обороны 2-й стрелковой бригады атаковую пехоту противника поддерживали 18 танков, но стрелковой бригаде удалось остановить их огнем из 6-фунтовых орудий. Когда полевые батареи Королевской конной артиллерии остановили сосредоточенным огнем продвижение противника, его пехота была отброшена контратакой подносчиков снарядов.

В самом Мунассибе 90-я легкая дивизия попыталась обезвредить мины на фронте 2-го и 60-го корпусов. Здесь британцы с успехом применили такую же тактику. К югу от впадины 10-й гусарский полк не сообщал об активных действиях немцев, но на участке 1-го и 60-го корпусов к северу от Химеймата африканский корпус сделал попытку прорыва.

Характер наступления прояснился, и 7-я бронетанковая дивизия обратилась с просьбой к корпусному и армейскому командованию задействовать бомбардировщики Королевских военно-воздушных сил на участке между минными полями и Гельбель-Калахом. Одновременно ложные танки были отведены с танкоопасных направлений. Бомбардировщики — «альбакоры» и «веллингтоны» поднимались в воздух и, отбомбившись, возвращались на свои аэродромы, где загружались бомбами, и опять вылетали на задание. Когда осветительные бомбы были сброшены на скопление транспортных средств, они стали как на ладони видны британским солдатам.

Танковая армия немцев рассчитывала на легкий прорыв с короткой остановкой для обезвреживания нескольких случайных мин. Немцы не были готовы к тщательной атаке и захвату местности с тщательно расположенными минными полями, в которых

надо было проделывать широкие проходы. К тому времени, когда по плану наступавшие должны были прийти до хребта Баре и повернуть на север, немцы еще не смогли преодолеть первое минное поле. На телефонные расспросы Роммеля о причинах задержки командиры отвечали, что сопротивление оказалось более упорным, а минные поля более сложными, чем ожидалось. Англичанам казалось, что немцы перестали продвигаться, утратив свой обычный наступательный пыл.

Первый сильный удар к северу от Химеймата африканский корпус нанес вскоре после половины пятого утра, то есть за час до наступления рассвета, когда в первом минном поле был проделан достаточно широкий проход. По нему прошли около 60 танков и скопились перед вторым минным полем. На севере 10-му гусарскому полку приходилось всерьез беспокоиться за свой левый фланг. Гусары испросили и получили разрешение отойти за второе минное поле. Этот отход поставил под угрозу позиции 2/6-го полка, расположенные севернее, у Мунассиба, особенно после того, как 90-й легкой дивизии удалось силами 30 танков прорваться сквозь первое минное поле в самой впадине и выйти в стык обороны 2/6-го полка и 2-й стрелковой бригады. 6 танков были подбиты, но остальные продолжали движение на восток. Босвайл опасался, что эти танки смогут достичь проходов во втором, слабо защищенном минном поле до того, как через них пройдут его стрелки. Поэтому он приказал стрелкам отойти, что они с успехом выполнили к половине восьмого утра. За минным полем, немного восточнее, находился 10-й гусарский полк, развернутый фронтом на юг.

Когда прошел час после восхода солнца, бригаде Карра пришлось оставить позиции у Химей-

мата, чтобы упредить противника, спускавшегося с южных откосов. Одновременно отвели основную часть 1/60-го корпуса к Самакет-Габалле. 4/8-му гусарскому полку, который начал день, имея в распоряжении 50 американских легких танков «стюарт», прозванных солдатами «милочками», была поставлена задача зацепиться за откос и удерживать на нем противника до последней возможности. За Самакет-Габаллой стоял 3-й полк лондонских йоменских стрелков с 27 «крусейдерами». Одна из танковых рот была передана 4-му йоменскому стрелковому полку в составе 22-й бронетанковой бригады Робертса.

В восемь часов утра Роммель приехал в Гебель-Каллах, где выслушал неутешительный доклад о ходе наступления, на которое возлагал все свои надежды. Продвижение оказалось очень медленным. Вскоре после прохождения восточного края собственных минных полей войска Роммеля столкнулись с тем, что командиры называли «необычайно мощным минным поясом, который британцы упрямо защищали. Минные поля усеяны массой ловушек и прикрываются сильным огнем». Все это, вкуче с массированными воздушными атаками, вело к большим потерям. Генерал Неринг, командир африканского корпуса, был ранен во время воздушного налета, а генерал Бисмарк, командир 21-й танковой дивизии, погиб, подорвавшись на mine.

Не было выполнено ни одно из условий успеха: внезапность, темп и бесперебойное снабжение. Роммель начал всерьез думать о прекращении операции. В конце концов он пришел к выводу, что его решение будет зависеть от успеха наступления африканского корпуса, командование которым

было временно передано начальнику штаба полковнику Байерлейну. Роммель отправился к Байерлейну, который доложил фельдмаршалу, что ему удалось пройти минное поле у Химеймата, и попросил разрешения продолжить наступление. Роммель согласился, но изменил план, приказав раньше намеченного пункта повернуть войска на север. Теперь непосредственной целью африканского корпуса стал Алам-эль-Хальфа, а не район к востоку от него. Целью наступления генерала де Стефаниса, которого с левого фланга поддерживал Клееман, стала высота 102. Правда, такая перспектива не доставляла радости и без того больному Роммелю.

Зато донесения, переданные в то же время Монтгомери, обрадовали и взбодрили английско-го командующего. 30-й корпус провел ночь в бездействии, если не считать роты, потерянной во время яростной атаки парашютистов полковника Рамке на позиции 2-го йоркского полка из состава 5-й индийской дивизии на хребте Рувейсат. Хотя к рассвету положение удалось выправить, 164-я дивизия атаковала австралийцев. Но южноафриканцы, опередив дивизию «Тренто», обрушили на нее свой удар, который принес им успех. Новозеландцы атакам не подверглись, а их разъезду удалось взять в плен 30 берсальеров из дивизии «Брешия».

На фронте 13-го корпуса противник нанес три северных удара: первый — южнее позиций новозеландцев; второй — на Мунассиб; а третий (на южном направлении) — севернее Химеймата. Было не вполне ясно, какими силами действует наступающий противник; предполагали, что на фронте действуют две немецкие танковые дивизии, 90-я легкая дивизия и 20-й корпус. Оставалась надежда, что противника удастся остановить на минных полях в

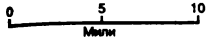
полосе обороны 7-й бронетанковой дивизии. Если это не удастся, то противника встретит резерв, расположенный вокруг Алам-эль-Хальфы.

В течение следующих полутора часов главным событием стал удар, нанесенный от Химеймата африканским корпусом. В составе корпуса действовало не менее 100 танков, и ему вскоре удалось преодолеть второе минное поле. Передовые разведывательные подразделения начали теснить Карра с откоса к югу, а продвижение на восток этой массы вражеских танков к югу от Рагиля создавало угрозу Босвайлу, особенно 10-му гусарскому полку, хотя в данный момент немцы практически не оказывали на их фронт прямого давления. Де Стефанис и Клееман столкнулись с трудностями при организации движения через минные поля и крутые откосы различных впадин, хотя в донесениях Роммелю они утверждали, что встретили ожесточенное сопротивление противника. В действительности они опасались попасть в окружение посреди минного поля, этого они боялись больше, чем прямого удара Босвайла, которому для осуществления нажима на неприятеля пришлось в половине девятого утра отвести в полосу обороны своих резервных частей 7-й стрелковой бригады все свои передовые войска к северу от восточной оконечности Рагиля. К этому времени Байерлейн уже достиг последнего минного поля в полосе обороны Карра в 7 милях восточнее Химеймата.

Когда об этих передвижениях доложили Хорроксу, он отреагировал мгновенно. Он не стал придавать приказу, отданному Рентону, смысл «сдержать наступление врага по возможности», а при отсутствии такой возможности максимально его задержать. Хоррокс считал, что ветераны слишком большое внимание уделяют сохранению

войск, вместо того чтобы организовать максимально эффективную оборону. Он приказал дивизии зацепиться за линию фронта у последнего минного поля, которое уже оставил Босвайл. Рентон возразил, что это расстроит боевые порядки, но Хоррокс не дал себя переубедить, и 10-й гусарский полк был отправлен на оставленную позицию. Их марш начался около полудня, они заняли позиции во впадине к северо-востоку от Мунассиба, известной как Мухафид, и развернули оборону фронтом на юг во взаимодействии с дивизионной кавалерией новозеландцев, которая стояла здесь с самого начала. В это время 23-я бронетанковая бригада Ричардса, оставив в тылу по одной роте из каждого полка, вместе с дивизиями 30-го корпуса была передана 13-му корпусу и выдвинулась в район хребта Баре между новозеландцами и 22-й бронетанковой бригадой. Эти войска прибыли на новое место в четверть второго и поступили в распоряжение генерала Гейтхауза.

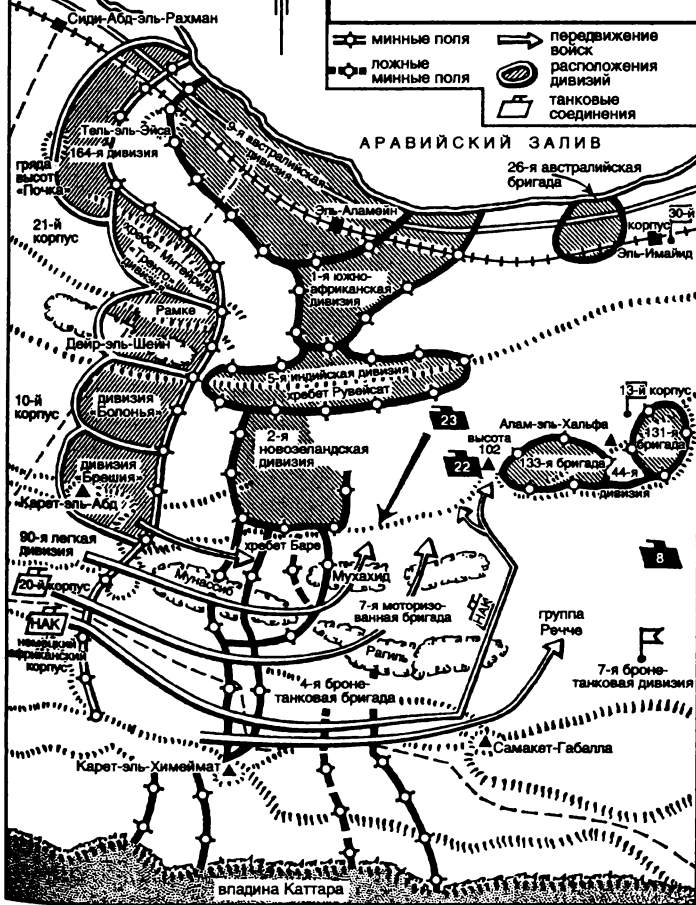
Роммель не мог быть слишком доволен продвижением своих армий к полудню. Бригада Рамке вместе с берсальерами дивизии «Брешия» застряла между мишными полями, которые обороняла 2-я стрелковая бригада, расположенная к югу от позиций новозеландцев. 20-й корпус в составе танковой дивизии «Арьете» и моторизованной дивизии «Триест» был остановлен в полосе обороны 10-го гусарского полка. Танковая дивизия «Литторно» находилась в нескольких милях к юго-востоку от западной оконечности Рагиля. Африканский корпус с 21-й танковой дивизией на севере и 15-я танковая дивизия на юге были вынуждены остановиться для дозаправки в нескольких милях к западу от Самакет-Габаллы, выслав к югу разведывательные подразделения. Воздушные атаки британцев продолжались, но в половине двена-

СРАЖЕНИЕ ПРИ АЛАМ-ЭЛЬ-ХАЛЬФЕ

31 августа – 7 сентября 1942 года

- минные поля
- ложные минные поля
- передвижение войск
- расположение дивизий
- танковые соединения

дцатого поднялась песчаная буря, которая замаскировала наземные войска и затруднила действия авиации.

В половине первого де Гинган связался по телефону с бригадным генералом Эрскином, начальником штаба 13-го корпуса. Тот доложил, что положение Босвайла ухудшилось, поскольку появились 73 вражеских танка. Но новозеландцы не подтвердили эту новость, и бригаде было приказано возвратиться на исходные позиции. Рентон полагал, что противник может иметь намерение продвинуться между Рагилом и Самакет-Габаллой. Поступило сообщение об итальянских танках, но оно не подтвердилось. Не было также точно известно, наступают ли 15-я и 21-я немецкие дивизии.

Через час после этого Монтгомери покинул свой командный пункт и направился к Хорроксу, который сказал командующему о своем недовольстве действиями 7-й моторизованной бригады. Монтгомери предложил Хорроксу взять на себя командование бригадой и отправился к Рамсдену. Пока он был в отъезде, в штаб 8-й армии прибыл генерал Александер. Его задержала песчаная буря, он опоздал и не смог встретиться с Монтгомери. Переговорив с Гинганом, он вернулся в Каир.

Песчаная буря достигла своего пика к часу дня, когда африканский корпус снова перешел в наступление, двинувшись на этот раз на северо-восток под командованием генерала фон Ферста. Правый фланг наступающих потревожили разведывательные подразделения. Это вынудило немцев обрушиться на 3-й лондонский стрелковый йоменский полк и 1/60-й полк в окрестностях Самакет-Габаллы. Ферст вышел к восточной оконечности Рагиля, но сопротивление Босвайла и Карра замедлило продвижение противника. Еще

более медленным было оно в полосе наступления 20-го корпуса, хотя там оказывал сопротивление только 1-й гусарский полк. «Литторно» двигалась довольно успешно рядом с левым флангом 21-й танковой дивизии, но «Арьете» в центре и «Триест» на левом фланге застряли перед минными полями и не смогли сдвинуться с места до трех часов пополудни. К половине четвертого колонны Босвайла были оттеснены передовыми подразделениями немцев и отступили на 6 миль к востоку от Рагиля. В то же время оказался отрезан 10-й гусарский полк, который попросил разрешения отступить. Полк мог отступить на восток через неприятельский фронт для соединения с Босвайлом или на север для соединения с Ричардсом. Босвайл приказал им действовать по первому варианту. Позже поступил другой приказ, но подразделения были уже на марше и вклинились в передовые порядки противника, который заставил их отступить на северо-восток до тех пор, пока они не уперлись в позиции перед минными полями у Алам-эль-Хальфы.

Вся местность к югу от хребта Баре превратилась в море песка и неиссякаемый источник всякого рода слухов. 22-я танковая бригада Робертса заняла позиции вокруг высоты 102 к западу от Алам-эль-Хальфы и весь жаркий и пыльный день провела в полной готовности к бою. Донесения, поступавшие из 7-й бронетанковой дивизии, не позволяли составить верную картину того, что происходит на юге и юго-западе. Не было сомнений в том, что у восточной оконечности Рагиля и к северу от него перемещаются большие массы танков противника, но трудно было сказать, сколько их и в каком конкретно направлении они движут-

ся. Боевые порядки бригады представляли собой полукруг, обращенный к югу и огибающий выступы двух маленьких холмов — один к юго-востоку, второй к юго-западу от высоты 102. Вокруг первого холма, развернувшись фронтом на юго-восток, стоял сводный полк, составленный из двух эскадронов 5-го Королевского танкового полка и 2-го Королевского глостерширского гусарского полка. В распоряжении этих частей было 23 «гранта» и 15 «крусейдеров». К западу от них, огибая подножие холма и развернувшись на юго-запад, стоял 4-й лондонский стрелковый йоменский полк с 22 «грантами» и 15 «крусейдерами». На восточной стороне другого холма в полутора милях от йоменских стрелков расположился противотанковый взвод роты «В» 1-й стрелковой бригады, на вооружении которого было 4 6-фунтовые пушки. К западу от них, развернувшись почти точно на запад, находился полк, составленный из подразделений 1-го и 6-го Королевских танковых полков. На их вооружении было 23 «гранта» и рота легких танков из 19 «стюартов». К северу на тыловых позициях правого фланга расположилась противотанковая батарея. В резерве, замаскированный за высотой 102, располагался Королевский шотландский полк «Серых» с 24 «грантами» и 21 «стюартом». Сам Робертс с 4 танками «крусейдер» своего штаба находился на юго-восточном склоне высоты 102; 18 25-фунтовых орудий 1-го конного Королевского артиллерийского полка занимали позиции между ним и 5-м Королевским танковым полком. Вся линия позиций от 5-го Королевского танкового полка на восточном или левом фланге до 1/6-го Королевского танкового полка на западном или правом фланге была растянута приблизительно на 3 мили. Полк «Серых» занимал по фронту 2 мили.

Утром Робертс приказал легким эскадронам лондонских стрелков и 5-му Королевскому танковому полку (а именно эскадрону «В» 4-го лондонского йоменского полка и эскадрону «В» 2-го глостерширского гусарского полка) с артиллерийским наблюдателем занять гряду невысоких холмов в 3 милях к югу. В полдень Робертс почувствовал необходимость получать самую свежую информацию и приказал тем же подразделениям выдвинуться дальше к югу, чтобы следить за передвижениями противника, не вступая в бой. Некоторое время спустя взвод «крусейдеров» 4-го лондонского йоменского полка доложил о противнике, который силами около 100 танков движется на северо-восток к югу от них. В половине шестого эти роты легких танков уже вступили в бой с противником. Британцы отступили только после того, как йоменцы потеряли 1 «крусейдер», а глостерширские гусары — 3.

В это же время с Хорроксом по телефону связался де Гинган, чтобы выяснить, что происходит в действительности. Ему доложили о сотне германских танков, которые движутся на северо-восток менее чем в миле южнее позиции Робертса. Больше нигде не происходило ничего существенного, если не считать более ранних сообщений о 60 танках в районе Самакет-Габаллы. Во время разговора пришло донесение о том, что танки южнее бригады Робертса повернули на восток, оставив перед фронтом бригады два 88-мм орудия. Хоррокс сказал, что ожидает к вечеру танковое сражение. Рентон сообщил, что его дивизия уничтожила 60 вражеских танков, но Хоррокс полагал, что эту цифру следует уменьшить на тридцать. Хоррокс, вопреки предложению, не принял командование бригадой Босвайла.

После совещания с Фрейбергом он согласился с тем, что Фрейберг наступающей ночью вышлет

активные патрульные группы, составленные из артиллерии, нескольких танков и противотанковых орудий, для прорыва к Мунассибу и патрулирования в юго-восточном направлении с возвращением в расположение на рассвете следующего дня.

Пока продолжался этот разговор, к телеграфной линии, которая наискось пересекала позиции Робертса на расстоянии 1000 ярдов¹ от его передовых танков, подошли 120 немецких танков, преимущественно «Марк-III» и несколько новых специальных «Марк-IV» во главе колонны; по видимому, это были машины из 21-й танковой дивизии. Подойдя вплотную к позициям Робертса, немцы остановились, и 30 их танков повернули на восток. После небольшой паузы остальные машины двинулись на север, прошли небольшое расстояние и тоже повернули на восток. Это означало, что они пойдут через позиции лондонских стрелков вне зоны досягаемости артиллерии бригады Робертса. Дело выглядело так, словно немцы не поняли, что там располагается бригада; они шли на позиции 44-й дивизии у Алам-эль-Хальфы. Робертс приказал йоменским стрелкам и 5-му Королевскому танковому полку проявить себя, подготовиться к выдвигению с позиций и к нанесению флангового удара, если противник продолжит продвижение на восток. Как только британцы начали выполнять приказ (это произошло после шести часов вечера), немцы, словно проснувшись, заметили их присутствие, остановились, быстро перестроились в боевой порядок, повернули на север и обрушились на позиции эскадрона «А» йоменских стрелков. К этому времени пыль осела и видимость улучшилась. Оставался всего лишь час светлого времени суток, и солнце благоприят-

¹ 1 ярд = 0,91 м.

ствовало нашим артиллеристам, так как находилось за их спинами и светило в лицо противнику. Наступление вывело немцев к проходу между подножиями двух холмов. Правый фланг наступающего противника уперся в эскадрон «грантов» йоменского полка — эскадрон «А», а левым флангом немцы вышли на роту «В» 1-й стрелковой бригады. Когда передовые немецкие танки подошли к английским позициям ближе чем на 120 ярдов, йоменский полк открыл огонь. Немцы остановились и ответили огнем, сконцентрировав его на эскадроне «А», который очень скоро потерял все свои 12 танков. Однако эскадрон «В», находившийся ближе к правому флангу немцев, стрелял тоже довольно метко, заставив немцев отойти за пределы досягаемости артиллерии британцев. Майор Камерон, командир эскадрона «А», впоследствии писал:

«Мы получили строгое предписание не открывать огня без приказа, чтобы до последнего момента держать противника в неведении относительно нашего местоположения и заставить его подойти как можно ближе к нашим позициям. Однако, не дойдя до телеграфных столбов — до зоны поражения нашим огнем, немцы начали стрелять, и вскоре загорелись 3 танка моей передовой группы, не успев сделать ни единого выстрела. Урон, который могли причинить противнику наши пушки на такой дистанции, был ничтожным, но немцы пересекли линию телеграфных столбов и оказались в зоне досягаемости наших орудий, которые незамедлительно открыли огонь. Я видел, как один за другим загорались и выходили из строя наши танки, включая и мой, у которого вышло из строя орудие. Тем не менее немецкая атака была приостановлена, и хотя за тучами пыли было трудно рассмотреть, сколько их танков было под-

бито (немецкие танки редко вспыхивают), самое главное заключалось в том, что наступление немцев по фронту было остановлено. Я связался по телефону с танком представителя штаба и сообщил, что потерял радиосвязь со всеми своими танками, и попытался доложить ему обстановку, но он приказал мне связаться с бригадным генералом, находившимся в тылу, в нескольких сотнях ярдов от передовой».

Уничтожение эскадрона Камерона открыло широкую брешь в самом центре оборонительных позиций. Робертс не хотел оголять фланги, чтобы прикрыть эту брешь, так как полагал, что за этими наступающими немецкими танками находятся другие танки, которые смогут обойти позицию с одного или с обоих флангов. 30-й корпус, который сначала повернул на восток, теперь, как и 23-я дивизия, наступал на порядки 5-го танкового Королевского полка, находясь вне зоны досягаемости его огня. Пока артиллерия обрушивала массированный удар по немцам, Робертс приказал полку шотландских «Серых» перейти гребень высоты 102 и занять брешь справа от йоменского полка. Вскоре после этого немцы снова начали медленно наступать, приостановив на этот раз свой западный фланг. Стрелковая бригада затаилась, выжидая, когда немцы подойдут на расстояние 300 ярдов, а потом открыла огонь из своих 6-фунтовых орудий. Сержант Гриффитс лично подбил 5 танков, а весь взвод — 19 танков противника. Но «Серых» все не было. «Серые, вперед!» — приказал Робертс их командиру, полковнику Финнесу. Оставалось от силы полчаса светлого времени; брешь была открыта и, кроме «Серых», некому было ее закрыть. Задержанные на время стрелковой бригадой, немецкие танки снова двинулись вперед. Артиллерия неис-

товствовала, но не могла их остановить. На вершине появились «Серые». Для Робертса и передовых полков это было воистину «наконец-то». «Серым» этот бросок казался полнейшим безумием. Они скатились с высоты, окутанные клубами поднятой ими пыли, а Робертс по радио направлял их движение к открытой брешу. На самом исходе дня они вошли в брешь, и тогда заговорила их артиллерия. Этим был положен конец всякому движению противника в центре. Основная тяжесть немецкого натиска сместилась к востоку, на левый фланг. Танки, которые направились сюда, вышли прямо на минное поле перед фронтом 133-й бригады. Здесь по танкам противника прямой наводкой ударила бронейными снарядами батарея 1-го Королевского конного артиллерийского полка. Так как «Серые» уже вошли в брешь, Робертс направил туда еще йоменский полк с «крусейдерами», чтобы окончательно ее заткнуть.

Но день угас, и противник отступил, главные силы его двинулись на юг, в направлении на Рагиль. Танки на восточном фланге отошли на 3 мили к востоку, но 6 машин остались поблизости от британских позиций на весь остаток ночи. Потери Робертса оказались невелики. Йоменский полк лондонского графства потерял 12 «грантов» и 1 «крусейдер», одного человека убитым и 15 ранеными, глостерширские гусары потеряли 4 «крусейдера» и 2 человек ранеными; у «Серых» было подбито 4 «гранта»; потери стрелковой бригады составили 2 убитых и 30 раненых. Танкисты бригады заявляли, что ими уничтожено 22 немецких танка; йоменским полком — 11; «Серыми» — 5; 5-м Королевским танковым полком — 6; стрелковая бригада записала на свой счет 19, но поскольку эти данные частично дублировали друг друга,

то, вероятно, было подбито около 30 танков. Легкая бронетанковая бригада сообщила об уничтожении от 35 до 40 танков противника в течение дня, о подбитых танках доносили и из 7-й моторизованной бригады. Всего сообщалось о 68 уничтоженных танках, но в действительности потери немцев в танках, по-видимому, не превышали 22 машин; другие танки вышли из строя по иным причинам. К концу дня в 21-й и 15-й немецких танковых дивизиях в строю оставалось 120 танков.

Этот короткий по продолжительности удар на высоту 102, нанесенный в последние полчаса светлого времени суток, был единственным крупным событием на всем фронте во второй половине дня. Разведывательные подразделения и правый фланг 15-й танковой дивизии немцев вытеснили Карра из Самакет-Габаллы. Карр находился теперь у Бир-Мселиха, в 10 милях к востоку от исходной позиции и приблизительно на таком же расстоянии к юго-востоку от 8-й бронетанковой бригады Кастенса, который весь день ничего не делал. 7-я моторизованная бригада с трудом пробилась между ними по сыпучим пескам. В этом столкновении, которое происходило в течение одного часа на фронте протяженностью всего несколько миль, участвовало с обеих сторон не более 100 танков, но оно стало поворотным пунктом всего сражения в пустыне. Темп наступления африканского корпуса — признанного мастера блицкрига — на этот раз оказался слишком медленным. Они выдвинулись из района Рагиля в один час по своему времени (в 8-й армии в это время было два часа) и потратили три с половиной часа на то, чтобы преодолеть 20 миль¹ до высоты 102. Роммель и Байер-

¹ 1 миля = 1,6 км.

лейн сваливают вину за это промедление на итальянцев, которые слишком медленно наступали на левом фланге африканского корпуса. Это правда, что они наступали с черепашной скоростью, хотя не встречали по дороге никакого сопротивления; но это что-то новое — считать, что африканский корпус должен был ждать, когда его итальянские братья по оружию подойдут к нему, чтобы наступать единым фронтом, как на параде. Нет никакого сомнения, что песчаная буря обрушилась на наступающих немцев тучи пыли, что вызвало задержку при спуске с хребта Рагиль и при подъеме на него. Медленное продвижение в сыпучих песках, перегрев техники жарким южным ветром увеличили расход горючего. Если верить немцам, то именно это обстоятельство послужило причиной задержки наступления, хотя наступавшая темнота выпудила их рвануться вперед. Каковы бы ни были истинные причины, о ночном наступлении не могло быть и речи, и африканский корпус остановился на отдых в нескольких милях к югу от 22-й бронетанковой бригады, имея на левом фланге 21-ю танковую дивизию, а на правом фланге — 15-ю танковую дивизию.

В это время Александер и Монтгомери проводили совместное совещание в штабе 8-й армии. Ранее оба издали приказы, касавшиеся событий того дня. Монтгомери использовал следующие слова: «Никакого отступления и никакой сдачи». Единственное принятое ими решение касалось 8-й бронетанковой дивизии, которой предписывалось выдвинуться с исходных позиций в районе к востоку от Каира и передислоцироваться на западный берег Нила к пирамидам. Монтгомери договорился с Конингхэмом, командующим военно-

воздушными силами пустыни, о массированных бомбардировках района, прилегающего к Рагилю, где, как доносили, наблюдается сосредоточение транспорта и где, как полагали, остановится на ночь африканский корпус. Следовало также атаковать с воздуха взлетно-посадочные полосы в районе Дабы и Сиди-Ханейша к востоку от Мерса-Матруха. Разведка 8-й армии была поражена транспортными трудностями, с которыми столкнулся Роммель. Поэтому Монтгомери отдал также приказ, чтобы транспортные средства африканского корпуса стали главными целями авиации и сухопутных соединений. Особо это подчеркивалось в приказе Хоррокса его дивизионным командирам Фрейбергу и Хьюзу, в котором предписывалось всеми силами удерживать позиции и максимально использовать артиллерию против небронированного транспорта противника. Рентону была поставлена задача как можно дольше удерживать Самакет-Габаллу, так как Хоррокс не знал, что этот пункт уже находится в руках противника. Разрешалось оставить Самакет только в случае атаки превосходящими силами немцев, поскольку оттуда предполагалось начать наступление. Гейтхауз должен был уничтожить и расстроить боевые порядки наступающего 13-го корпуса противника и воспрепятствовать установке противотанковых батарей между Кастенсом и Робертсом или в другом месте в зоне досягаемости огня полевой артиллерии. Кроме того, Гейтхаузу было приказано так маневрировать своими бригадами, чтобы противник не смог разбить их по частям, при условии, что позиции Робертса вокруг высоты 102 ни на одну минуту не должны оставаться пустыми. Как следовало выполнять эти задачи, кто должен был их решать, осталось полнейшей загадкой. Решение приказать Кастенсу

соединиться с Робертсом и Ричардсом в районе между Хьюзом и Фрейбергом в действительности было принято Монтомгери ранним утром следующего дня (возможно, по предложению Хоррокса). Вероятно, именно Хоррокс, а не Гейтхауз предложил, чтобы движение происходило на участке Хьюза, а не в обход Алам-эль-Хальфы.

Для 8-й армии эта ночь выдалась на редкость спокойной. Артиллерия Хьюза выпустила много снарядов в район на 3 мили к востоку от позиций Робертса и к югу от 133-й бригады Ли, где, как предполагали, концентрируются немцы для нанесения ночного удара, но это не входило в их намерения. Тяжело груженные «веллингтоны» и «альбако-ры» наносили бомбовые удары по восточной части Рагила. Бомбы падали на разведывательную группу, которая несла большие потери. К немцам поступила небольшая часть горючего, которое Кавальеро обещал Роммелю. Роммель в своих мемуарах утверждает, что в дополнение к трудностям движения по проходам в минных полях его сильно беспокоили британские бронетанковые силы к югу от выступа. Но такая ситуация сложилась на более поздних этапах сражения. В районе минных полей не было никаких британских сил ни в то утро, ни в последующий день или два. Роммель, правда, утверждает, что именно трудности с материально-техническим снабжением войск заставили его отказаться от серьезных наступательных действий и избегать любых широкомасштабных перемещений моторизованных частей. Поэтому боевые действия следующего дня планировалось ограничить наступлением 15-й танковой дивизии, которой предстояло в одиночку захватить Алам-эль-Хальфу.

Из всех решений Роммеля это представляется самым любопытным. Его можно объяснить, если допустить, что он думал, будто позиции Робертса

расположены на восточном краю обороны 8-й армии, а сам Алам-эль-Хальфу обороняют недостаточные силы. Такое решение говорит о незнании расположения Кастенса. Пилоты пикирующих «юнкеров», которые весь день совершали боевые вылеты к Алам-эль-Хальфе, могли бы просветить Роммеля на этот счет. Создается впечатление, что он не смог следовать первоначальному плану, но у него не хватило мужества отказаться от него. Таким образом, он принял компромиссное решение, от которого не могло быть явного вреда, но которое могло увенчаться неожиданным и удивительным успехом.

Когда Монтгомери обдумал положение, создавшееся к утру 1 сентября, он понял, что не существует большой опасности мощных фланговых ударов к востоку от Алам-эль-Хальфы, и принял решение сосредоточить все 3 бронетанковые бригады под командованием Гейтхауза (всего около 500 танков) между позициями Фрейберга и Хьюза. План, который он выработал к полудню, Монтгомери сообщил своим корпусным командирам, когда посетил их во второй половине дня. Этот план заключался в том, что Ламсен должен был за счет ослабления своих передовых позиций создать резерв, Хорроксу предстояло закрыть брешь между позициями новозеландцев и местечком Химеймат, а бронемшины Рентона должны были действовать на флангах Роммеля, пробиваясь к Химеймату. 10-му корпусу Ламсдена (штаб которого следовало перенести в этот день в Эль-Имайид — на побережье в 15 милях к востоку от Эль-Аламейна) предстояло принять под свое командование все поступающие резервы и двигаться по направлению к Дабе. Под командование Ламсдена могла перейти и 9-я австралийская дивизия под

командованием Моршида. На этом этапе сражения Монтгомери сам намеревался отрезать Роммеля и взять в кольцо все его силы, принимавшие участие в наступлении, а затем двинуться на запад. Приехав во второй половине дня в штаб Хоррокса, Монтгомери попал под бомбежку немецких пикирующих бомбардировщиков и выслушал доклад о положении, который сделал его настроение менее оптимистичным.

С восходом солнца 15-я танковая дивизия немцев снова попыталась обойти левый фланг Робертса таким же маневром, как накануне вечером. Она была встречена танками и прекратила наступление, чтобы ликвидировать угрозу, возникшую на правом фланге со стороны Кастенса. Два полка его бригады — поттингемширский и стаффордширский йоменские полки — в недавнем прошлом были кавалерийскими, но 3-й Королевский танковый полк был ветераном боев в пустыне. Гейтхауз приказал Кастенсу, для которого это сражение в пустыне было первым, двинуться широким фронтом к югу от минного поля перед позициями Хьюза и к востоку от позиций Робертса, чтобы действовать против правого фланга противника. Чтобы подчеркнуть сложность ситуации, Гейтхауз добавил, что бригада может позже понадобиться для контратаки на северном фланге противника, поэтому Кастенсу не стоит ввязываться в ближний бой, чтобы избежать ненужных потерь.

Бригада выступила в половине седьмого. Два часа спустя, пройдя 8 миль, 3-й Королевский танковый полк, шедший впереди колонны, наткнулся на 28 танков противника. Слева подоспели стаффордширские йоменцы: после короткой перестрелки и небольших потерь оба полка отошли. После этого «шервудские лесники» получили приказ передвинуться вправо, после чего они вышли

к минному полю перед позициями Хьюза. Имея справа минное поле, они двинулись вперед, пока не попали под огонь неприятеля на расстоянии 800 ярдов и потеряли 7 танков. Помня инструкции, Кастенс прекратил попытки дальнейшего продвижения, но все-таки отвлек немцев от Робертса, который провел спокойный день. На фронте Ричардса появились признаки приготовлений противника к атаке, что стало причиной ураганного артиллерийского огня. Одна батарея за время обстрела израсходовала 2000 снарядов. Никто точно не знает, действительно ли немцы собирались предпринять здесь наступление, но после арт-обстрела они не решились на него.

Дальше к югу Босайл нерешительно вошел в соприкосновение с германской разведывательной группой. Карр перегруппировал свою бригаду в три танковые колонны, моторизованную пехотную группу и артиллерию для действий против южного фланга фон Ферста. Но в течение дня ему не удалось преодолеть сопротивление заслона их бронемашин, находившегося к востоку от Самакет-Габаллы.

Положение, которое в тот день Хоррокс описал сначала Александеру, а потом Монтгомери, не породило больших надежд относительно реальных возможностей Ламсдена.

Пока Монтгомери совещался с Хорроксом, Кастенс снова попытался двинуться вперед после массивной артиллерийской подготовки, в ходе которой он обрушил на район сосредоточения 15-й танковой дивизии всю мощь корпусной артиллерии. Немцы отошли на одну-две мили к югу в связи с нехваткой горючего, и бригада заняла новые позиции к востоку от Робертса в четверть четвертого. Положение было не слишком благоприятным. Бригада находилась на склоне

холма, не имея возможности укрыть танки; кроме того, за спиной и в ближнем тылу слева оказались мины поля. Если немцы атакуют, то бригада окажется совершенно в худших условиях, чем Робертс, расположившийся справа от нее.

Но опасности немецкой атаки не было. Во время своих ночных рейдов Королевские военно-воздушные силы совершили 122 самолетовылета силами легких бомбардировщиков, поражая цели большей частью в районе Рагиля. Только в штабе фон Ферста было убито 7 офицеров, да и сам Роммель чудом избежал ранения 8-дюймовым осколком бомбы, когда днем ехал к фронту. Осколок пробил ограждение щели, в которой укрылся командующий, и раскаленный докрасна кусок металла упал рядом с ним. Атаки с воздуха, возможность артиллерии противника расстреливать непрерывно огромные количества боеприпасов в течение дня, потери в живой силе и особенно в транспорте, тяжелое положение с горючим — все это едва не заставило Роммеля во второй половине дня вообще отказаться от проведения задуманной операции. Однако он отложил окончательное решение и отправил в ОКВ лаконичное и малоинформативное донесение, в котором сообщал о неудачном рейде Моршида на Тель-эль-Эйсу, о прибытии конвоя в Суэц и о тяжелых воздушных атаках, которым подверглись его войска. Роммель пока не потерял много танков, общее число исправных танков в обеих танковых дивизиях составляло около 150, в тот день было подбито не более 13 танков. Кастенс потерял 3 «крусейдера» и 13 «грантов», 3 человека были убиты, 26 ранены; в составе бригады осталось около 60 исправных танков. Робертс имел в своем распоряжении 152 танка, а Ричардс — 100 танков. У Карра к концу дня было 52 легких танка.

С наступлением темноты «веллингтоны» и «альбакоры» снова начали бомбить позиции немцев у Рагиля. Налеты продолжались всю ночь, и к утру 2 сентября Роммель решил, что с него хватит, и принял окончательное решение прекратить наступление. Надежд на успех не осталось из-за положения с горюче-смазочными материалами, воздушных атак, а также из-за того, что операция вступала в затяжную фазу, в которой материальное обеспечение (здесь Монтгомери имел неоспоримое преимущество) решало исход всего дела. Роммель решил вернуться на исходные позиции в район Карет-эль-Абда и Гебель-Калаха и начал отход.

Это был пассивный день для обеих сторон, если не считать действия авиации. Королевские военно-воздушные силы совершили 167 вылетов бомбардировщиков и 501 вылет истребителей. Вечером Хоррокс предупредил Фрейберга, что тот должен начать наступление с целью закрыть брешь к ночи следующего дня 3 сентября. 5-я индийская бригада сменил 132-ю бригаду 44-й дивизии, которая понадобится Хорроксу для наступления. Утром одна из колонн Карра наткнулась на 300 грузовиков в 5 милях к востоку от Химеймата, уничтожила 57 из них и преследовала остатки колонны, отступившей на север вплоть до хребта, соединяющего Химеймат и Самакет-Габаллу. В это же время патрули 11-го гусарского полка совершили обходной маневр к юго-западу от Химеймата. Эти хорошие новости догнали Монтгомери в тот момент, когда он лично отдавал Ламсдену приказ «быть готовым принять командование всеми резервами и атаковать в направлении Дабы». Затем Монтгомери приехал к Хорроксу в полови-

не третьего дня, намереваясь на обратном пути успеть заглянуть к Рамсдену.

После этой поездки он пришел к выводу, что противник не бросится в атаку, и приказал Хорроксу уничтожать неприятельский транспорт, а также методично закрывать брешь. Монтомгери приказал Фрейбергу в ночь на 3 сентября расширить свой район обороны на 3 мили к югу. На следующий день он собирался усилить Фрейберга 151-й бригадой, чтобы затем высвободить новозеландские бригады, которым приказал достигнуть к утру 6 сентября местечка Мунассиб в 6 милях от Химеймата.

К концу этого дня появились некоторые признаки того, что противник начал отход в сторону Рагиля, однако попытка 4/8-го гусарского полка атаковать колонну автомобилей в 2 милях к востоку от Химеймата была отражена 25 неприятельскими танками и противотанковой артиллерией противника на линии укреплений. Это была группа из состава дивизии «Арете», высланная в тот район после утренней атаки. Враг осознал и оценил тактику выдавливания из района Химеймата.

Вечером того же дня Кессельринг посетил Роммеля, который доложил своему гостю о потерях, причиненных налетами легких британских бомбардировщиков, действовавших под надежным прикрытием истребителей. Немцы окрестили эти налеты парадными трюками, так как связки из 18 самолетов очень напоминали звенья самолетов люфтваффе, которые участвовали в праздниках нацистской партии в Нюрнберге. Кессельринг обещал сделать все возможное, чтобы доставить в Египет истребители.

После беседы с Кессельрингом Роммель отправил в ОКВ длинную шифровку, в которой обосновал свое решение отказаться от наступательных действий. В начале допесения он подчеркнул, что

главной причиной, удержавшей его от продолжения наступления, стала нехватка горючего. Он детально обосновал свою позицию, написав, что при запланированном наступлении ему хватит запасов только до 5 сентября. За последние два дня было доставлено лишь 2610 тонн горючего, а потоплено 3352 тонны, что эквивалентно пятикратной дневной потребности в горючем. Половина того количества бензина, которое, как обещал Кавалльеро, должно было поступить 3 сентября, оказалась потоплена. Если два танкера «Бьянки» и «Спортиво», которые должны прибыть в Тобрук на следующий день, будут благополучно разгружены, то этого хватит только на то, чтобы продержаться до 7 сентября. Запасов дизельного топлива для итальянских грузовиков было еще меньше; лучше было положение с боеприпасами.

Роммель привел еще две причины своего решения прекратить наступление. Первая причина заключалась в утрате фактора внезапности, что произошло вследствие того, что, вопреки его ожиданиям, район атаки оказался густо миширован и хорошо укреплен. Позиции британцев оказались защищены многокилометровыми мишными полями и противотанковыми укреплениями, о наличии которых никто не подозревал. Другая причина — массированные атаки с воздуха, которые продолжались без перерыва на протяжении суток и вызвали большие потери в живой силе и технике, что подорвало боевой дух немцев и итальянцев, ухудшило и без того недостаточное снабжение войск. Роммель закончил свое донесение следующими словами: «Таким образом, армия под натиском противника медленно отойдет на исходные позиции, если кардинально не изменится ситуация со снабжением и прикрытием с воздуха». Не успел Роммель подписать сообщение, как ноч-

ные бомбардировки возобновились с удвоенной яростью. 72 «веллингтона» и «альбакора» атаковали Рагиль, сбрасывая вместе с осветительными бомбами, озарявшими ярким светом окрестности, бомбы весом 4000 фунтов. Если не считать воздушных налетов, ночь прошла относительно спокойно. Ни новозеландская, ни 44-я дивизии не входили в соприкосновение с противником. К утру 3 сентября положение сил Роммеля было следующим. Напротив юго-западного угла участка обороны новозеландской дивизии стояла часть берсальеров дивизии «Брешия», усиленная парашютистами бригады Рамке. Справа от них стояла 90-я дивизия легких танков, порядки которой были растянуты на восток от Мухафида, а часть дивизии была в резерве на западе от основных позиций. 20-й корпус имел на левом фланге дивизию «Триест», а на правом в Мухафиде — дивизию «Литторио». Впадину к востоку от Мухафида занимала 23-я бронетанковая бригада. Дивизия «Аржете» занимала позиции к югу от Мухафида. Из состава африканского корпуса 21-я танковая дивизия окружала юго-восточную оконечность впадины к востоку от Мухафида, а 15-я танковая дивизия растянулась к югу от восточной оконечности Рагиля. Разведывательная группа выдвинулась вперед, занимая все расстояние до Химеймата, который удерживала дивизия «Фольгоре». Тыл дивизии был усилен 25 танками из состава дивизии «Аржете». То, что было известно о противнике в штабе 8-й армии, соответствовало действительности, за исключением того, что британцы думали, что 90-я дивизия отводится и заменяется дивизией «Триест». Донесения, поступившие на рассвете, говорили, что противник медленно отступает на запад, а в Рагиле видны пожары и брошенная техника.

Наступило воскресенье, национальный день молитвы. Прежде чем отправиться в восемь часов в церковь, Монтгомери отдал приказ, чтобы никто не осуществлял наступательных действий, выдвигаться вперед могут только патрули, которые должны уничтожать транспортные средства противника. Хорроксу было приказано закрыть брешь, методично продвигаясь на юг от новозеландских позиций до Химеймата.

Это было спокойное утро для 8-й армии, и все, кто мог, пошли в церкви. Военно-воздушным силам было, однако, не до молитвы, а к полудню начали поступать сообщения о повсеместном отступлении противника; было замечено, что более 1000 грузовиков движутся на запад. Полтора часа спустя доложили, что неприятель отступает тремя колоннами, повторяя в обратном направлении путь своего наступления. Представлялось целесообразным, чтобы Рентон начал наступать на север от скал между Самакет-Габаллой и Химейматом. Хоррокс переговорил со штабом 7-й бронетанковой дивизии. Рентона не оказалось на месте. Хоррокс приказал дивизии атаковать южный фланг противника силами бригад Карра и Босвайла. Хорроксу доложили, что в сыпучем песке вязнут колесные транспортные средства и артиллерийские орудия. Это сделало невозможным и для Босвайла, который столкнулся с противником на восточной оконечности Рагиля, действия в обход его фланга до того момента, когда соберутся все войска. Возможности Карра были ограничены тем, что его легкие танки были лишены артиллерийской и противотанковой поддержки.

Когда Рентон вернулся в штаб, он приказал Карру наступать к югу от скал, а Босвайлу — в западном направлении, к северу от скал. На следующий день 7-я моторизованная бригада должна была вступить в Рагиль и в половине седьмого утра доложить,

занят этот населенный пункт противником или нет, а Карру предстояло в семь утра сообщить, находится ли еще противник на нашей стороне восточного минного поля к северу от скал. Как можно быстрее после восхода солнца один полк легких танков должен был нанести удар на север и продвигаться в этом направлении как можно дальше. Бронеавтомобильные части должны были выслать патрули тоже на север, чтобы сковывать и отрезать мелкие подразделения противника.

Пока обсуждались эти планы для 7-й моторизованной дивизии, новозеландская дивизия готовилась к ночной операции «Бересфорд». Дивизии следовало наступать на юг со своих исходных позиций на хребте Баре между первым и четвертым минными полями на глубину 6000 ярдов и по фронту 5000 ярдов, чтобы занять позиции противника на северной окраине Мунассиба.

132-я бригада Робертсона из состава 44-й дивизии, перешедшая под командование Фрейберга, должна была атаковать на западе, а 5-я новозеландская бригада Киппенбергера — на востоке.

Робертсон провел весь день в лихорадочных приготовлениях и был вынужден откорректировать свой план, чтобы выполнить требование Фрейберга о том, чтобы танки «валентин» из 46-го Королевского танкового полка не шли впереди атакующих колонн и чтобы атака началась без артиллерийской подготовки. Из-за царившего в штабах хаоса час ноль откладывался несколько раз. Когда после полуночи наступление все же началось, оно не получилось «молчаливым», так как местность освещалась горящим грузовиком. Ни 5-му Королевскому кентскому полку справа, ни 4-му полку слева не удалось преодолеть сопротивление противника на

северной окраине Мунассиба. Линии связи были прерваны, сам Робертсон был ранен, и бригада остановилась, не дойдя до цели всего 1000 ярдов.

Слева действовал Киппенбергер со своей 5-й бригадой, причем намного успешнее, но охваченные энтузиазмом маори на правом фланге отклонились к западу, а 21-й батальон слева отклонился к востоку, оставив в центре зияющую брешь. «Валентины» 50-го Королевского танкового полка приняли немецкие огни за британскую разметку дороги, зашли слишком далеко в образовавшуюся брешь и потеряли 12 машин, которые большей частью подорвались на минах, при этом погиб командир эскадрона Хьюз.

К рассвету 4 сентября удалось продвинуться на 2 мили, при этом линия фронта проходила по незащищенному и неудобному для наступления открытому склону; потери составили 700 человек в 132-й бригаде и 124 человека в 5-й новозеландской бригаде. 6-я новозеландская бригада, осуществлявшая отвлекающий маневр на правом фланге Робертсона, потеряла 159 человек, а ее командир, бригадный генерал Джордж Клифтон, попал в плен. Атака, казалось, произвела очень слабое впечатление на противника. Роммель отозвался о ней следующими словами: «Ночной рейд 10-го итальянского корпуса стоил британцам очень тяжелых потерь, включая многих убитых и 200 пленных». Не выдерживает критики заявление Киппенбергера, что солдаты его бригады убили 50 солдат противника. Роммель описал также свой разговор с несгибаемым Джорджем Клифтоном, который вечером бежал из туалета. Но несколько дней спустя его обнаружили немецкие штабные офицеры, вышедшие поохотиться на газелей.

Роммель в течение всего дня продолжал отступать, сохраняя прежний порядок своих частей и

соединений и предприняв несколько контратак против новых позиций Фрейберга. Ночное донесение в ОКВ говорит об отражении нескольких атак и, как всегда, изобилует жалобами на положение с бензином. В порт благополучно пришел танкер с 800 тоннами горючего, но положение войск было критическим. Запасов оставалось только на одну неделю.

Александр в ту ночь посетил Монтгомери, который решил не форсировать события. Фрейбергу был отдан приказ вернуться на исходные позиции. Если враг отступает, Гейтхауз и Рентон должны преследовать его патрулями и подразделениями легкой бронетехники, а бронетанковые части Фрейберга должны находиться на своих позициях в районе Алам-эль-Хальфы. Давление Рентона на правый фланг Роммеля было не слишком эффективным, а Карр, как представляется, сделал не очень много, чтобы выполнить полученный накануне вечером приказ. Постоянное продвижение в сыпучих песках сказалось на количественном составе его танковых сил. В его распоряжении осталось всего 8 «крусейдеров» у стрелкового полка и 15 «стюартов» в 4/8-м гусарском полку, который провел день в бесплодных маневрах к югу от Самакет-Габалла.

В течение ночи, пока «веллингтоны» и «альбакоры» наносили, как докладывали их командиры, успешные удары по транспорту противника, сосредоточенному близ Рагиля, новозеландская дивизия отошла на свои прежние позиции. Фрейберг издал приказ дня, в котором, в частности, утверждалось: «Хотя наши потери сравнимы с потерями противника, но мы смогли расстроить планы его наступления, поэтому операцию, проведенную нами, надо рассматривать как блистательный успех». Упоминание о воздействии на планы про-

тивника основывалось на мнении, которое приписывали Монтомери, что именно благодаря этим действиям Роммель был вынужден принять быстрое решение об отходе и отмене планов наступления на Египет. Теперь мы знаем, что это решение было принято на тридцать шесть часов раньше.

На рассвете 5 сентября выяснилось, что противник отступил еще на несколько миль к западу от восточного минного поля, то есть к Химеймату. Облачность помешала Королевским военно-воздушным силам выяснить что-нибудь еще. В вечернем донесении Роммель говорит об отмене плана возвращения на исходные позиции и высказывает намерение остановиться на линии британских минных полей, оставив в резерве африканский корпус с посылкой двух боевых групп на поддержку 21-го корпуса.

Хотя Монтомери оставил попытки заткнуть брешь с севера, он все еще думал, что Роммель будет отступать дальше, и армию охватило расслабленное состояние. Патрули Рентона донесли утром, что противник движется на запад от минных полей, прикрывшись сильным арьегардом из 70 танков и противотанковых орудий; колонну из 1000 машин видели с воздуха пилоты ВВС между Химейматом и Калахом. На заходе солнца стрелки Босвайла были в районе Рагиля, а 4/8-й гусарский полк, который пытался обойти южный фланг, был остановлен танками противника в 3 милях восточнее Химеймата. В течение дня броневые автомобили 11-го гусарского полка снова прошли вдоль северного края впадины Каттара к подножию прохода у Наиб-абу-Двейса, который был все еще занят противником. Все это придало оптимизм приказу Монтомери, который он издал в тот вечер. «Битва при Аламейне продолжается уже шесть дней, и противник медленно, но верно

покидает район наступления 8-й армии. Сегодня вечером 5 сентября его арьергард прошел к северу от Химеймата через минное поле». Далее командующий поздравил всех подчиненных с дорогой доставшейся победой над врагом, которая будет иметь далеко идущие последствия.

В тот же вечер Монтгомери отдал Хорроксу приказ восстановить исходные позиции и занять господствующее положение над местностью как можно дальше к западу до Гебель-Калаха и Эль-Таки. Выполнение этой задачи было возложено на Рентона.

Этой ночью бомбежек не было, и войска Роммеля без потерь добрались почти до намеченных позиций. 15-я танковая дивизия проделала весь путь обратно до Калаха, а 21-я танковая дивизия остановилась западнее минных полей, оставив танковый гренадерский батальон и противотанковый батальон с ротой танков и артиллерийской батареей восточнее второго минного поля.

Битва закончилась, это понимали оба — и Роммель, и Монтгомери. Первый в следующую же ночь отправил в ОКВ пространный рапорт, в котором подчеркнул мощь огня британской артиллерии, но указал, что ему всегда удавалось отражать атаки британцев с помощью танков и разведывательных подразделений. Он сообщил, что за время боев его войска уничтожили 124 танка и бронированные разведывательные машины, причем это утверждение можно считать верным, если включить в потери броневики, что Роммель и сделал. Он также утверждал, что уничтожены 1000 автомобилей, 10 полевых пушек, 22 противотанковых орудия и взято 400 пленных. Германские потери он оценил в 369 убитых, 1163 раненых и 272 пропавших без вести. Итальянцы потеряли 167 чело-

век убитыми, 587 ранеными и 297 пропавшими без вести. Войска стран Оси потеряли 36 германских и 11 итальянских танков и разведывательных бронемашин, 11 германских и 6 итальянских орудий, 20 германских и 16 итальянских противотанковых орудий. В эти данные не включены поврежденные и отремонтированные единицы техники, которых, если говорить о немецких танках, было 76.

Роммель утверждал, что большая часть потерь обусловлена продолжающимися воздушными налетами и высоким расходом боеприпасов британской артиллерией. В ставших уже привычными жалобах на положение с горючим Роммель говорит, что при имеющемся темпе его расхода запасов бензина хватит на восемь дней. Четырнадцать дней боев исчерпают запас боеприпасов, а еды и амуниции ему хватит на двадцать три дня. Он просил перебросить из Греции 22-ю немецкую пехотную дивизию с транспортом и необходимыми припасами.

Монтгомери понял, что Роммель не собирается отступать дальше, и в семь часов утра 7 сентября он решил прекратить дальнейшие попытки вытеснить Роммеля дальше на запад. Как он выразился по этому поводу, «под влиянием определенных преимуществ, которые имеет сдерживание противника на юге».

К концу сражения танковые силы 8-й армии понесли незначительные потери. 31 августа в ее составе было 945 танков, из которых 772 воевали в составе передовых подразделений, в том числе 197 «крусейдеров», 169 «стюартов», 164 «гранта» и 163 «валентина». 8 сентября в 8-й армии осталось 896 танков, в том числе на переднем крае 674 танка. Армия сохранила также около 400 броневых автомобилей.

Соединение Фрейберга внесло вклад в поражение противника, но в сложившейся ситуации но-

возеландцы не сумели отыскать место для маневра из-за неспособности организовать взаимодействие артиллерии и пехоты. Они были солдатами, которые могут наступать только под прикрытием танков. Монтгомери извлек необходимые уроки из сражения, что он отметил в своей записке от 7 сентября. Он подчеркнул, что необходима жесткая схема действий и контроль за действиями войск со стороны штаба армии. Также он подчеркнул важность умело выстроенной обороны и умения заставить противника напасть именно на нее. Главное, что он не уставал повторять в те дни: ни один командир не должен отступаться от своего плана при изменении поведения противника. «Нельзя плясать под дудку противника».

Роммель приписал свое поражение большому превосходству противника в воздухе, обилию у него артиллерийских боеприпасов, недостаткам снабжения, особенно горючим, и фатальной задержке начала наступления из-за большой глубины и высокого качества британских минных полей.

Подытоживая, можно сказать, что победа Монтгомери основывалась на том, что он имел достаточно сил, поддержанных огневой мощью, чтобы обеспечить оборону по всему фронту, который противник не мог обойти с флангов. Это было завидное положение, но Монтгомери сам энергично создал его за короткое время после своего прибытия в штаб в качестве командующего армией.

Глава 5 ПОДГОТОВКА

Как только Монтгомери понял, что сражение под Алам-эль-Хальфой закончено, он, не теряя времени, начал готовиться к последнему реше-

тельному удару — к битве, которую впоследствии назовут битвой у Эль-Аламейна. Стратегия Монтомери базировалась на трех основополагающих принципах. Во-первых, безопасность и надежность. Уже занятые позиции должны быть надежно укреплены, чтобы стать линией начала наступления. Во-вторых, тренировка личного состава. Опыт Алам-эль-Хальфы убедил командующего в том, что все рода войск должны учиться и тренироваться при любой возможности и в максимально возможном объеме. В-третьих, и этот принцип был тесно связан со вторым, следовало переформировать и реорганизовать подразделения так, чтобы войска шли в бой с заранее назначенными командирами.

Чтобы обеспечить решение первой задачи, командующий приказал установить три новых минных поля, которые должны были располагаться к югу от минных полей, занятых в настоящий момент противником. Поля получили условные названия «Орешек», «Май» и «Июнь». «Орешек» соединил между собой середину старого четвертого минного поля у Мухафида с северным краем старого третьего минного поля к югу от Рагиля. Это поле было установлено к 11 сентября. «Май» установили в 3 милях к востоку от «Орешка» и направили к югу от хребта Баре через восточную окраину Рагиля к Самакет-Габалле, за которым его продолжили к юго-востоку еще на 5 миль. «Июнь» был установлен между двумя первыми полями, от южной окраины Рагиля до точки в 3 милях к юго-западу от Самакет-Габаллы.

Для того чтобы привести в соответствие с требованиями войны подготовку войск и их реорганизацию, надо было в первую очередь заняться боевой подготовкой 10-го корпуса. Ламсден, бывший командир 1-й бронетанковой дивизии, был

назначен командиром корпуса как раз в момент прибытия Монтгомери. Новый командующий хотел поставить на это место своего человека, а не этого пустынного ветерана, лошадника до мозга костей. Однако Александер не спешил выполнять функцию новой метлы и не собирался избавляться от тех ветеранов, которые, как Ламсден, пользовались заслуженной репутацией грамотных командиров. Кроме того, в поддержку Ламсдена выступил начальник штаба Александра Маккрири, старый служака из 12-го уланского полка. Монтгомери неохотно уступил. Штаб корпуса был спешно переведен 1 сентября из дельты в расчете на то, что придется руководить преследованием отступающего противника. Был произведен обмен средствами связи со штабом 30-го корпуса, средства связи которого были пригодны для ведения маневренных боевых действий. Затем штаб 10-го корпуса был переведен в район Вади-На-труна, где начались его совместные учения с соединениями, которые предполагали включить в корпус. Для этого поместили 1-ю, 8-ю и 10-ю бронетанковые дивизии, новозеландскую дивизию с двумя реорганизованными бригадами, а также 9-ю бронетанковую бригаду. Последняя прежде входила в состав 1-й кавалерийской дивизии, расквартированной в Палестине и затем преобразованной в 10-ю бронетанковую дивизию, состоящую из 3-го гусарского, Королевских уилтширского и уорчестерского йоменских полков.

Реорганизация прежде всего коснулась штабов. На фронте штаб 4-й индийской дивизии сменил штаб 5-й индийской дивизии, а 7-я индийская бригада сменила 9-ю индийскую бригаду. Остальная часть дивизии: 5-я и 16-я индийские бригады, артиллерия и пехотные части дивизии остались на своих местах. Следующим шагом стало восстано-

⁴ М. Карвер
«Битва под Эль-Аламейном»

ление 51-й хайлендерской дивизии под командованием Уимберли. Эта дивизия прибыла из Англии в Египет в августе и была расквартирована близ Каира. Во время сражения у Алам-эль-Хальфы две ее бригады были приданы 8-й армии, но активного участия в боевых действиях не принимали. 9 сентября Уимберли принял под свое начало остальные части дивизии, прибывшие из-под Каира, а 10-го числа она сменила 44-ю дивизию на позициях близ Алам-эль-Хальфы, оставаясь в оперативном подчинении 13-го корпуса, но проходя подготовку в составе 30-го корпуса.

44-ю дивизию Хьюза переместили на запад, где она сменила новозеландцев на хребте Баре, лишившись при этом 133-й бригады Лиса, которую присоединили к 10-му корпусу в качестве бригады мотопехоты, а ее место заняла 15-я бригада Перси — все, что осталось от 50-й дивизии. Дивизии придали также 1-ю бригаду «Свободная Греция», недавно прибывшую из района дельты, где она была сформирована из бежавших из Греции военнослужащих.

Новозеландская дивизия убыла на недельный отдых на побережье моря в район Бург-эль-Араба, прежде чем соединиться с 10-м корпусом в учебных лагерях северо-западнее Вади-Натруна, включив в свой состав 9-ю бронетанковую бригаду Карри.

7-я бронетанковая дивизия стала следующим объектом реорганизации. Из ее состава вывели 7-ю моторизованную бригаду и включили ее в состав 1-й бронетанковой дивизии Босвайла, оставив в ней один из уцелевших моторизованных батальонов и 2-ю стрелковую бригаду. Сам Рентон прежде командовал этим батальоном, а затем и моторизованной бригадой. Солдаты тяжело переживали замену носорога тушканчиком как симво-

ла части, и часто на боевых машинах можно было видеть странные гибриды этих разных животных. Самому Рентону тоже пришлось уйти. Между ним и Хорроксом в ходе сражения у Алам-эль-Хальфы часто возникали конфликты, и Монтгомери решил влить в командование свежую кровь. Выбор (надо сказать, идеальный) пал на Джона Хардинга, который все еще оставался прикомандированным представителем Генерального штаба в Каире. А 22-я бронетанковая бригада Робертса была снова включена в состав дивизии; месяцем позже южный сектор, удерживаемый 4-й бригадой легких танков, был передан генералу Кенигу, командующему 1-й бригадой «Свободной Франции», который тоже подчинялся командованию дивизии. 7-я моторизованная бригада пробыла неделю на отдыхе, а затем в последнюю неделю сентября была переброшена в район Хататба, где соединилась с 1-й бронетанковой дивизией генерала Бриггса, прибывшей из дельты, где ее с начала августа оснащали новым вооружением.

Кроме переброшенных в середине сентября 10-й бронетанковой дивизии и 8-й бронетанковой бригады в тренировочные лагеря в районе Вади-Натруна, 10-й корпус был укомплектован 8-й бронетанковой дивизией, также переведенной из района дельты, и 24-й бронетанковой бригадой Кенчингтона, которая в начале сентября также была переброшена в район юго-восточнее Вади-Натруна. Нерешенной, однако, оставалась проблема комплектования этих бронетанковых соединений моторизованной пехотой. 7-я дивизия, как мы видели, была оставлена без мотопехотной бригады, которую передали в 1-ю дивизию. 133-я бригада Лиса была выведена из состава 44-й дивизии, ее пехотный батальон был спешно реорганизован и вначале передан 8-й бронетанковой дивизии, а

затем в конце сентября 10-й бронетанковой дивизии. Было признано невозможным сформировать еще одну мотопехотную бригаду для укомплектования 8-й дивизии. Тогда бригада Кенчингтона была придана 10-й дивизии в виде особой бригады. Войска дивизии были переданы под начало командующего Королевской артиллерией бригадного генерала Хаммера Мэтью и преобразованы в «Хаммерфорс» в резерве 10-го корпуса, а штабы дивизий и средства связи использовались к разочарованию командира корпуса Гарднера для введения противника в заблуждение, поэтому остались на месте передвинутого к линии фронта штаба 10-го корпуса.

Таким образом, только к концу сентября 10-й корпус в полном составе был собран в районе Вадина-Натруна в 100 милях позади линии фронта.

Проблемы 30-го корпуса были проще. Мы уже упомянули о замене 5-й индийской дивизии на 4-ю и о прибытии хайлендерской дивизии. 9-я австралийская и 1-я южноафриканская дивизии уже находились в составе корпуса и удерживали свои позиции на фронте. Главным изменением стало прибытие нового командира, генерал-лейтенанта Оливера Лиса. Он, так же как и Хоррокс, был человеком Монтгомери, хотя совершенно иного склада. В противоположность сильному и импульсивному Хорроксу, Лис являл собой воплощение неодолимой спокойной силы и отличался несокрушимым оптимизмом и доброжелательностью. Ему было сорок семь, а в возрасте двадцати лет, когда Лис служил в колдстримском гвардейском полку во Франции, он получил орден за выдающиеся заслуги в 1916 году. В промежутке между двумя войнами он сделал неплохую карьеру, став

сначала майором 1-й гвардейской бригады, затем командовал 1-м батальоном и, наконец, стал полковником колдстримского гвардейского полка. В 1940 году он продвинулся от бригадного генерала в экспедиционных силах до командира дивизии. Он командовал последовательно тремя дивизиями, западносуссекской, 15-й шотландской и гвардейской бронетанковой. 13 сентября он сменил Рамсдена, 50-я нортумберлендская дивизия которого потерпела тяжелое поражение. В разгар битвы при Алам-эль-Хальфе дивизия была преобразована в 151-ю бригаду, которой грозило расформирование. На следующий день Лис узнал о прибытии 2000 пехотинцев подкрепления, которые прибыли на сборный пункт в дельте и предназначались для пополнения его полков. Он попросил сохранить дивизию, и его просьбу слышали. 69-я бригада была сформирована заново, и 5 октября дивизия приняла у 44-й дивизии старые новозеландские позиции, имея также в своем составе 3-ю греческую бригаду.

Одновременно с реорганизацией (очень сложной самой по себе, а еще больше затрудняли ее проведение условия войны) осуществлялась также программа оснащения и перевооружения войск. Главной заботой были танки, и самым значительным событием стало прибытие 3 сентября 300 американских «шерманов». За пять с половиной недель, прошедших с окончания сражения при Алам-эль-Хальфе, до начала битвы при Эль-Аламейне танковая мощь 8-й армии возросла с 896 машин до 1351 танка, из которых было «шерманов» — 285, «грантов» — 246, «крусейдеров» — 421, «стюартов» — 167, «валентинов» — 223, «матильд» — 6 и «черчиллей» — 3. Из этих тан-

ков 1136 находились в передовых подразделениях, и к вечеру 23 октября к бою был готов 1021 танк. Каждый полк 8-й и 9-й бронетанковых дивизий имел в своем составе одну роту «шерманов», одну «грантов» и одну «крусейдеров»; во 2-й и 24-й бригадах «гранты» были заменены на «шерманы». 23-я бронетанковая бригада имела на вооружении исключительно «валентины». Каждый полк 22-й бронетанковой бригады имел в своем составе две роты тяжелых танков, на вооружении которых были «гранты»; роты легких танков были оснащены «крусейдерами», за исключением 1-го Королевского танкового полка, на вооружении которого состояли «стюарты». Полк «Серых» в составе 4-й легкой бронетанковой бригады имел в своем составе одну роту «грантов» и две роты «стюартов», а 4/8-й гусарский полк имел на вооружении только «стюарты», так же как новозеландская кавалерийская дивизия. 9-я австралийская кавалерийская дивизия имела на вооружении как «стюарты», так и «крусейдеры». Испытания трех танков «черчилль» проводились в 7-й моторизованной бригаде.

Произошло значительное улучшение противотанкового вооружения: количество 2-фунтовых орудий возросло с 450 до 550, а количество 6-фунтовых орудий возросло с 400 до 850. Это дало возможность придать каждому пехотному батальону 8 2-фунтовых, а каждому моторизованному батальону 16 6-фунтовых противотанковых орудий. Все артиллерийские противотанковые полки имели на вооружении только 6-фунтовые орудия, за исключением одной батареи в каждой пехотной дивизии. Мощность артиллерии среднего калибра увеличилась до 52 стволов, то есть удвоилась, а мощность полевой артиллерии возросла на 216 стволов и составила в сумме 832 ствола.

Увеличилось число самолетов в составе военно-воздушных сил пустыни. Оно возросло настолько, что стало возможным сформировать по две группы истребителей и легких бомбардировщиков для решения текущих задач. Непосредственной задачей Конингхэма стал отдых, реорганизация и тренировка эскадрилий. Командующий сократил количество боевых вылетов истребителей и легких бомбардировщиков и отвел большую их часть на базовые аэродромы в дельте Нила. Порты противника тем не менее продолжали подвергаться налетам тяжелых и средних бомбардировщиков. В промежутке между 6 сентября и 22 октября Королевские военно-воздушные силы осуществили 183 боевых вылета тяжелых и 903 боевых вылета средних бомбардировщиков, а военно-воздушные силы Соединенных Штатов выполнили 120 боевых вылетов. Британцы сосредоточили свои удары на Тобруке, который каждую ночь атаковали 20—30 «веллингтонов», а имевшие большую дальность полета американские «либерейторы» наносили удары по Бенгази. Самый сокрушительный налет был осуществлен ночью 22 сентября.

Пока все внимание и силы командования 8-й армии были направлены на решение этих сложных и запутанных проблем, главное командование на Среднем Востоке решило провести серию диверсионных операций, имеющих целью отвлечение внимания противника. Главной операцией такого рода должна была стать высадка морского десанта в Тобруке с одновременным рейдом на Киренаику с суши. Семена, из которых вырос этот план, были посеяны намного раньше, когда Окинлек отражал атаки на хребте Рувейсат, а Адмиралтейство считало положение настолько серьезным, что планирова-

ло отправить в Тобрук эскадренный миноносец, в задачу которого входил бы обстрел порта Тобрука на рассвете, когда туда прибудет конвой противника. Адмирал Генри Харвуд, главнокомандующий военно-морскими силами в Средиземном море, собирался расширить операцию и высадить десант, который отрезал бы Роммеля от баз снабжения. Он оказывал давление на других командующих, пробирая свой план, несмотря на решение объединенного штаба о том, что такая операция была бы бесплодной и дорогостоящей.

Для проведения операции была выбрана ночь 13 сентября. Операция должна была состоять из одновременного нападения на Тобрук и Бенгази с отвлекающими атаками на Барсе и Джало. Предполагалось, что в Тобруке находится бригада плохо подготовленных итальянских войск, а германские войска в этом районе состоят из 1000 военнослужащих тыловых подразделений, расквартированных в 15 милях к востоку. Главные силы, предназначенные для атаки Тобрука, получили название группа А. В их состав входила 11-я команда Королевской морской пехоты (подполковник Анвин) с подразделением тяжелой зенитной артиллерии, которые должны были захватить и демонтировать зенитные орудия противника, и инженерными подразделениями для уничтожения порта. К северу от гавани предполагалось высадить с двух эскадренных миноносцев «Сикх» и «Зулу» немногим более 400 человек. В то же время узкий залив к востоку от входа в гавань должен быть захвачен силами группы В, состоящими из 40 военнослужащих 1-го особого авиационно-технического полка, которому были приданы многочисленные мелкие подразделения, способные использовать или разрушать захваченное оборудование и оснащение. Включая водителей, эти силы насчитывали до 80 человек. Эта группа должна

была быть усилена группой С, состоявшей из 100 военнослужащих 1-го аргайлско-сазерлендского хайлендерского полка с дополнительными подразделениями, насчитывавшими еще 100 человек, которых предстояло доставить из Александрии на 18 торпедных катерах и моторных судах Королевского военно-морского флота.

После массовой бомбардировки гавани самолетами Королевских военно-воздушных сил эти три группы должны были захватить и удерживать в течение двадцати четырех часов гавань, чтобы как можно больше разрушить причальные сооружения. После выполнения этой задачи все группы должны были быть эвакуированы морем или, если удастся, захватить достаточно транспортных средств противника, продолжить рейд и по суше отступить в Куфру. Эту дерзкую и сложную операцию должны были поддержать нападением диверсионных групп и сил особого авиационно-технического полка на Бенгази и Барсе с одновременным захватом Джало, как промежуточной базы на пути от Куфры к другим целям операции.

Подход к Тобруку был выполнен в полном согласии с планом, и самая трудная и дерзкая его часть — захват прибрежных оборонительных сооружений и зенитных орудий на южном берегу восточной оконечности гавани — была успешно проведена силами группы В, которая, высадившись на берег, дала особый сигнал. Это было замечательным достижением после морского перехода в 1700 миль. Усиление этой группы группой С, однако, потерпело полный провал. Группа С вернулась в Александрию, сумев высадить на берегу только 10 человек из Королевского нортумберлендского фузилерного полка, потеряв при этом 5 десантных судов.

Суда «Сикх» и «Зулу» подошли к берегу в 2 милях от северного плеча Тобрукской гавани в три часа ночи, но высадке помешала высокая волна, в результате чего к четырем часам утра удалось высадить только 150 человек, и то в 2 милях к западу от намеченного пункта. К этому времени противник, силы которого оказались значительно большими, чем предполагалось, привел войска в полную боевую готовность и обстрелял морских пехотинцев, которые рассыпались по берегу мелкими группами и вступили в бой, вскоре исчерпав боеприпасы. С эскадренными миноносцами дело обстояло не лучше. «Сикх» был подбит огнем береговой артиллерии и взят на буксир «Зулу», но команда была вынуждена открыть кингстоны, когда буксирный трос был порван удачным выстрелом неприятельского орудия.

Командир группы В подполковник Хээлден понял, что высадка группы сил А оказалась неудачной, и в ходе жестокого боя приказал тем, с кем еще мог связаться, отступить. При попытке отступления он был убит.

Эскадренный миноносец «Зулу» уцелел после трех воздушных атак на обратном пути, дошел до эскадренного миноносца «Ковентри», загорелся после попадания бомбы и был оставлен экипажем. С «Ковентри» судно было подбито двумя торпедами, но сам «Ковентри» был поражен попаданием авиабомбы. Судно было взято на буксир, но в восемь часов вечера затонуло. Уцелевшие члены экипажа были подобраны двумя другими миноносцами. Они прибыли в Александрию утром 15 сентября. Моряки уже не чаяли снова ощутить под ногами твердую землю.

Общие потери, включая экипаж эскадренного миноносца «Сикх», который попал в плен, составили 700 человек, из которых убиты, вероятно,

были 100 человек; потери немцев и итальянцев составили около 180 человек, большей частью погибли итальянцы. Эта неудача дорого обошлась британской армии; впрочем, шансы на удачу были невысокими, что всегда подчеркивал объединенный штаб планирования операций.

Рейд на Бенгази команды подполковника Дэвида Стерлинга также оказался неудачным. Команде не удалось дойти до цели до наступления рассвета, и она испытала большие трудности, пытаясь выйти из-под непрерывных воздушных атак в течение нескольких следующих дней. Нападение на Барсе группы глубокого поиска майора Изонсмита оказалось более успешным. Они произвели в Барсе значительные разрушения, уничтожили или повредили более 30 самолетов на полевом аэродроме и отступили, понеся незначительные потери в живой силе и технике. Однако на обратном пути противник обнаружил группу, и ее неустанно преследовала итальянская авиация до тех пор, пока к вечеру 14 сентября в ее распоряжении не остался 1 грузовик и 2 джипа. Атака Джало моторизованным батальоном суданских сил обороны закончилась проникновением в старый и новый форты, но батальон подвергся воздушным налетам, и ему не удалось выйти на восточную окраину оазиса. Боеприпасы подошли к концу, и батальон отступил к Куфре.

Монтгомери не нес ответственности за эти операции и смотрел на всю затею с большим неудовольствием. Он несколько не удивился их провалу, и нет сомнения, что именно их исход отвратил его от мысли длительного преследования противника от Эль-Аламейна до Туниса. Главный штаб в Каире считал, что Роммелю этими операциями был нанесен значительный ущерб, так как итальянские войска оказались связаны в его тылах, но это мнение не

имеет под собой реальной почвы. Верно лишь то, что были даны обычные инструкции быть готовыми к отражению подобных нападений, а в Сиву послали небольшое итальянское подразделение броневтомобилей.

В тот день, когда диверсионные группы покидали Тобрук, объединенный комитет разведки в Каире провел оценку положения противника. Хотя Роммель был не в состоянии наступать, разведчики решили, что он также не будет и отходить. Он не смог бы найти лучших оборонительных позиций, и если наши полевые аэродромы в случае его отступления переместятся ближе к Тобруку, то он не сможет использовать этот порт. Таким образом, отступление сделает более уязвимым снабжение и доставку подкреплений. Несмотря на трудности, Роммель к концу октября накопит силы для трех или четырех недель активных действий. Если Роммель отдавал предпочтение материально-техническому снабжению, а не подкреплениям, то прибытие 22-й немецкой дивизии следовало ожидать не раньше начала ноября. Силы танковых дивизий он мог наращивать на 20—25 танков в неделю. В воздухе он улучшит свое положение, увеличив число истребителей. Комитет пришел к заключению, что вряд ли Роммель решится на широкомасштабное наступление раньше первых чисел ноября.

На следующий день Монтгомери созвал совещание всех дивизионных командиров и начальников их штабов, на котором он представил им свой план операции, которую было предложено назвать «Лайтфут». Целью операции было запереть противника в мешок и уничтожить его атаками с обоих флангов, причем главный удар предполагалось нанести на севере. 30-й корпус Лиса должен был

проделать здесь брешь в обороне противника, сквозь которую должны пройти бронетанковые дивизии 10-го корпуса генерала Ламсдена в том порядке, который выберет командир корпуса в зависимости от создавшегося положения, чтобы перерезать линии снабжения противника. Затем 10-му корпусу следует атаковать танки Роммеля и уничтожить их. Пока будет выполняться эта задача, Хоррокс со своим 13-м корпусом должен начать наступление на юге и выбить оттуда танки противника, чтобы ослабить его противодействие наступающему на севере 10-му корпусу.

Монтгомери особо подчеркнул важность того, чтобы передовые бронетанковые дивизии находились в состоянии полной боевой готовности уже в момент развертывания на исходных позициях, чтобы вступить в бой уже на рассвете первого дня наступления. Войска должны быть выведены на исходные рубежи загодя, чтобы не получилось так, что им придется начинать сражение сразу после марша. Операция 30-го корпуса должна выполняться так, чтобы 10-й корпус мог беспрепятственно пройти через проходы в минных полях противника. Затем 10-й корпус должен был развернуться в направлении хребта Митейрия, который предстояло удерживать новозеландской дивизии того же корпуса, а потом выполнить маневр, чтобы захватить пути снабжения противника. Что произойдет дальше, зависит от реакции Роммеля. Он может сам атаковать 10-й корпус. Если он этого не сделает, тогда корпус будет атаковать танки противника с фланга. В любом случае, если удастся уничтожить танки Роммеля, окружить его силы не составит в дальнейшем большого труда.

Для выполнения этого плана надо не жалеть сил на учениях, отрабатывая его в учебных лагерях. Самое главное — сохранение тайны, хотя суть пла-

на должна быть доведена до нижестоящих командиров, включая командиров бригад, до конца месяца.

Когда Черчилль покидал Каир 23 августа, он ожидал начала нового наступления в полнолуние 22 сентября. Это был крайний срок, который он допускал, имея в виду необходимость проведения операции «Торч», предполагаемой высадки в Северной Африке и решения проблемы Мальты. Окончательное решение первой задачи оказалось более трудным, чем это казалось вначале.

Совершенно неожиданно американцы начали высказывать свое неприятие высадки на Средиземноморском побережье, что привело к задержке. В конце августа Черчилль все еще надеялся, что удастся произвести высадку 14 октября, но затем понял, что более реальный срок — конец октября. К концу битвы при Алам-эль-Хальфе он окончательно осознал, что раньше этого срока никаких решительных действий не будет. Самым важным он считал убедительную победу Монтгомери, которая могла бы убедить французов в Алжире отнестись скорее положительно, нежели отрицательно, к высадке англо-американских войск в Северной Африке.

Другим фактором, вынуждавшим к более раннему наступлению, было положение Мальты. Для поддержания наступательных и оборонительных действий сухопутной и морской авиации жизненно важными были бесперебойные поставки бензина; но запасов горючего хватало только до 22 ноября. Продовольствия хватало до начала декабря, если запасы не будут уменьшены в результате бомбежек. Чтобы избежать риска, его надо будет доставить к середине ноября. Чтобы в это время провести на Мальту конвой, надо, чтобы плацдарм в районе Бенгази был в руках британцев уже в начале ноября. Полнолуние в двадцатых числах

сентября поможет проведению как операции «Торч», так и операции на Мальте, но месячная задержка повлечет за собой большие сложности в проведении обеих операций.

Монтгомери было совершенно ясно, что о наступлении в сентябрьское полнолуние, всего через две недели после Алам-эль-Хальфы, не может быть и речи. Следующее полнолуние выпадает на 24 октября 1942 года. Сможет ли он атаковать без полнолуния, и если сможет, то будет ли готов к более раннему сроку? Было также ясно, что главной задачей является расчистка проходов в минных полях противника и проведение по ним бронетанковых соединений. В дневное время в пустыне совершенно невозможны атака пехоты для захвата минных полей и рубежей обороны противника, а также работы по разминированию и обозначению безопасных проходов среди мин. Было также очень опасно вести танки по узким проходам в минных полях в светлое время суток, где танкам придется идти в колонне по одному. Свет луны решающим образом будет способствовать трудной задаче обнаружения, обезвреживания мин и обозначения безопасных проходов. Очень трудно выполнить эту сложную задачу в течение одной ночи. Если период полнолуния окажется очень кратким, то проделывание проходов в минных полях станет просто невозможным. Поэтому Монтгомери решил начать сражение в канун полнолуния, что давало преимущество в первую ночь и создавало наилучшие условия для наступления в течение следующей недели. В любом случае реорганизация, переоснащение и переобучение 10-го корпуса не могли быть завершены до середины октября, а требовалось еще время для развертывания на исходных позициях. Таким образом, Монтгомери не мог принять более раннюю дату наступления, чем 23 октября.

Александр понимал, что такое решение вызовет неудовольствие в Лондоне, и отправился к Монтгомери обсудить создавшееся положение. Монтгомери убедил Александра в своей правоте и, понимая надежность своего положения после успеха при Алам-эль-Хальфе, заявил, что скорее уйдет в отставку, чем согласится на изменение плана. Черчилль, решив ускорить развитие событий, направил телеграмму Александру 17 сентября — в тот момент, когда Брук, испросив краткосрочный отпуск, отправился в Йоркшир охотиться на куропаток. Черчилль написал, что с нетерпением и волнением ждет сообщений о намерениях Александра. Премьер-министр согласился на четвертую неделю сентября как на крайний срок начала наступления, а теперь ему говорят, что сражение при Алам-эль-Хальфе, которое значительно ослабило противника, задержало перегруппировку сил. Он написал также, что не может принимать других решений, пока не будет знать, на какую неделю назначено начало наступательной операции. Александр ответил решением, к которому пришел Монтгомери, и постарался обосновать его разумными доводами. Этот ответ расстроил Черчилля, который позвонил в Йоркшир Бруку и имел с ним нелицеприятный разговор, хотя начальник Генерального штаба не имел никакого понятия об ответе Александра. Ознакомившись с ним на следующий день, он позвонил Черчиллю и сказал, что поддерживает решение Александра, что не помешало премьеру продолжать давить на Александра с тем, чтобы тот ускорил наступление. Черчилль продолжал ворчать по поводу задержки, и ему начали мерещиться непреодолимые оборонительные рубежи, которые Ромель возводит, пока британцы продолжают откладывать атаку на его позиции. Два дня спустя, 22 сентября, Эйзенхауэр решил, что 8 ноября будет

подходящей датой начала операции «Торч», и кабинет согласился с его мнением. На следующий день Бруку показали проект телеграммы, которую премьер-министр собирался направить Александру. После спора, в котором Брук заявил, что такой текст является демонстрацией недоверия к Александру, Черчилль сел на своего любимого конька, заявив, что генералам всегда надо достичь совершенства в подготовке, прежде чем они решатся что-нибудь сделать, а противник не теряет времени и делает то же самое. Был достигнут компромисс. Телеграмму составили в обтекаемых выражениях. Теперь в ней говорилось, что вражеская оборона может оказаться не коркой, которую будет легко проломить в течение одной ночи, а полосой, насыщенной фортификационными сооружениями, взорванными скалами, дотами и пулеметными точками, поэтому пехоте будет тяжело проложить сквозь такую оборону путь для танков. «Нет сомнения в том, что вы думаете об этом, — говорилось в заключение, — и поскольку это так, то постараетесь расширить фронт, чтобы дать противнику почувствовать наше численное преимущество». На этом тема была исчерпана.

Главной целью учений стала отработка правильного способа захвата минных полей вместе с прикрывающими их оборонительными позициями противника; очистка проходов через минное поле, достаточно широких для прохождения транспортных средств; установка вешек и обозначения подходов к проходам, которые были бы хорошо видны, несмотря на тучи пыли, поднятой разрывами снарядов и движущимися танками; и, наконец, последней целью обучения и тренировок была выработка умения направить поток танков и дру-

гих транспортных средств в строгом порядке, а пехоту научить обороняться от контратак неприятеля в дневное время. Все это надо было закончить за десять часов темного времени суток.

Первым шагом стало учреждение саперной школы 8-й армии, которой сначала руководил майор Питер Мур из Королевского инженерного полка, а потом майор А.Р. Карри из новозеландского инженерного полка; они обучали команды из 56 инженерных подразделений, которым предстояло участвовать в сражении. Возлагались также большие надежды на механические средства. Использовали ту же идею, которая послужила основой для конструирования в Англии танка «флэйл» с бойковым тралом; некоторые старые «матильды» были переделаны на месте и получили название «скорпионы». Инициативу создания нового танка взяла на себя 23-я бронетанковая бригада, которая потеряла много танков на минных полях в июльских боях. Предприятие было с энтузиазмом поддержано бригадным генералом Кишем, главным инженером армии, и было приказано переделать 24 танка, после того как старшим офицерам была продемонстрирована успешная работа новой техники. Ответственным за выполнение проекта был назначен майор Друри из Королевского танкового полка, но на новом поприще он столкнулся с трудностями, которые были не только техническими, но и связаны с секретностью, которая ограничивала возможности испытаний. Исходная идея заключалась в том, что группа танков с бойковыми тралами пойдет колонной, перекрывая полосы друг друга, что позволит создать брешь в минном поле, которую не придется потом расширять. Однако пыль, которую поднимали передовые машины, вызывала перегрев двигателей задних танков, поэтому они не могли выдерживать то же направление. Вследствие этого в 10-м и

30-м корпусах отказались от этого средства, так как опасались, что танки с тралами сами блокируют проход, проделанный ими в минном поле. Только 7-я бронетанковая дивизия из состава 13-го корпуса попыталась полностью использовать возможности «скорпионов». Но остальные решили положиться на примитивную технику «тыка» с помощью штыков, специальных щупов и миноискателей. В армии было 499 миноискателей, из них 202 было в 30-м корпусе, 180 — в 10-м и 117 в 13-м корпусе. Было также изготовлено 88 775 ламп и 120 миль маркировочной ленты, большая часть того и другого досталась 30-му корпусу.

Проблема обучения дивизий 30-го корпуса, которым предстояло нанести первый удар, осложнялась тем, что двум из них, а именно австралийской и южноафриканской, приходилось одновременно удерживать фронт. Выход из положения был найден так: каждую неделю с фронта снимали по одной бригаде из этих дивизий и отправляли в лагерь для недельной интенсивной подготовки. Договорились также, что 51-я хайлендерская дивизия будет каждый раз посылать свою бригаду, чтобы перенимать у австралийцев боевой опыт. В расположении хайлендерской дивизии был большой тренировочный полигон, доходивший до их резервных позиций у Алам-эль-Хальфы. На этом полигоне было проведено четыре учения: первое 26 сентября, а три в октябре перед последним броском вперед. К сожалению, в одном из этих учений не смогли обойтись без потерь. Несколько солдат пострадали от огня собственной артиллерии.

1-я южноафриканская дивизия Пиенаара, которая находилась на фронте без перерыва с начала июля, послала на учения сначала 2-ю бригаду с 16 сентября по 5 октября, а после ее возвращения в тренировочный лагерь для обучения отправи-

лась 3-я бригада. Та бригада Пиенаара, которая не должна была принимать участия в наступлении, все это время оставалась на фронте. У 4-й индийской дивизии генерала Тьюкера, в задачу которой входило удержание хребта Рувейсат, был отобран весь транспорт, и ее командованию было приказано тренироваться по собственному плану.

13-й корпус мог посвятить тренировкам весьма мало времени и сил. Он не только должен был удерживать фронт, но и проводить операции по ликвидации очень неудобного неприятельского выступа на восточной оконечности Мунассиба. Эта задача была возложена на 13-ю бригаду Фрита и 44-ю дивизию. Они должны были ликвидировать выступ в ночь на 20 сентября. Все кончилось неудачей и большими потерями, причину которых объясняли недостатком опыта и тренировок личного состава. В отличие от более удачливой соседней, 51-й хайлендерской дивизии, эти части начали операцию без единого дня тренировок после их прибытия на Средний Восток. Плохая разведка привела к тому, что артиллерийская подготовка обрушилась на никем не занятую пустынную местность, к трудностям длинного марша к исходным позициям добавился сыпучий песок, что не учли при планировании операции.

Дивизия потеряла не только 133-ю бригаду 10-го корпуса, но и разведывательный батальон. В течение октября две оставшиеся бригады по очереди обороняли восточную часть Мунассиба, пройдя обучение по наступлению через минные поля противника.

7-я бронетанковая дивизия также испытывала трудности с тренировками. 4-я бригада легких танков, которой теперь вместо Карра командовал Роддик, бесшумно находилась на передовой до 18 октября, когда ее сменила бригада «Свободной

Франции», при этом у обеих частей уже не было времени на прохождение тренировок. 22-я бронетанковая бригада нашла время для самостоятельных тренировок в своем расположении и провела три учебных преодоления минного поля, последнее — совместно со 131-й бригадой.

У 10-го корпуса не было проблем с удержанием линии фронта, но тренировка его бронетанковых дивизий затруднялась реорганизацией и переоснащением. Все три дивизии должны были получить и включить в свой состав моторизованные пехотные бригады. В лучшем положении оказалась 1-я бронетанковая дивизия. Хотя 7-я моторизованная бригада не была включена в ее состав до 23 сентября, дивизия смогла с помощью 2-й стрелковой бригады начать формирование собственных саперных подразделений, предназначенных для разминирования минных полей 4 октября 1942 года. После этого дивизия была переведена в Вади-Натрун, где провела три учения по преодолению минного поля, после чего направилась к месту сосредоточения. 8-я бронетанковая дивизия, как уже было сказано, в конце сентября была разделена. Ее бригады, 24-я бронетанковая и 133-я мотопехотная, едва ли сумели найти возможность для прохождения обучения и проведения тренировок до того, как были включены в состав 10-й бронетанковой дивизии. Оба соединения переживали трудности переоснащения, а второе встретилось, кроме того, с проблемой преобразования в другой род войск. Положение в собственной бронетанковой бригаде 10-й дивизии, 8-й, было немногим лучше. Только 12 октября этой бригаде стало известно, что ей предстоит получить 33 новых «шермана» вместо старых «грантов». 15 машин было получено 17 октября, а остальные поступили в войска только накануне начала наступления. Каждый полк должен был получить 11 но-

вых танков, но времени для тренировок оставалось мало, многие виды вооружения и техники поступили только в самый последний момент.

Хотя официально новозеландская дивизия находилась в составе 10-го корпуса, начинать наступление она должна была в составе 30-го корпуса, где находилась все это время под фактическим командованием его штаба. У новозеландцев был сравнительно спокойный период, и они успели провести несколько тренировок к югу от района своего отдыха у Бург-эль-Араба, чтобы приобрести навык прохода через порядки пехоты до цели наступления у 9-й бронетанковой бригады.

Проблемы обучения и тренировки бронетанковых дивизий заставили Монтгомери пересмотреть план и сделать его менее дерзким, во всяком случае в том, что касалось действий 10-го корпуса. 8 октября командующий армией пересмотрел свои приказы. По новому плану 30-й корпус должен был уничтожать пехоту противника, а 10-й корпус должен был придерживать до поры свои танковые силы. Роммель не сможет долго безучастно взирать на гибель своей пехоты и, чтобы спасти ее от окончательного истребления, будет вынужден послать в атаку танки. В это время должен начать наступление 10-й корпус на самостоятельно выбранном плацдарме. Если корпус не сможет быстро вывести из строя танки противника, он должен маневрировать таким образом, чтобы препятствовать попыткам Роммеля помешать операции 30-го корпуса. Кроме того, может возникнуть возможность провести самостоятельную операцию на фронте 9-й австралийской дивизии или к югу от хребта Митейрия на западном фланге новозеландцев. Общий план сражения включал в себя три

стадии. В первую ночь предстояло «вклиниться» в оборону противника. На рассвете следующего дня должна была начаться истребительная операция по уничтожению вражеской пехоты, причем было подчеркнуто, что операция должна начаться именно в это время. На то, что произойдет дальше, твердого плана не было, но все должны были использовать малейшую возможность при ослаблении сопротивления противника. Противнику нельзя давать передышку, не должно быть долгих пауз в наступлении, чтобы враг не смог опомниться и восстановить равновесие.

По новому плану менялись цели для генерала Лиса, чтобы помочь ему избежать преодоления сильных неприятельских укреплений у побережья. В его задачу входило атаковать силами четырех дивизий, расположенных в следующем порядке справа налево: 9-я австралийская дивизия Моршида, 51-я хайлендерская дивизия Уимберли, новозеландская дивизия Фрейберга и 1-я южноафриканская дивизия Пиенаара на фронте 4,5 мили на глубину 5 миль на правом фланге и на глубину 2 и $1\frac{3}{4}$ мили на левом фланге. Это могло дать возможность Ламсдену пройти вперед по двум трактам через захваченную территорию и на рассвете вывести свой корпус к западу от главных оборонительных сооружений противника в то время, когда Лис начнет свою истребительную операцию против пехотных частей, оставшихся на оборонительных рубежах. Хоррокс должен был играть вспомогательную роль и атаковать на узком участке фронта силами 7-й бронетанковой дивизии Хардинга и 44-й дивизии Хьюза к югу от хребта Рувейсат, чтобы заставить противника поверить в то, что главный удар будет нанесен именно там. Это позволит сковать на месте 21-ю танковую немецкую дивизию. Операция должна завершиться освобождением от противника

Химеймата и плато Така. Если вдруг сопротивление противника окажется слабым, Хардинг должен был двигаться на Дабу. Отвлекающую операцию в тылах противника должен был провести также специальный авиационно-технический полк, а военноморскому флоту предстояло имитировать высадку десанта близ Дабы.

Господство в воздухе — такая задача была поставлена военно-воздушным силам в начале операции, а когда начнется сражение, большую часть усилий следовало направить на поддержку действий сухопутных сил. Короткая, но интенсивная атака была предпринята на взлетно-посадочные площадки противника у Дабы и Фуки в начале октября, тогда же, когда вынужденные из-за дождя оставаться на земле силы люфтваффе потеряли 30 машин. Настоящее авиационное наступление началось только в ночь с 18 октября, когда начались интенсивные воздушные налеты на Тобрук, а ночные истребители атаковали железную дорогу. На следующий день был нанесен бомбовый удар по полемому аэродрому в Дабе, по сосредоточению войск в северном и центральном секторах фронта и по шоссейным и железнодорожным коммуникациям между Мерса-Матрухом и Сиди-Баррани. Ночью были нанесены новые удары по аэродромам в Тобруке и Дабе, а с 20 октября начались воздушные налеты на посадочные площадки в Фуке. Все эти цели подвергались непрерывным атакам с воздуха вплоть до самого начала наземного сражения. В ночь на 21 октября впервые подверглись воздушным атакам цели на Крите.

Было невозможно себе представить, что противник не понимает, что вскоре начнется крупное наступление. Единственная надежда была на то,

что удастся сохранить в тайне срок, когда Монтегомери отдаст приказ о наступлении, и участок фронта, на котором будет нанесен главный удар. Предполагалось, что в распоряжении противника имеется шесть источников информации. Во-первых, появление новых или улучшенных старых дорог; во-вторых, усиление транспортных потоков в различных районах; в-третьих, изменение размеров складов, улучшение водоснабжения, прокладка новых трубопроводов. Все эти сведения можно было получить путем аэрофотосъемки. Кроме того, враг мог черпать информацию из усиленного радиообмена, от своих агентов в дельте и из допросов военнопленных. Имея все это в виду, командование решило начать кампанию дезинформации и обмана противника, для чего было сформировано особое подразделение под командой подполковника Ричардсона. Строительство новых дорог откладывалось до самого последнего момента, особенно конечных отрезков. Когда 10-й корпус проходил обучение в районе Вади-Натруна, основную часть его транспорта, покинувшую место постоянной дислокации, заменили макетами, доведя общее количество транспортных средств до того, какое было до отправления частей на учения. Когда дивизии возвращались в свои расположения, ложные макеты ставились в местах учений. Следовательно, не происходило никаких видимых изменений в количестве техники. Позиции, в которых пехотным дивизиям предстояло провести день начала наступления, были вырыты и замаскированы за месяц до предполагаемой атаки. Полевые склады камуфлировались и строились в закрытых местах, пополнение их шло постепенно и как можно тщательнее маскировалось. Иногда штабеля припасов маскировали под грузовики или походные палатки, которые уже стояли

на этом месте. Таким образом было размещено 3000 тонн боеприпасов возле станции Эль-Имай-ид, 420 тонн инженерного оборудования близ станции Эль-Аламейн, 2000 тонн бензина в старых щелях и окопах в том же районе, также было замаскировано 600 тонн других грузов, включая материальную часть артиллерии. 8-дюймовая¹ труба водопровода из Александрии была заменена 10-дюймовой, ее прокладывали ночами под землей, а старую трубу оставили как было — на поверхности. Пункт водоснабжения был построен на станции Эль-Аламейн, но его замаскировали и не использовали вплоть до начала наступления. В дополнение к этим мерам пассивного характера Королевские военно-воздушные силы за несколько дней до начала операции сосредоточили на северном участке фронта большое количество истребителей.

Для того чтобы ввести противника в заблуждение средствами радиогры, связисты 8-й армии продолжали обмениваться сообщениями с местом расположения тренировочного лагеря 10-го корпуса даже после того, как корпус покинул этот участок. Кроме того, в 8-й армии часто изменяли частоты и позывные, а долгие периоды молчания в эфире сменялись отправлением тренировочных сообщений.

Для того чтобы предотвратить утечку информации через агентов противника, всем, кто был знаком с планами наступления, запрещалось покидать расположение 8-й армии. Офицерам полков, в отличие от командного состава, план не сообщался вплоть до 21-го числа, а солдатам в подразделениях вплоть до 22 или 23 октября. Было устроено, чтобы среди уезжавших незадолго до 23 октября в краткосрочные

¹ 1 дюйм = 2,54 см.

отпуска военнослужащих были только те, чье участие в операции не предусматривалось планом. В первых числах октября вся армия получила сухой паек на несколько дней; на это же время были прекращены поставки свежих продуктов с баз дельты. Это было сделано для того, чтобы перевод армии на сухой паек в конце октября не вызвал подозрение в штабах противника. 6 октября Монгомери издал приказ, строго запрещающий допуск на территорию расположения 8-й армии посторонних без его личного разрешения.

Чтобы предотвратить утечку информации через пленных, патрулирование передовых позиций поручалось только тем подразделениям, которые стояли на передовых позициях. Военнослужащим инженерных частей, которые видели масштабы приготовлений, не разрешалось проводить рекогносцировку минных полей, которые им предстояло разминировать. Даже в день начала операции было запрещено появляться на передовой с картами планов наступления.

Притом что движение военного транспорта было резко ограничено на северном участке фронта, оно было весьма интенсивным на юге, чтобы создать у противника иллюзию, будто главный удар будет нанесен именно здесь. На восточной окраине Мунассиба были сооружены плохо замаскированные ложные артиллерийские позиции, дальше на юге располагались ложные полевые склады и пункты управления войсками. Ложные водопроводные линии с насосными станциями вели к ложным коллекторам воды в 4 милях к востоку от Самакет-Габаллы. Работы начались 26 сентября и продвигались такими темпами, что можно было предположить их окончание только в начале ноября. Когда 10-й корпус начал выдвижение на исходные позиции, то вначале, днем, он

двинулся на юг, в ближний тыл 13-го корпуса. Выдвижение на позиции развертывания 10-го корпуса перед наступлением было начато 18 октября и закончено на рассвете 23 октября.

Все приготовления были тщательно завершены. Но материальная подготовка пропала бы даром, если бы войска не были приведены в боевую готовность. Этому вопросу Монтгомери лично уделял первостепенное внимание. Изменения в командовании коснулись не только высших эшелонов; чистка прошла и в среднем звене. Командующий армией производил на всех большое впечатление своей неординарной личностью и необычным головным убором. 14 сентября он отдал специальный приказ о моральном состоянии войск, подчеркнув, что не только физическая, но и моральная подготовка делают из солдат закаленных и упорных бойцов. 6 октября был издан еще один приказ о командовании и руководстве войсками. В приказе было подчеркнуто, что солдат никогда не должен сдаваться в плен. Нет сомнения в том, что в армии царило настроение уверенности в победе и решимость воевать до конца, которые усиливались по мере приближения срока начала наступления, хотя чувства солдат и офицеров были разными в разных соединениях и у отдельных людей. Самый высокий моральный дух был у солдат хайлендерской дивизии. Они горели желанием отомстить за Сен-Валери, и это был первый случай столкнуться с противником на поле боя после падения Франции. Им отдавали предпочтение с самого прибытия, ибо это были сливки шотландского воинства. Австралийцы находились на фронте беспрерывно с середины июля, но до этого дивизия практически

не принимала участия в боевых действиях, так как ее сменили в Тобруке перед началом операции «Крусейдер». Бойцы дивизии были закалены, и в дивизии царил высокий боевой дух. Новозеландцам также посчастливилось не участвовать в летних боях у Газалы. После операции «Крусейдер» они были до мартовского отступления отведены с фронта в тыл. После этого провели несколько неудачных боев, но все они были уже закаленными, понюхавшими порох ветеранами, за исключением бригады Карри, которая еще не была обстреляна, хотя 3-й гусарский полк побывал в бою, но это было еще до падения Крита. 1-я южноафриканская дивизия участвовала в боях у Газалы, но практически не принимала участия в крупных операциях. С тех пор как южноафриканцы прибыли в пустыню после впечатляющего победоносного перехода из Кении в Аддис-Абебу, они редко участвовали в настоящих сражениях. Они бесшумно находились на фронте у Эль-Аламейна с первых чисел июля и были не такими свежими, как хотелось бы. 4-я индийская и 50-я дивизии были ветеранами пустыни, но их не стали привлекать к главному удару наступательной операции, так как они еще не оправались от потерь, понесенных летом. 44-я дивизия вообще была несчастливой. С момента прибытия на театр войны ее так и не сумели «настроить» на крупную операцию. Атаки, предпринятые ее 132-й и 131-й бригадами, закончились очень неудачно. Дивизия потеряла 133-ю бригаду, и теперь ей предстояло играть вспомогательную роль в составе 7-й бронетанковой дивизии.

7-я бронетанковая дивизия — старое надежное соединение, лишенное одной моторизованной бригады, — находилась в самом конце списка кандидатов на получение новых танков. Ее личный со-

став можно простить за ту обиду, которую он испытывал, чувствуя свое ущербное положение по сравнению со свежими войсками, прибывшими из Англии. Но зато 7-й дивизии исключительно повезло с командирами. Ею командовали Джон Хардинг и Пип Робертс. Дивизия не любила район побережья и предпочитала действовать самостоятельно на южном участке фронта. Задача, поставленная перед дивизией, была не из легких, но солдаты и офицеры не сомневались, что справятся с ней не хуже, чем все другие.

При всей поверхностной безмятежности не все гладко обстояло и в отношениях между генералами. Монтгомери издал приказ, согласно которому 10-й корпус в случае, если 30-й корпус не сможет выполнить поставленную перед ним задачу, должен будет на свой страх и риск пробиваться к исходным позициям для наступления. Это было совсем не похоже на первоначальный план, который предусматривал для 10-го корпуса выход на расчищенные 30-м корпусом минные поля и разгромленную линию обороны противника для развертывания в наступательный порядок в спокойной обстановке — на размишированном минном поле и при отсутствии противника. Ни Ламсден, ни его дивизионные командиры не рассматривали этот план как верное предложение, и они были не одиноки в своих оценках. Командиры трех дивизий доминионов, Фрейберг, Моршид и Пиенаар, дали понять Лису, что не разделяют уверенности командующего в том, что танковым дивизиям удастся так быстро взломать оборону противника. Эти командиры предвидели, что такие попытки нанесут урон их бронетехнике и приведут к катастрофе, последствия которой скажутся на всех позже. Они полагали, что атака пехоты должна предшествовать прорыву танков. Командование

30-го корпуса считало, что 10-й корпус не собирается прорываться всерьез. Столкнувшись со столь сильной оппозицией, Лис обратился к Монтгомери, который подтвердил, что 10-й корпус должен пройти через порядки 30-го корпуса на рассвете первого дня операции. Нет сомнения, что Монтгомери вспомнил опыт Франции в Первую мировую войну, когда долгие паузы между атаками пехоты приводили к тому, что противник усиливал свою оборону и успешно противостоял этим атакам. К тому же Монтгомери, вероятно, понял, что у него не хватит пехоты для того, чтобы развить успех на большую глубину прорыва. В двух бронетанковых дивизиях Ламсдена уверенность в победе была довольно слабой. Весь личный состав 1-й бронетанковой дивизии состоял из ветеранов и имел то преимущество, что им командовал их старый дивизионный командир. Боевой опыт 8-й бронетанковой бригады 10-й бронетанковой дивизии ограничивался неудачным столкновением с 15-й немецкой танковой дивизией на второй день операции у Алам-эль-Хальфы. Состав 24-й бронетанковой бригады вообще до сих пор не нюхал пороха. 133-я автомобильная пехотная бригада последний раз сталкивалась с противником у Дюнкерка и теперь испытывала большие трудности, так как была выведена из состава своей дивизии и осваивала новую для себя роль моторизованного соединения, не имея достаточного времени на реорганизацию и обучение.

В последние несколько дней до начала операции большая часть людей и техники начала выдвижение на исходные позиции. Командирам крупных соединений и их штабам с этого момента осталось только наблюдать за происходящим, ибо теперь они мало

что могли изменить, чтобы повлиять на исход наступления. Поэтому самые умные командиры решили передохнуть и не вмешиваться в непосредственные действия своих подчиненных. Де Гинган, нарушив все правила секретности, за несколько дней до начала сражения оставил свой штаб и уехал дня на три в Александрию. Люди читали книги, играли в карты или просто спали. Многие писали послания, понимая, что эти письма могут оказаться последними в их жизни. Практически для всех, особенно для пехотных дивизий 30-го корпуса, которые должны были взять на себя основную роль в нанесении удара, 23 октября должно было стать днем тяжелых испытаний. Этот день пехоте предстояло провести в бездействии, сидя в своих окопах и не имея права покинуть их даже по естественной надобности. Их задача была ждать. Лучше всего было бы просто не думать о надвигающемся сражении, но разве можно было выбросить мысли о нем из головы? Это длительное ожидание в невыносимой жаре больше всего давило людей, которым впервые в жизни предстояло столкнуться в бою с реальным противником. Ветеран воспринимал будущее сражение со смесью цинизма, фатализма и внешнего спокойствия, характерной для таких людей и скрывающей истинные чувства, в которых он никогда не признался бы даже самому себе.

Сам Монтгомери, казалось, не испытывал никаких сомнений. Его тактический штаб был выдвинут на берег моря к северу от станции Эль-Аламейн, где по соседству располагались штабы Ламсдена и Лиса. Монтгомери уже издал приказ дня, в котором просил солдат и офицеров молиться всемогущему Богу о даровании победы. Этим утром он переговорил с журналистами и вскоре после этого вместе с де Гинганом отправился в свой тактический штаб, чтобы в полови-

не пятого успеть выпить чашку чаю. После этого он немного почитал и после ужина лег спать, надеясь уснуть до того момента, когда загремят пушки.

Противник не проявлял никаких признаков своей осведомленности о предстоящем наступлении британцев, у которых оставались два опасения на этот счет. В ночь на 11 октября из патруля на участке фронта австралийцев пропали двое военнослужащих хайлендерского полка. Спокойствие было восстановлено несколько дней спустя, когда в руки британцев попал официальный рапорт штаба 164-й немецкой дивизии о допросе пленных, из которого следовало, что утечки информации не произошло. Еще одно опасение возникло уже 23 октября, когда до 30-го корпуса дошла новость о том, что 22 октября в девять часов утра из расположения 5-го полка Камерона пропали двое военнослужащих — офицер и унтер-офицер. Но в половине седьмого вечера разведка 8-й армии доложила Монтгомери, что все признаки указывают на то, что противник не ожидает наступления этой ночью. Как показали дальнейшие события, разведчики оказались правы.

Глава 6 БЕЗ НАДЕЖДЫ

В противоположность 8-й армии, исполненной уверенности в победе, немецкая танковая армия «Африка» смотрела в будущее без радужных надежд на исход новой битвы, со смирением, а в некоторых случаях и с отчаянием, усиливавшимся от отсутствия испытанного и воодушевляюще-

го войска командира. После окончания сражения при Алам-эль-Хальфе, когда на южном участке фронта германские и итальянские войска оказались отброшенными на линию старых британских укреплений, у Роммеля не осталось больше никаких иллюзий относительно исхода кампании. Лечащий врач генерал-фельдмаршала профессор Херстер настаивал на том, чтобы Роммель отдохнул и подлечился в Европе хотя бы в течение нескольких недель. Исполнять обязанности командующего остался генерал Штумме, пятидесятишестилетний командующий 7-й танковой дивизией, который до этого командовал корпусом на советско-германском фронте. У Роммеля оставалось меньше двух недель на то, чтобы привести в порядок свою армию и подготовить ее к наступлению Монтгомери, которое, как полагал германский командующий, должно было начаться через четыре — шесть недель. Первым делом Роммель вывел 15-ю танковую дивизию на побережье для кратковременного отдыха, а потом перебросил ее в пункт в 6 милях к юго-западу от Сиди-Абд-эль-Рахмана. 21-я танковая дивизия осталась на юге, но переместилась на северо-запад, в район Гельбель-Калаха. Был разделен 20-й корпус. Дивизия «Литторио» была придана 15-й танковой дивизии на севере, а дивизия «Арьете» была придана 21-й танковой дивизии на юге. Дивизия «Триест» осталась в резерве в северном секторе южнее расположения 90-й дивизии легких танков, которая располагалась на побережье к востоку от Дабы.

21-й корпус Наварини продолжал удерживать северный участок фронта, доходивший на юге до хребта Рувейсат, где находился точно напротив 30-го британского корпуса. Два батальона бригады Рамке вместе с приданными им берсальерами удерживали узкий сектор обороны от побережья до же-

лезной дороги. 164-я дивизия удерживала вогнутый участок фронта к югу от гряды высот «Почка», а дивизия «Болонья» развернула фронт на восток и юг в направлении хребта Рувейсат, на котором укрепились два немецких парашютных батальона. К югу от 10-го корпуса Орси находилась дивизия «Брешия» с двумя немецкими парашютными батальонами, занимавшая оборону напротив 50-й дивизии, а итальянская дивизия «Фольгоре» удерживала фронт к югу от Мунассиба в направлении на Химеймат, который вместе с плато Така заняла недавно прибывшая дивизия «Павия». В сыпучих песках к югу от основных войск группы Киля фланги охраняла 33-я разведывательная часть.

До этого целью Роммеля было заставить британские силы вести маневренную войну, в которой он был уверен в своем превосходстве. Но он был в достаточной степени реалистом, чтобы понимать, что на этот раз такая тактика не пройдет. 8-я армия получила значительное пополнение техникой, а Роммель получил только личный состав без транспорта. По словам фельдмаршала, «это великолепное воинство было совершенно бесполезным в пустыне». Подавляющее превосходство британцев в воздухе и постоянный недостаток горючего — еще две причины того, что Роммель был вынужден придать своей обороне статическую позиционную форму при максимальном использовании пехотой минных полей для прикрытия подходов к рубежам обороны. Приходилось смириться с тем, что такая тактика позволит британцам со всей возможной эффективностью использовать артиллерию и выставить в полном блеске австралийскую и новозеландскую пехоту, большим поклонником которой был германский командующий. Малая подвижность пехоты немцев и итальянцев требовала любой ценой не допустить прорыва. Поэтому Роммель решил,

что любая попытка прорваться сквозь порядки его обороны должна решительно пресекаться контратаками. Главные оборонительные рубежи были построены с расчетом выдержать самый массированный натиск противника в течение времени, необходимого танковой дивизии для подхода, пусть даже задержанного действиями британской авиации.

Первым шагом в воплощении такой тактики было построение «сэндвичей» из германских и итальянских частей вплоть до батальонного уровня. Например, хотя 164-я немецкая дивизия и итальянская дивизия «Тренто» официально отвечали за разные участки фронта, в действительности их позиции перекрывали друг друга. Немецкие и итальянские штабы располагались в близком соседстве, чтобы в случае необходимости первые могли давать рекомендации вторым.

В приказах, которые Роммель издал накануне своего отъезда из армии, были рассмотрены самые мелкие детали, касающиеся организации обороны. Передовые минные поля должны были охраняться постами, расположенными отчасти на самих минных полях, а отчасти позади них. Эти посты можно было рассматривать как передовые или вынесенные вперед позиции. В миле позади них должен был располагаться широкий пояс минных полей, на тыловом краю которого возводились главные оборонительные сооружения. Одна из рот батальона, занимавшего одну такую позицию, имела на вооружении 50-мм противотанковые пушки и находилась на передовой позиции, а остальные роты занимали позиции, расположенные сзади. В среднем сектор обороны батальона составлял по фронту 1500 ярдов, а в глубину 5000 ярдов. Роммель правильно определил, что при стандартной британской тактике наступления пехотной дивизии основное время и усилия артиллерии и пехоты будут потрачены на

подавление обороны передовых позиций. При подавлении сопротивления передовых позиций будет утрачен не только фактор внезапности, ослабнет также наступательный порыв и темп продвижения. Любая попытка провести атакующие мобильные подразделения сквозь порядки обороны на этом первом этапе неизбежно столкнет их с основными силами обороны на главных позициях с их сильной противотанковой артиллерией, которая, как надеялся Роммель, уцелеет во время артиллерийского обстрела, так как британцы будут опасаться нанести удар по своим наступающим частям. Такая организация наступления была характерна для британцев в предшествующий период Второй мировой войны, а также в Первую мировую войну. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что Роммель был автором руководства германской армии по тактике боевых действий пехоты.

Подготовив схему обороны, Роммель был готов передать ее Штумме, который прибыл на место своего нового назначения 19 сентября. Задача исполняющего обязанности командующего была незавидной. Он не мог сравниться по популярности с Роммелем в глазах личного состава танковой армии и знал, что в любом случае у него будут связаны руки. Дело не только в том, что Роммель уже издал все приказы, но также объявил, что, если британцы предпримут крупное наступление, он немедленно вернется в армию. Большинство старших офицеров штаба также были больны. Гаузе, начальник штаба, был вынужден немедленно уехать, у Вестфали была желтуха, а у Меллентина амёбная дизентерия. В африканскую армию и в две германские дивизии за предшествовавшие две недели были назначены новые командующие. Генерал Тома взял на себя командование корпусом, генерал Рандов прибыл, чтобы занять место

Бисмарка в 21-й танковой дивизии, а генерал Шпонек сменил Клеемана на посту командира 90-й дивизии легких танков. Штурме повезло хотя бы в том, что командир 15-й танковой дивизии Ферст и командир 164-й дивизии Лунгерсхаузен остались на своих местах. В день прибытия Штумме состоялось совещание с участием генерала Кавалльеро, посвященное вопросам материально-технического снабжения войск. Роммель потребовал, чтобы снабжение морским путем в сентябре было доведено до 30 000 тонн, а в октябре возросло до 35 000 тонн. Необходимо было при малейшей возможности переправить все свободные грузовики через Средиземное море. Нельзя было рассчитывать на проведение успешной оборонительной операции, не имея в распоряжении восьмидневной нормы боеприпасов, запаса горючего на 2000 миль пробега на каждое транспортное средство и месячного запаса продовольствия. Как обычно, в ответ прозвучали щедрые обещания, но, когда Роммель 23 сентября покидал Дэрну, у него оставалось мало иллюзий на этот счет.

На следующий день он увиделся с Муссолини и еще раз обосновал необходимость немедленного улучшения снабжения и положения с транспортом в его армии. Как в Риме, так и при встрече с Гитлером и Герингом через несколько дней, у Роммеля сложилось впечатление, что его собеседники считали, что он преувеличивает свои трудности. Роммель уже несколько раз делал такие вещи, которые казались невозможными при существовавшем материально-техническом снабжении. У руководителей не было никаких сомнений, что так будет и на этот раз. Разве не сам Роммель пресекал разговоры о недостатках снабжения, называя их узколобыми увертками интендантов? На этот раз Роммель в красках живописал превосходство в воздухе британских

ВВС, что не слишком расположило к нему Геринга. Он повторил свои минимальные требования относительно материально-технического обеспечения войск, и его отправили обратно с обещаниями снабдить африканскую армию моторными паромы, танками «тигр» и дымовыми ракетами, причем было ясно, что к моменту наступления британцев ничего этого нельзя будет доставить в Северную Африку из Германии.

С тяжелым сердцем отправился Роммель на лечение в Австрийские Альпы в Земмеринг. Там он мрачно размышлял о влиянии, которое окажет на ход войны американская индустриальная мощь, если немецкие подводные лодки не смогут надежно перерезать коммуникации в Атлантике. В противном случае поставки из США смогут решить исход войны не в пользу Германии. Мыслями он по-прежнему был со своей танковой армией, а письма, которые приходили от Штумме и Вестфаля, мало помогали Роммелю обрести душевный покой. Хотя работы на минных полях и оборонительных сооружениях продвигались вперед быстрыми темпами, а со стороны противника не наблюдалось никакой активности ни на суше, ни в воздухе, не было сомнений, что с каждым днем 8-я армия и военно-воздушные силы пустыни становятся сильнее. Воздушные налеты на Тобрук продолжались каждую ночь, а цена морских перевозок возросла. Большое количество судов было потоплено в сентябре, и еще больше было повреждено авиационными торпедами за период с 15 по 23 октября. Только малая часть грузов могла быть доставлена на фронт перед началом сражения. Хотя ситуация со снабжением улучшилась, оно не достигло даже минимальных требований Роммеля.

Отсутствие командующего отрицательно сказывалось на моральном состоянии солдат и офице-

ров немецкой танковой армии. Надежды на захват Египта развеялись в умах самых лучезарных оптимистов. Не уменьшилось число заболевших, а мухи превратились в настоящий бич. Большая часть итальянцев, за исключением солдат недавно прибывшей дивизии «Фольгоре», утратила интерес и желала только одного — скорейшего окончания войны. Противоречия между итальянцами и немцами, начавшиеся в верхних эшелонах, распространились вниз, на все уровни «сэндвичей», созданных совместными усилиями германского и итальянского командования. Однако на возведении оборонительных сооружений все работали с одинаковым рвением, так как от качества этих сооружений зависело выживание солдат. Особое внимание было обращено на миные поля и на установку противопехотных мин и мин-ловушек среди противотанковых мин. На северном участке фронта, позади исходной линии укреплений уже к середине октября была возведена новая полоса оборонительных сооружений, но на юге работы ограничились усилением первого и второго британских минных полей, которые были известны в 8-й армии под названиями «Январь» и «Февраль». Артиллерия молчала, отчасти из соображений экономии снарядов, но, главным образом, из опасения открыть противнику схему расположения батарей, которые теперь были выведены из зоны досягаемости британской полевой артиллерии. Для выполнения задач артиллерию выдвигали на временные передовые позиции, а по выполнении задачи скрытно уводили на исходные позиции. Пехота по ночам тоже отдыхала, практически не высылая разъездов и патрулей. В результате немцы имели слабое представление о том, что происходит по другую сторону «ничьей земли», которая местами достигала ширины од-

ной-двух миль, разделявших минные поля противоборствующих сторон. Немецкие и итальянские бронетанковые соединения не меняли позиций и оставались на месте. Эти дивизии должны были действовать быстро при создании угрозы фронту, как это сделала 21-я танковая дивизия, когда 131-я бригада нанесла удар по дивизии «Фольгоре» в конце сентября. В светлое время суток в войсках происходили перемещения автотранспорта, учебные стрельбы и тренировка личного состава. Количество танков в двух танковых дивизиях равнялось 220, из которых большую часть составляли устаревшие «Марк-III» с короткоствольными 50-мм орудиями, а у итальянцев было 318 средних танков и 21 легкий танк.

23 октября ничем не выделялось из череды многих дней для немецкой танковой армии. Солдаты и офицеры готовились к следующей спокойной ночи, когда вечером фронт неожиданно взорвался огнем и на итало-германские позиции обрушился нескончаемый град снарядов, нацеленный на артиллерийские батареи. Спустя двадцать минут огонь был перенесен на передовые позиции пехоты.

Глава 7

ПЕРВЫЙ УДАР

23 — 24 октября

Артиллерийская подготовка началась в двадцать один час двадцать минут по летнему египетскому времени. Вся наличная артиллерия 8-й армии открыла интенсивный огонь по батареям противника. Артподготовка преследовала двойную цель: прикрыть выдвигавшуюся на исходные рубежи пехоту и подавить артиллерию противника. Для того чтобы уничтожить 232 полевых, 40 средних и 24 тяже-

лых орудия немцев на его участке фронта, Лис располагал 426 полевыми и 48 средними орудиями. Приблизительно 80 орудий противника находилось в зоне досягаемости средних орудий британцев, которые по очереди каждые две минуты обрушивали на оборону немцев по 96 снарядов. Всего до часа ноль по артиллерии противника было выпущено 1800 снарядов. Ответ врага был ничтожно слаб, и, как утверждали артиллеристы, только к четырем часам утра его артиллерия стала по-настоящему отвечать на огонь. Впрочем, некоторые пехотинцы отрицают этот факт.

Массированная артиллерийская подготовка подняла боевой дух солдат, которые шли вперед, развертываясь в боевой порядок. Детали выдвижения отличались на различных участках фронта, но общая схема наступления была одинаковой от австралийцев на правом фланге до южноафриканцев на левом фланге. Под прикрытием плотного заградительного огня, который вскоре совершенно скрыл местность за завесой пыли и дыма, передовые наступающие роты, рассыпавшись в цепи с расстоянием между людьми 2—3 ярда, достигли края первого минного поля. В большинстве случаев для этого солдатам надо было пройти приблизительно полторы мили.

Таким образом, в первый час наступления не происходило ничего существенного. Наблюдателю, стоявшему позади наступающих, в лунном свете открылась бы следующая картина: пехотинцы и саперы в стальных касках, шерстяных свитерах и шортах неторопливо и уверенно, как на учениях, продвигаются вперед. Только рев орудий и разрывы снарядов впереди говорили о том, что это настоящая война, а не маневры. Для того чтобы помочь солдатам выбрать верное направление, в определенных точках были установлены прожектора, светив-

шие в темное ночное небо, а сзади из зенитных орудий с короткими интервалами выпускали трассирующие снаряды в направлении окопов противника.

После длительного сидения на позициях в полной неопределенности солдаты восприняли атаку как большое облегчение. Вначале не было практически никакого сопротивления противника — несколько артиллерийских выстрелов, несколько шальных пуль и никаких мин до тех пор, пока атакующие роты не достигли края первого минного поля. Может быть, все так и пройдет — легко и безболезненно, вопреки всем переживаниям, страхам и предчувствиям, которые вскоре рассеются как дурной сон. Волна беззаботного оптимизма, охватившая было солдат и офицеров, быстро схлынула, разбившись о сопротивление противника, которое ощутили пехотинцы, достигнув глубокой ночью переднего края основных рубежей обороны противника. Началось то, чего так опасались. Наступавшие слышали свист неприятельских пуль, снаряды начали рваться среди солдат, преодолевавших проволочные заграждения и надевавшихся, что хоть там нет противопехотных мин. Размеренное наступление превратилось в борьбу за выживание, в необходимость выдержать, в боевой обстановке разобраться, где свои и что они делают в данный момент.

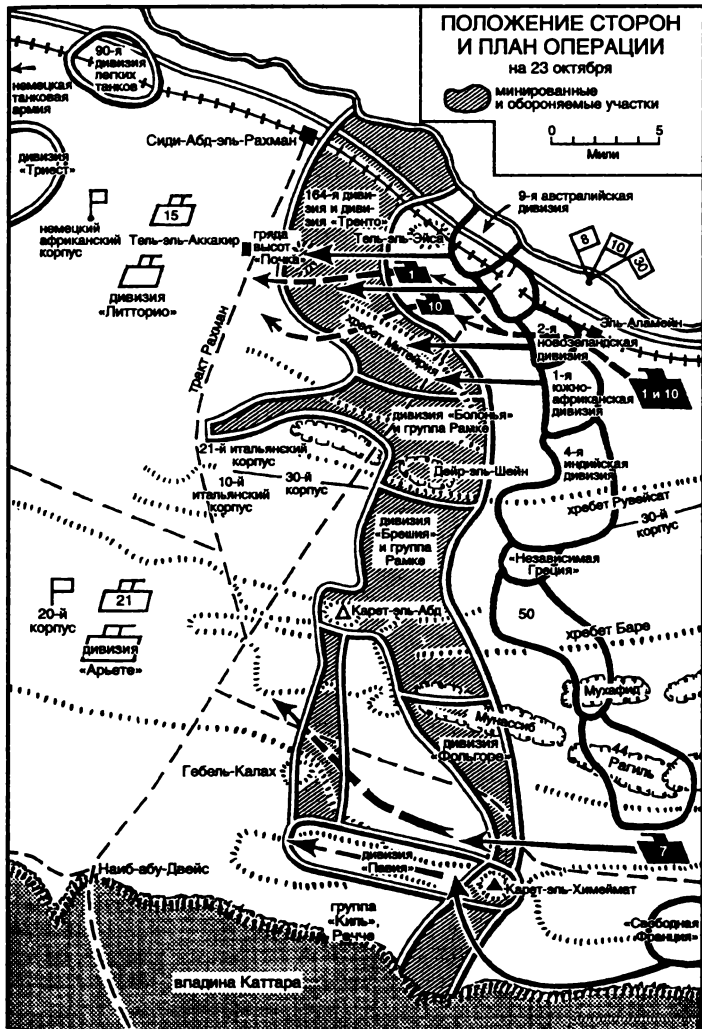
Первейшей задачей Лиса были захват и удержание плацдарма в проходе минного поля противника по крайней мере до рассвета; второй задачей было помочь танкам Ламсдена пройти минное поле и воспользоваться прорывом на обоих флангах. Предстояло расширить плацдарм от места в 2 милях севернее гряды высот «Почка», где находились позиции австралийцев Моршида, через его восточный склон к северо-западному краю хребта Митейрия. Эти две точки отмечали цели Уимбер-

ли. На его левом фланге Фрейберг должен был, развернув боевые порядки на 3 мили, пройти 1000 ярдов через хребет, а Пиенаар должен был наступать рядом с ним на участке также шириной 3 мили. На всем фронте наступление должно было осуществляться в две фазы. Первая предусматривала захват передовых позиций противника, в большинстве случаев не более чем на милю в глубину от передней линии первого вражеского минного поля. Этот рубеж получил наименование «красной» линии, и артиллерийская подготовка была спланирована при допущении, что пехота достигнет этой линии без пяти минут двенадцать, то есть через два часа после начала наступления. Затем предусматривалась часовая пауза перед следующей атакой, в ходе которой предполагалось пройти еще 2 мили и достичь конечной цели наступления, так называемой «синей» линии, проходящей по рубежам основной обороны противника. Если все пойдет по плану, то эти рубежи будут захвачены в два часа сорок пять минут.

За три оставшихся до рассвета часа пехота должна будет окопаться и подготовиться к отражению контратак, пользуясь поддержкой своей противотанковой артиллерии, мортир и пулеметов. В это время танки Ламсдена, начавшие выдвижение из пунктов сосредоточения в два часа ночи, пойдут по проходам, проделанным в минном поле инженерными подразделениями, и бросятся в неизвестность. Танки 23-й бронетанковой бригады Ричардса с пехотными дивизиями и 9-я бронетанковая бригада Карри с новозеландцами предполагалось использовать при необходимости, чтобы любой ценой обеспечить захват плацдарма. Эти соединения нельзя было использовать подразделениями меньшими, чем рота, а также на неразведанных и непроверенных минных полях. В приказе было сказано: «Не-

ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН И ПЛАН ОПЕРАЦИИ на 23 октября

 минированные
и обороняемые участки

обходимо сохранить состав этих частей, чтобы отразить утренние контратаки противника».

По достижении конечных целей наступления войска должны закрепиться на рубежах, выслать мобильные патрули, сделать все возможное для обеспечения продвижения вперед бронетанковых дивизий. С рассветом австралийцы должны были подготовиться к дальнейшему продвижению на север, а новозеландцам предстояло развить успех на 5 миль к югу. Южноафриканцы должны были нанести встречный удар и двигаться вперед на соединение с новозеландцами. Западный фланг наступающих войск, по интерпретации Лиса, должен быть прикрыт левым флангом Ламсдена. Особо было подчеркнуто, что войска, попавшие в окружение, должны сражаться до последней возможности, не может идти речи о сдаче в плен. Исключение делалось только для раненых. Завершало сходство с операциями времен Первой мировой войны использование голубиной связи.

На правом фланге у австралийцев Моршида операция развивалась почти по плану. 24-я бригада Годфри, которая удерживала фронт к северу от железной дороги, не участвовала в наступлении, выполняя отвлекающие маневры и выделив один из своих батальонов в резерв дивизии. 26-й бригаде Уайтхеда была поставлена задача продвинуться вперед на полмили на севере, после чего, прикрыв северный фланг, она должна была развивать успех дальше в том же направлении. Цели «красной» линии были достигнуты 2/24-м батальоном вскоре после полуночи. Противник практически не оказывал сопротивления, потери батальона были небольшими, а слева было обеспечено надежное взаимодействие с 2/17-м ба-

тальоном 20-й бригады. 2/48-й батальон прошел через их порядки ровно без пяти минут час и занял намеченные позиции, как и ожидалось, без четверти три, преодолев сопротивление противника, усилившееся в конце атаки.

Для обеспечения заградительного огня для пехоты по всему фронту не хватало артиллерии; по этой причине огонь концентрировался на определенных участках в нужное время. Большая часть артиллерийского сопровождения потребовалась для 20-й бригады Ригли на левом фланге. 2/17-й батальон бригады выдвинулся на «красную» линию на правом фланге, а 2/15-й батальон на левом фланге. Оба батальона выполнили свою задачу в полночь, понеся небольшие потери и встретив очень слабое сопротивление. После выполнения этой задачи через боевые порядки этих батальонов должен был пройти 2/13-й батальон с 40-м Королевским танковым полком, но танки задержались, так как минные поля были еще не разминированы. Пехотный полковник решил воспользоваться заградительным артиллерийским огнем, а не поддержкой танков, и отдал приказ атаковать, не дожидаясь танкистов. Вскоре он натолкнулся на жесткое сопротивление противника, батальон стал нести потери и остановился. Танки подошли только в пять часов утра, и наступление возобновилось. Они не дошли до намеченных рубежей 1000 ярдов, когда занялся рассвет. Пехота торопливо окопалась под прикрытием танков, которые в половине восьмого отошли на полмили, на более скрытую позицию. Бригада взяла в плен 127 немцев из 164-й дивизии и 264 итальянца из дивизии «Тренто». Огонь артиллерии противника был слаб, как и сопротивление, если не считать сопротивления на участке наступления 2/13-го батальона. В целом это была самая успешная атака в полосе наступления дивизии.

На левом фланге хайлендерская дивизия Уимберли столкнулась с большими трудностями. Конечная цель ее наступления имела по фронту ширину, в два раза превышавшую длину фронта исходного положения; на этом участке, кроме того, располагались самые мощные укрепления противника. Атака была направлена на сектор, который занимала северная бронетанковая дивизия противника, а сами они должны были обеспечить проход 1-й бронетанковой дивизии через свои боевые порядки. План операции был здесь намного сложнее, поэтому в него включили две промежуточные линии: «зеленую» между исходными позициями и «красной» линией и «черную» между «красной» и конечной «синей». Кроме того, каждой из известных основных оборонительных позиций противника было присвоено условное наименование какой-либо знаменитой шотландской местности, города или горы. В тот день до сведения каждого солдата был доведен специальный приказ Уимберли: «С гордостью находясь на высоком посту командира хайлендерской шотландской дивизии, я понимаю, что выражу все, что чувствует сегодня в своем сердце каждый шотландец, — Шотландия навсегда и превыше всех». Чтобы не оскорбить чувства многих англичан, сражавшихся в рядах хайлендерской дивизии, Уимберли тактично добавил: «Особо обращаюсь к упрямам в наших рядах — Англия навсегда!» У каждого солдата было его личное оружие и снаряжение, небольшой пакет со свитером, шотландская шапочка или подшлемник, две гранаты, 50 дополнительных патронов в нагрудном патронташе, паек на один день и полная фляга воды. Кроме того, на спинном ранце был нашит белый крест святого Андрея из грубого холста для того, чтобы идущие впереди служили

в темноте ориентиром для идущих сзади. Все солдаты имели киркомотыгу или саперную лопатку. Саперная лопатка крепилась к небольшому ранцу, на котором висели также четыре мешочка с песком. В ранце находилась подстилка, бритвенный прибор и неприкосновенный запас. Таким образом, каждый солдат был вооружен и экипирован для суточного боя, и даже если грунт оказывался слишком жестким, чтобы можно было надежно окопаться, мешки с песком могли послужить защитой от орудийного огня противника.

152-й бригаде Мюррея была поставлена задача удерживать фронт, разметить исходную линию, проделать в своих минных полях проходы и отметить их. 5-й сифортский полк сделал это за две предыдущих ночи, а 5-й камеронский проделал 11 проходов в своих передовых минных полях на западной оконечности. Справа находилась 153-я бригада Грэма, слева — 154-я бригада Холдсворта. В составе первой из них 5-й Королевский хайлендерский полк «Черная стража» должен был наступать до «красной» линии, откуда к конечной цели наступления — к «Абердину» — должен был пойти 1-й гордонский хайлендерский полк. 5/7-й батальон гордонцев должен был пройти весь путь от начала до конца, имея конечной целью захват «Страйчена».

154-я бригада, находившаяся на левом фланге, имела участок, составлявший $\frac{3}{4}$ всего фронта дивизии. Справа полк «Черная стража» и 7/10-й аргайлский и сазерлендский хайлендерский полки имели задачу выйти к сильно укрепленной вражеской позиции «Стерлинг». На левом фланге бригады атаковать в направлении «красной» линии должны были две роты 5-го камеронского полка, после чего через их боевые порядки должен был пройти 7-й полк «Черная стража», чтобы соединиться с но-

возеландцами у крайней северо-западной оконечности хребта Митейрия. Между ними и аргайлцами должен был наступать 50-й Королевский танковый полк, причем наступать так быстро, как позволит разминирование минных полей. Его задачей было взятие «Нэйрна» на «синей» линии.

Солдаты получили горячую пищу в семь часов вечера. Люди были рады немного размять ноги после каждодневного сидения в тесных окопах и траншеях. С большим подъемом и не без эмоций был воспринят приказ двигаться вперед к линии развертывания под прикрытием заградительного огня. Вскоре после 10 часов вечера по всей линии послышалось пение волынок. Вот как увидел начало наступления капитан 5-го сифортского полка Грант Мюррей, находившийся в охране на передовой:

«Стрелки моих наручных часов, казалось, застыли на месте, когда мы прислушивались и наблюдали. На нашем участке фронта было тихо, если не считать взрывов двух осветительных бомб и нескольких пулеметных очередей. Когда подошел час ноль, я оглянулся и осмотрел наши позиции. Внезапно весь горизонт позади нас озарился розовым светом. Секунду или две продолжалась тишина, которая затем сменилась неистовым грохотом орудий 8-й армии, от которого содрогнулась земля. Сквозь грохот можно было различить и другие звуки, вой снарядов, треск пулеметных очередей. Иногда звучали волюнки. Потом мы увидели зрелище, которое навсегда останется в памяти всех, кто его видел. Шеренга за шеренгой, в стальных касках, с винтовками «на плечо», от штыков отражается лунный свет, под заунывный звук волынок... солдаты оглядывались на нас и бодро поднимали вверх большой палец. Мы видели, как они двинулись по направлению к линии

противника, которую к этому времени заволокло дымом. В последний раз мы увидели, как они входят в эту пелену и между ними рвутся вражеские снаряды».

На правом фланге 153-й бригады Грэма 5-й полк «Черная стража» пересек исходную линию без десяти минут десять и под звуки волынок двинулся через первое минное поле, ведомый капитаном Истом. В одной из наступающих рот, задержанных проволочными заграждениями, в первых рядах оказался ротный парикмахер, вооруженный на этот раз кусачками. «Режь как следует, Джек, это тебе не волосы», — слышалось сквозь грохот огня. Вскоре после этого роты столкнулись с ожесточенным сопротивлением, и люди стали падать на песок. Среди убитых был и девятнадцатилетний волынец Дункан Макинтайр, который, умирая, продолжал играть. Прямая линия наступающих шеренг, хорошо видная в лунном свете, скоро превратилась в ломаную, пыль и дым усиливали расстройство, вызванное огнем неприятеля. Темп наступления снизился, вычисление расстояний стало неверным. Казалось, что 5-й полк «Черная стража» был ближе к «зеленой» линии, чем к «красной», когда он остановился, чтобы пропустить вперед 1-й гордонский полк.

Пока в этом полку спорили, действительно ли они находятся возле «красной» линии, в 300 ярдах перед ними начали рваться артиллерийские снаряды. Некоторые утверждали, что это наши пушки, ведущие огонь по «Кинтору», но артиллеристы клялись, что это стреляет противник. Полковник гордонского полка решил подождать, пока огонь утихнет, и дал приказ двигаться вперед в двенадцать минут первого, то есть с девятиминутной задержкой. Первая рота прошла сквозь завесу артиллерийского огня без больших

потерь, но дальше начало происходить нечто непонятное. Рота «А» понесла большие потери, пока добиралась до «Брэймара» в 1000 ярдах за «Кинтор» на «черной» линии. Позже к ним присоединилась рота «С», но никто из командования не знал достоверно, удалось ли какой-то из них по пути взять «Кинтор». Скорее всего, этого сделать не удалось. Две роты штурмовали «Брэймар» и взяли большую часть этого укрепления. К этому времени в ротах осталось всего 60 солдат и 3 офицера, к тому же была утрачена связь с командованием батальона, которая была восстановлена только к десяти часам утра следующего дня, когда в роту прибыл вестовой. Для взятия «Кинтора» была послана рота «D» вместе с ротой «А» 50-го Королевского танкового полка, после чего танки пошли на штурм «Абердина», но по дороге натолкнулись на минное поле.

1-му гордонскому полку тоже не особенно повезло, потому что при приближении к «красной» линии полк был остановлен сильным артиллерийским огнем противника. Пройдя 1000 ярдов под градом снарядов, они были остановлены пулеметным огнем с позиций «Страйчен» и «Кейт», прикрывавших обширное минное поле. Пытаясь обойти его, одна из рот наткнулась на другое минное поле, тоже прикрытое огнем, и была практически уничтожена. Другая рота не могла продолжать наступление и была вынуждена окопаться там, где находилась, то есть в половине мили от «черной» линии и в полутора милях от конечной цели атаки. Несмотря на узкий фронт наступления, бригаде Грэма по упомянутым причинам не удалось продвинуться к «красной» линии до рассвета, и главные оборонительные сооружения противника в этом секторе наступления остались практически нетронутыми.

На правом фланге бригады Хоулдсворта 1-й полк «Черная стража» быстро пошел вперед, держась очень близко к разрывам снарядов заградительного огня, от которого они даже понесли небольшие потери. Полк вовремя достиг «красной» линии, но после этого остановился, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением, которое удалось подавить только штыками и гранатами. Окончательно полк остановился скорее на «черной» линии, чем на «синей», и был вынужден там закрепиться. Рота на левом фланге продолжала движение к «Перту», который также располагался на «черной» линии, через поле противопехотных мин, прикрытое интенсивным пулеметным огнем. Прорвавшись к «Перту», эта рота потеряла связь со штабом батальона, в строю в ней остался только 1 офицер.

7/10-й аргайлский полк попал в такую же ситуацию. Все шло хорошо до «красной» линии, хотя по мере приближения к ней сопротивление и огонь противника постоянно нарастали. Когда полк подошел к линии и начал ее преодолевать, то очень скоро в двух передовых ротах осталось по 30 человек в каждой, одна была почти полностью выбита, а четвертая задержалась на минах вместе с ротой «С» 50-го Королевского танкового полка, который должен был вместе с пехотинцами брать «Стерлинг». Полковник Лорни Кэмпбелл принял решение окопаться на месте. Когда на место прибыли основные силы полка, они попали под интенсивный огонь со «Стерлинга» и о дневной атаке уже не могло быть речи.

На левом фланге бригады рот «В» и «С» 5-го камеронского полка без особых трудностей достигли «красной» линии. Когда 7-й полк «Черная стража» прошел через их позиции, то вначале встретил относительно слабое сопротивление, но затем артиллерийский огонь усилился, и шесть ведущих на-

ступление офицеров были ранены или убиты. Когда полк остановился на полчаса возле «черной» линии, командир полка понял, насколько тяжелы потери в наступающих ротах. Одна из них, в которой осталось меньше взвода личного состава, была придана роте «D» капитана Кэткарта, остальные окопались на «черной» линии. Кэткорт пробился через гребень хребта Митейрия и в четыре часа взял «Кирккалди», после чего у него осталось всего 50 человек, 1 офицер был убит, а остальные, включая его самого, ранены. Он соединился с новозеландцами на левом фланге, и его рота стала единственной из хайлендерской дивизии, до конца выполнившей задачу. Установить связь с 21-м новозеландским батальоном оказалось нелегким делом. Командиры взводов, которые должны были осуществить эту связь, встретились перед наступлением и договорились о пароле «Джок» и отзыве «Киви». Но оба взводных были убиты до подхода к намеченному пункту. Убит был и гонец от «Киви» по пути к «Джоку». Это увидел рядовой Смит из полка «Черная стража» и, будучи сам ранен в плечо, по собственной инициативе пробрался к убитому, взял донесение и вызвался доставить ответ. Сам Кэткорт и 2 его раненых офицера оставались в строю весь следующий день. В этом ночном сражении 7-й полк потерял 15 офицеров, из них 5 убитыми, и почти 200 солдат, из которых было убито 65.

На центральном участке самые тяжелые испытания выпали на долю 50-го Королевского танкового полка. Все началось с попытки очистить брешь «F», именно здесь трудности начали следовать одна за другой. «Скорпионам» не удалось развернуться, не было миноискателей и саперов, поэтому попытка очистить проход в минном поле длиной 350 ярдов с помощью самодельных щупов из штыков закончилась тяжелыми потерями. Танковой роте «С» было

приказано самостоятельно отыскать 7-й аргайлский полк, что рота и выполнила. Проход в минном поле был проделан в половине третьего, но при этом было обнаружено еще одно минное поле. Прошло не меньше часа, прежде чем танки смогли пройти через него и изготавиться к атаке на «Нэйрн». Они медленно пошли вперед и тут же наткнулись на огонь противотанковых орудий на правом фланге, который был открыт, вероятно, со «Стерлинга». После того как было подбито три танка, рота отошла к «черной» линии.

Хайлендерская дивизия сражалась с большим ожесточением и понесла значительные потери. При этом солдаты и офицеры проявляли большое личное мужество, множество таких подвигов было отмечено наградами, хотя другие не менее славные поступки остались неотмеченными. Несмотря на героизм и потери, наступление не увенчалось успехом, за исключением участка на крайнем левом фланге. В остальных местах оборона противника так и не была прорвана. Дивизия сумела самостоятельно проделать проходы в минных полях противника приблизительно к часу ночи, но задержки и трудности продвижения за «красную» линию, невозможность очистить от противника такие важные укрепленные пункты, как «Кинтор», «Стерлинг» и «Страйчен», задержали разминирование минных полей для 1-й бронетанковой дивизии и продвижение вперед ее танков. Пыль, дым, мины и неразбериха на поле боя очень мешали сами по себе, но ситуация усугубилась тем, что две дивизии разных корпусов пытались сделать проходы для своих боевых машин на одном, ограниченном участке минного поля, который был под огнем противника, что породило хаос, в котором никто не мог разобраться, где он находится, не говоря о том, чтобы выяснить, где свои, а где противник.

Перед Фрейбергом была поставлена задача, аналогичная задаче Уимберли. Фронт нужно было увеличить с 1,5 до 3 миль в конце операции. Но у Фрейберга было только две пехотных бригады. Он выбрал способ действий, отличный от Уимберли, обратив особое внимание на необходимость максимальной концентрации сил и нанесение самого мощного удара в конечной стадии операции. 5-я бригада Киппенбергера на правом фланге и 6-я бригада Джентри на левом фланге получили приказ атаковать «красную» линию силами только одного батальона каждая. После выполнения этой задачи через занятые позиции должны были пройти еще два батальона каждой бригады, которые по пути к конечной цели — хребту Митейрия — должны были остановиться на пятнадцать минут. За наступающими бригадами должен был следовать 28-й батальон маори с двумя приданными ротами для уничтожения оставленных в тылу наших войск очагов сопротивления противника. Главной задачей 8-й бронетанковой бригады Карри и дивизионной кавалерии было пройти сквозь боевые порядки пехоты у конечных целей наступления и занять позиции по фронту перед ними, чтобы отражать контратаки и развивать успех в южном направлении. Во время ночной атаки Королевский уилтширский йоменский полк с 14 «грантами», 10 «шерманами» и 13 «крусейдерами» должен был поддержать 5-ю бригаду, а уорвикширский йоменский полк с 5 «шерманами» и 4 «крусейдерами» — 6-ю бригаду. 3-й гусарский полк имел 9 «грантов», 12 «шерманов» и 16 «крусейдеров». Возможность использования танков зависела от скорости расчистки проходов в минных полях саперами на фронте наступления каждой бригады.

Дивизионная артиллерия, усиленная 6 батареями 10-го корпуса, сосредоточила огонь на выявлен-

ных пунктах обороны противника, а один полк обеспечивал весьма слабый заградительный огонь больше для того, чтобы задать направление наступающей пехоте. 23-й батальон 5-й бригады встретил на участке своего наступления сильный минометный и артиллерийский огонь противника на подступах к передовым минным полям, но сумел пройти их с небольшими потерями в течение получаса. Оставив позади «красную» линию, батальон встретил ожесточенное сопротивление и понес большие потери, прежде чем отошел назад к «красной» линии. Однако батальону помогли подоспевшие сзади матори. Всего 23-й батальон потерял 129 человек и не успел занять намеченные позиции, когда туда вышел 21-й батальон, который начал наступление второй фазы операции без пяти минут час силами трех рот. Без четверти три они вышли в условленный район, понеся потери от минометного и артиллерийского огня. Там они окопались на склонах хребта и нашли контакт с 7-м полком «Черная стража» справа и с резервной ротой, высланной для борьбы с орудиями противника. Трудности с разминированием и расчисткой проходов в минных полях задержали доставку противотанковых орудий, пулеметов и минометов.

Левифланговый 22-й батальон бригады столкнулся с еще большими трудностями. Укрепленный пункт противника, который доставил столько хлопот 23-му батальону, когда тот продвигался к своим целям, задержал на некоторое время и 22-й батальон, но потом был атакован с фланга и очищен от неприятеля. При дальнейшем продвижении батальон также встретил сопротивление, но вскоре после половины третьего все три наступающие роты были у своих целей, хотя и подвергались жестокому минометному обстрелу. Вперед были высланы патрули, которые верну-

лись с 60 пленными. Противник понес потери в 250 человек, батальон потерял только 110.

К половине пятого Киппенбергер укрепился к западу от хребта Митейрия. Там тоже произошла задержка с расчисткой путей продвижения; работы на первом минном поле не начинались до половины первого ночи. К половине второго сообщили о готовности северного прохода, после чего в прорыв пошли «Скорпионы». Инженерные подразделения занялись вторым минным полем за пять минут до четырех часов ночи и освободили путь только к половине шестого утра. К этому времени на вершине хребта Митейрия было обнаружено еще одно минное поле. Маори помогли разминировать его до того, как в половине седьмого были отведены в тыл. Таким образом, только после рассвета был освобожден путь к хребту Митейрия.

24-й батальон возглавил атаку Джентри на левом фланге силами трех рот. Вскоре на них обрушился пулеметный огонь слева — оттуда, где наступали южноафриканцы. В результате роты отклонились вправо и попали под еще более интенсивный огонь, когда достигли края первого минного поля. Одна рота отошла влево, чтобы подавить огневые точки противника, а остальные продолжили движение. В батальоне было 10 убитых и 77 раненых к тому моменту, когда он достиг «красной» линии.

26-й батальон, следовавший за наступающими на правом фланге, несколько задержался, а потом попал под артиллерийский обстрел; при этом никто не мог сказать, стреляют ли это наши орудия или неприятельские. Слева на них обрушился сильный пулеметный огонь, но к утру батальону удалось укрепиться на переднем склоне хребта Митейрия без артиллерийской поддержки, но зато во взаимодействии с 22-м батальоном справа и 25-м батальоном слева.

25-й батальон встретил сильное сопротивление, и к утру его роты были на значительном расстоянии от хребта, сдерживаемые укрепленными огневыми точками противника на флангах. Соседом справа был 26-й батальон, а 24-й батальон был отделен брешью шириной 40 ярдов. Слева не было никаких признаков присутствия южноафриканцев. Огневая поддержка прибыла только на рассвете и была немедленно развернута на восток от хребта. Две маорийские роты, защищавшие тыл 6-й бригады, не сумели отыскать передовые батальоны, но бодро пошли вперед по собственной инициативе, пока не достигли хребта, где заняли позиции на флангах 25-го батальона; одна из рот, занявшая позицию на левом фланге, по пути атаковала и захватила вражескую огневую точку.

Танки Карри медленно подвигались вперед в густой пыли, и только в три часа они начали движение через первое минное поле. Справа уилтширские йомены достигли гребня хребта на рассвете, но роты их тяжелых танков наткнулись на минное поле, потеряв 9 машин. Оставшиеся 35 танков продолжили движение, столкнувшись с 30—40 танками противника, после чего они отошли и дозaprавились. Их сосед слева, уорвикширский йоменский полк, достиг восточного склона хребта к четырем часам. Пытаясь продвигнуться дальше, передовая рота потеряла 6 танков на минах, а остальные машины перед рассветом заняли позиции на правом фланге 25-го батальона и в ближнем тылу 26-го батальона. 3-й гусарский полк, находившийся в резерве в тылах 24-го батальона, был подвергнут массированному артиллерийскому обстрелу в половине седьмого утра. Полк рассредоточился и позже выдвинулся на хребет справа от уорвикширского полка в тылу 22-го батальона.

Таким образом, к рассвету новозеландская дивизия выполнила свою задачу, перевалив за хребет, за исключением левого фланга, где ее войска вышли на хребет и укрепились на нем. Задержка с расчисткой минных полей означала, что большинство передовых рот не получили огневой поддержки, в которой они нуждались для отражения атак противника. Обнаружение неразведанных минных полей и сопротивление врага помешали танкам Карри продвинуться вперед. Оставался свободный от мин проход в боевых порядках сектора Киппенбергера. Но не было признаков того, что Гейтхауз сумел прорваться, поэтому не ставился вопрос о развитии успеха.

Задача, поставленная перед Пиенааром, и способ ее выполнения были очень похожи на ситуацию у Фрейберга. 2-я бригада на правом фланге и 3-я бригада на левом фланге использовали на первом этапе наступления по одному батальону для выдвигания на «красную» линию. Через час с четвертью два следующих батальона должны были пройти через боевые порядки первых батальонов и выйти за хребет к своим конечным целям. 1-я бригада использовала подразделения бронетомобилей, пулеметы и противотанковые орудия для защиты своего левого фланга, а мобильный резерв 8-го Королевского танкового полка и 2-го полка Бота для наступления в центре. Эти силы должны были овладеть намеченными целями и затем развить успех, двигаясь на юг. Дивизионной артиллерии, усиленной тремя полевыми батареями 10-го корпуса и батареей орудий среднего калибра, была поставлена задача в определенное время сосредоточить огонь на заданных целях, создать дымовую завесу на подступах к ко-

нечным целям для прикрытия перестроения войск и указания верного направления наступления.

1-й полк натальских горных стрелков захватил рубеж «красной» линии в секторе наступления 2-й бригады без особых трудностей. Кейптаунские хайлендеры, которые должны были наступать справа, с самого начала приняли бой и понесли тяжелые потери, включая командиров двух передовых рот. Это привело к тому, что артиллерийская подготовка второго этапа наступления несколько раз откладывалась, пока предпринимались попытки подавить сопротивление противника и навести порядок в собственных рядах. Артиллерийская подготовка началась в пять минут третьего, но наступление пехоты возобновилось только в половине пятого. Серьезное сопротивление противника было подавлено, и на рассвете наступающим удалось закрепиться на хребте Митейрия. На левом фланге 1-й и 2-й полковые батальоны столкнулись с трудностями, наткнувшись на неожиданно обнаруженное минное поле. После тяжелого беспорядочного боя они остановились на восточном склоне хребта, не дойдя мили до заданного рубежа, потеряв убитыми 42 солдата, ранеными 8 офицеров и 133 солдата, захватив в плен 36 немцев.

1-й рандский легкий пехотный полк, шедший впереди 3-й бригады, натолкнулся на сильное укрепление противника спустя всего четверть часа после выдвижения с линии развертывания. С помощью «бангалорской торпеды» они захватили этот пункт обороны, взяли некоторое количество пленных из состава немецкой 164-й дивизии и вышли к «красной» линии, которой достигли без десяти минут двенадцать. На правом фланге у этого полка возникли трудности, вызванные задержкой продвижения бригады, что привело к тяжелым потерям: 100 человек, включая 10 офицеров.

Задержка с артиллерийским сопровождением второго этапа наступления сыграла на руку имперскому легкому конному батальону на левом фланге, поскольку он не успел выйти на заданные рубежи в отведенный срок. После артподготовки ни конный батальон, ни Королевский легкий дурбанский пехотный батальон не испытывали трудностей в наступлении, хотя на правом фланге конного батальона возникли некоторые проблемы. Оба батальона достигли заданных рубежей к пяти часам. Легкий пехотный батальон потерял при этом 50 человек, а легкий конный — только 9.

Группа дивизионного резерва провела неприятную ночь в связи с задержкой в расчистке проходов в минных полях. Только с наступлением дня она достигла восточного склона хребта Митейрия, остановившись в тылу Королевского дурбанского батальона легкой пехоты. Трансваальский шотландский батальон и пулеметчики полка «Президент Стейн» вышли на левый фланг дивизии без трудностей, не понеся никаких потерь.

Таким образом, к рассвету дивизия, потеряв около 350 человек, вышла практически на заданные рубежи, кроме правого фланга, но не смогла по плану развить успех в южном направлении. Дальше к югу 4-я индийская дивизия успешно выполнила порученные ей рейды и отвлекающие операции.

Если личный состав и командование 30-го корпуса могли испытывать удовлетворение от выполнения своей части операции, то нельзя сказать то же самое о 10-м корпусе, на долю которого выпала тяжелая ночь. Танковые силы этого корпуса вечером 23 октября насчитывали 434 машины: 161 во 2-й бронетанковой бригаде Фишера (1 «грант», 92 «шермана» и 68 «крусейдеров»), 133 в 8-й бригаде Кастенса (2 «гранта», 93 «шер-

мана» и 45 «крусейдеров») и 140 в 24-й бригаде Кенчингтона (57 «грантов», 31 «шерман» и 45 «крусейдеров»). 1-я бронетанковая дивизия Бриггса должна была пройти на стыке между австралийской и хайлендерской дивизиями, а 10-я дивизия Гейтхауза должна была проделать то же на фронте новозеландской дивизии. На командование 30-го корпуса не была возложена задача расчистки проходов в минных полях противника, поэтому каждая танковая дивизия 10-го корпуса делала это собственными силами, сформировав саперные подразделения. Эти саперные подразделения должны были расчистить по меньшей мере три прохода для своих дивизий во всех минных полях противника, отметить их хорошо видимыми вешками, как и проходы в собственных минных полях, а также поддерживать взаимодействие с пехотными дивизиями, наступающими на соответствующих участках фронта. Для выполнения этой задачи были сформированы силы, состоявшие из моторизованного батальона, трех инженерных полевых рот и трех рот танков «крусейдер». Этим силам были приданы подразделения связи и военной полиции. В 1-й бронетанковой дивизии эти силы находились под началом командира моторизованного батальона, а в 10-й дивизии эта должность была возложена на офицера Королевского инженерного корпуса. Дивизии должны были покинуть пункты своего сосредоточения у станции Эль-Имайид после наступления темноты, их передовые машины должны были в половине первого ночи достигнуть тракта, идущего к югу от Эль-Аламейна и прозванного солдатами Козлиной тропой. Оттуда они должны были выступить, развернувшись в боевой порядок и дозаправившись, в два часа ночи, если от Монтгомери не поступит другого приказа.

Каждая дивизия должна была наступать по трем трактам, находившимся на расстоянии 500 ярдов друг от друга. Первая дивизия направлялась на «Солнце», «Луну» и «Звезду»; 10-я дивизия двигалась на «Бутылку», «Лодку» и «Шляпу».

Командование надеялось, что передовые танки бригад Фишера и Кастенса к рассвету оторвутся от основных сил 30-го корпуса и его конечных рубежей и вырвутся на оперативный простор. Как только они выдвинутся к первому рубежу, называемому «Пирсон» (около 3 миль к западу), Кенчингтон выйдет на левый фланг Кастенса и танки всего корпуса смогут занять выгодную для отражения атаки противника позицию. На следующем этапе, не раньше рассвета, Фишер справа и Кенчингтон слева продвинулись вперед еще на 1 милю, и в это время стрелки Босвайла прикроют танкистам северный фланг, а моторизованная пехота Лиса — южный фланг. На заключительной стадии, уже при свете дня, Фишер продвинется к юго-западу еще на 2 мили, а Кастенс выйдет на позиции к югу от него, совершив переход в 4 мили на запад. В то же самое время броневые автомобили должны продвинуться в северо-западном направлении на 10 миль, чтобы постараться остановить 15-ю немецкую танковую дивизию, а также к югу в направлении Дейр-эль-Шейн, чтобы предупредить продвижение к северу южной бронетанковой группы.

На всех путях своего движения корпус к двум часам ночи имел подавляющее превосходство над силами противника. Однако ни у кого не было иллюзий; ситуация могла в любой момент измениться. Все понимали, что бригады должны развернуться в боевые порядки и выбрать место для последнего прорыва в соответствии с обстановкой. Была надежда, что по крайней мере одной бригаде удастся обой-

ти танки противника с фланга, а третья бригада (скорее всего, бригада Фишера) ударит противнику в лоб. Ожидалось, что таким способом удастся разбить северную группировку до того момента, когда к ней успеет присоединиться южная группировка войск противника. Вот заключительное предостережение генерала Ламсдена: «Ни в коем случае слепо не бросаться на противотанковые орудия противника или пытаться пройти сквозь бутылочные горлышки, прикрытые танками. В таких случаях надо на месте разработать координационный план и ввести в дело артиллерию и пулеметы для подавления противотанковых орудий».

Инженерные подразделения Бриггса приступили к разминированию с задержкой, что было обусловлено данным в последнюю минуту приказом новозеландцам использовать тракт «Звезда» с семи часов вечера до трех часов ночи, но на других трех трактах работы по разминированию и проделыванию проходов начались в двадцать минут первого. Инженерные подразделения сразу столкнулись со значительными трудностями. На тракте «Солнце» мин было немного, и проход шириной 16 ярдов был проделан уже к часу ночи. После этого были обнаружены многочисленные, установленные группами мины, но проход и через это поле был проделан быстро; все было готово к двум часам. Три часа спустя проход был проделан и в третьем минном поле и обеспечен широкий доступ к линии, на которую уже вышла пехота.

Группам на других направлениях повезло меньше, и они достигли более скромных успехов. На тракте «Луна» поиск мин велся с помощью щупов, так как миноискатели не работали, и поэтому проход шириной 16 ярдов был готов толь-

ко в десять минут пятого. Быстрому проведению работ мешала огневая точка противника «Кинтор», которую 1-й гордонский полк не сумел нейтрализовать до девяти часов утра. Во втором минном поле работы также были завершены, но не было никакой возможности приступить к работам на третьем поле. На тракте «Звезда» разминирование проходило очень медленно. Проход в первом минном поле был сделан только к двум часам, а к половине пятого во втором минном поле был сделан проход шириной всего в 8 ярдов. Но даже этот проход не мог быть использован, поскольку минное поле прикрывала огневая точка противника «Страйчен», которую так и не смог подавить 5/7-й гордонский полк.

Несмотря на отсутствие проходов, танки Фишера медленно двигались вперед, как и предусматривалось планом: группа Бэйса по тракту «Солнце» справа, 9-я уланская группа и штаб бригады по тракту «Луна» в центре и 10-я гусарская группа по тракту «Звезда»; при этом головные подразделения колонн достигли первых минных полей противника вскоре после четырех часов. На рассеянных минах подорвались 3 «шермана», разгорелись споры о том, куда вышли подразделения. К этому времени вся местность была окутана пылью, повсюду стояли скопления машин и было очень трудно разглядеть маркировку проходов в минных полях. Достаточно было одной или двум машинам сбиться с пути, как исчезали все знаки разметки и шедшие сзади приходили в полную растерянность. Страсти накалялись, как моторы, пока танки и другая техника черепашью шагом продвигались среди клубившихся облаков пыли.

В пять часов Бэйс доложил, что его часть подошла к тминному полю, но спустя час, когда начало светать, он был вынужден остановиться за

спиной пехоты. Было уже совсем светло, когда Бэйс доложил, что его машины прошли последнее вражеское минное поле, встретились с противотанковыми батареями противника и обе роты тяжелых танков развернулись в боевой порядок. В действительности они находились в этот момент к западу от первого минного поля, не дойдя до «красной» линии 3 или 4 мили. Командир полагал, что его часть уже вышла к этому рубежу. Командование не сразу выяснило истину, и в течение нескольких следующих дней точное положение полка оставалось яблоком раздора.

9-я уланская группа была вынуждена остановиться у тракта «Луна» из-за того, что не были вовремя расчищены проходы. Группа начала продвижение по минному полю только на рассвете и развернулась в боевые порядки по обе его стороны в то время, как ее моторизованная рота и рота «В» йоркширских драгун пошли вперед, чтобы подавить огневую точку «Кинтор». На тракте «Звезда» 10-й гусарский полк оказался в таком же положении, не имея возможности использовать узкий проход во втором минном поле из-за огня с укрепленного пункта «Страйчен», а на рассвете полк развернулся в боевой порядок на местности, густо усеянной минами. Хотя артиллерия противника практически бездействовала и потери бригады были невелики, с наступлением дня она все еще находилась восточнее минного поля противника.

План разминирования, разработанный Гейтхаузом, основывался на допущении того, что проходы надо будет проделать только в двух минных полях. На тракте «Бутылка» первое поле было очищено к двум часам, а в половине пятого был проложен путь к хребту Митейрия. На тракте

«Чернила» произошла задержка из-за сильного сопротивления противника, но к четверти шестого проход был готов и здесь, к этому времени «Лодка» была уже пройдена, несмотря на сходные трудности. Труднее всего пришлось саперам на тракте «Шляпа», так как здесь сопротивление противника было наиболее яростным, а мин оказалось больше, чем ожидали. Но инженерным войскам повезло: они нашли проход в минном поле, который был подготовлен противником для прохода его войск через второе поле. Таким образом, к рассвету были готовы четыре прохода к хребту Митейрия, но на западном крыле воспользовались только трактом «Лодка».

Имея в своем распоряжении только две бронетанковые бригады, Гейтхауз должен был совершить более сложный маневр, чем Бриггс. Бригаду Кастенса вели стаффордширская йоменская группа по тракту «Бутылка» справа, ноттингемширская йоменская группа на тракте «Лодка» в центре и группа 3-го Королевского танкового полка по тракту «Шляпа» слева. За бригадой следовали бронев автомобили Королевского полка. В центре следовал штаб дивизии, затем бригада Кенчингтона с группой 41-го Королевского танкового полка по тракту «Бутылка», 47-й полк — по тракту «Лодка» и 45-й полк — по тракту «Шляпа». Наконец, в арьергарде следовала бригада Лиса с тремя батальонами Королевского суссексского полка; 1-й батальон справа, 4-й батальон в центре и 2-й батальон слева.

Стаффордширская группа успешно продвинулась по тракту «Бутылка» и в половине шестого приблизилась к гребню хребта Митейрия, но здесь наткнулась на минное поле противника, которое не смогла с ходу преодолеть из-за огня противотанковой артиллерии, прикрывавшего минное

поле и мешавшего разминированию. Стаффордширцы окопались на противоположном склоне хребта, оказавшись на левом фланге своих старых товарищей по оружию из 1-й кавалерийской дивизии и уорвикширского йоменского полка бригады Карри.

Когда шервудские рейнджеры по тракту «Лодка» пересекли хребет, пройдя второе минное поле вскоре после пяти часов, шедшая впереди них рота «крусейдеров» попала под интенсивный огонь противотанковых пушек с близкой дистанции. Роты тяжелых танков рассредоточились вправо и влево и поставили дымовую завесу, чтобы скрыть направление своего отхода. Обе роты и батарея «В» 1-го Королевского конного артиллерийского полка, которая следовала за ними, отступили за гребень хребта, когда стало светло, но группа потеряла 8 «крусейдеров» и столько же «грантов».

3-й Королевский танковый полк сильно задержался в продвижении из-за трудностей с разминированием проходов на тракте «Шляпа». Саперы не приступали к разминированию первого минного поля до половины пятого утра и на рассвете все еще продолжали трудолюбиво, как муравьи, проделывать проходы. Им было приказано рассредоточиться, и они заняли позиции на хребте, слева от шервудских рейнджеров. Как и следовало ожидать, Королевскому полку не удалось добиться успеха на флангах, он потерял одну машину на mine на правом фланге, и две машины были подбиты огнем из 88-мм орудий на левом фланге. Штаб дивизии остановился в том месте, где Козлиная тропа пересекает тракт «Бутылка» в 3 милях к юго-западу от станции Эль-Аламейн. Бригада Лиса рассредоточилась в этом же районе.

Бригада Кенчингтона и Королевский танковый полк не нашли себе подходящего места на бывшей

ничейной земле, уже забитой артиллерией и машинами новозеландской и южноафриканской дивизий, не говоря об арьергарде 8-й бронетанковой бригады. Остаться там было довольно опасно, так как мины были установлены не только на минных полях, а местность изобиловала траншеями и окопами. Скопление техники удручало, растерянность и путаница сильно мешали. Это место было похоже на плохо организованный автопарк в месте интенсивного движения в огромном пыльном мешке.

На юге 7-я бронетанковая дивизия Хардинга (единственное соединение из состава 13-го корпуса, привлеченное к активным боевым действиям) испытывала те же трудности, которые выпали на долю 10-го и 30-го корпусов. Единственным преимуществом было то, что вся операция с целью пробиться через оборонительные линии противника к северу от Химеймата была возложена на эту дивизию, поэтому не возникало вопросов разделения командования и ответственности, которые так мешали на севере.

Планом Хоррокса предусматривались три этапа операции. На первом этапе Хардинг, поддержанный артиллерией Хьюза и дополнительным корпусным полком, должен был преодолеть минные поля «Январь» и «Февраль» между Химейматом и Мунассибом, а 1-я бригада «Свободной Франции» генерала Кенига, переданная под командование Хардинга, должна была захватить местность к западу от Химеймата. После этого в задачу Хьюза входила защита проделанной бреши к западу от проходов в минных полях. На втором этапе операции Хардингу предстояло подавить сопротивление противника в районе до

Гебель-Калаха и плато Така на западном направлении, в то время как 50-я дивизия должна была выпрямить фронт между своими позициями и позициями 44-й дивизии. И наконец, корпус должен быть готов к прорыву обороны противника и выходу западнее Карет-эль-Абда и Гебель-Калаха.

Кроме артиллерийской поддержки, 44-я дивизия должна была выделить для начального этапа операции 1/7-й батальон из состава 131-й бригады, чтобы укрепиться между полями «Январь» и «Февраль» и прикрыть правый фланг Робертса. К сожалению, дела здесь с самого начала пошли неудачно, батальон понес тяжелые потери, был убит командир полка, возглавивший отход батальона на исходные позиции. Адъютант командира вывел батальон к востоку от поля «Январь», а саперы по собственной инициативе проделали в минном поле проход к западу от расположения батальона.

7-я бронетанковая дивизия совершила длинный 10-мильный марш по четырем параллельным маршрутам через три собственных минных поля и дошла до исходной линии наступления к востоку от поля «Январь». Дивизионные силы разминирования были сформированы из 44-го разведывательного полка дивизии, которому были приданы транспортные взводы дивизии, а также полевая рота Королевских инженерных войск. Эти силы поддерживались шестью «скорпионами», ротой «А» «Серых», противотанковой батареей и двумя ротами 1/60-го полка. В задачу сил разминирования входили расчистка и разметка на местности четырех проходов в минных полях «Январь» и «Февраль».

22-я бронетанковая бригада выступила без четверти семь с минного поля «Май», и все шло хорошо при ярком свете луны, несмотря на встречав-

шиеся по пути участки сыпучего песка. Робертс остановил колонну в восемь часов на тридцать пять минут, так как войска шли с опережением графика движения, и командир не хотел прибыть раньше времени и зависнуть на линии развертывания. К сожалению, когда колонна продолжила движение, многие лампы, отмечавшие проходы, погасли и произошла досадная задержка, в результате которой подразделения разминирования оказались на исходной линии развертывания с опозданием на двадцать пять минут. Это обстоятельство и артиллерийский обстрел заставили спешно выполнить перестроение, но выдвижение к полю «Январь» задержалось на десять минут.

Первый проход на севере был готов в половине пятого, но на его выходе оказалась огневая точка противника. Во втором проходе танки «скорпион» были выведены из строя минами и огнем противотанковой артиллерии, и проход был закончен вручную без двадцати два. Рота, ответственная за проходы под номерами 3 и 4, обнаружила мины в песчаном грунте уже после пересечения исходной линии наступления. Саперы подумали, что это восточный край минного поля «Январь», но это оказалось не так, и они пустили туда «скорпионы». Танки с бойковым тралом поминутно ломались из-за жары, противник обстреливал саперов из всех видов оружия, продвижение было медленным, потери личного состава были очень велики к моменту, когда удалось пройти только до восточного края поля «Январь». Однако к этому моменту героическими усилиями экипажей удалось привести в рабочее состояние все «скорпионы», которые снова принялись за работу. Проход номер 3 был проделан в четверть третьего, хотя его нельзя было использовать для прохода колесного транспорта из-за сыпучего песка, а на западном конце прохода вышел из строя

один из «скорпионов». «Скорпион» в проходе номер 4 был подбит, пройдя $\frac{3}{4}$ пути, но расчистка прохода была завершена вручную уже в половине первого ночи.

Первыми подразделениями, прошедшими по проходам в минном поле «Январь», стали рота «А» 1-й стрелковой бригады, прошедшая по двум северным проходам, и рота «В», прошедшая по южным проходам: ей пришлось столкнуться с большими трудностями из-за сыпучего песка и огня противника с юга. Огонь несколько ослаб после того, как рота «А» повернула на помощь к югу. За ней последовала танковая рота «Серых». Робертс послал 5-й Королевский танковый полк по двум северным проходам, чтобы он вышел на правый фланг «Серых», и полк прошел минное поле спустя час. Однако на южных проходах на восточной оконечности минного поля «Январь» задержался 1-й Королевский танковый полк, ожидавший подхода стрелковой бригады.

«Вскоре после того, как был открыт заградительный артиллерийский огонь, — писал лейтенант Питер Люк из стрелковой бригады, — мой грузовик застрял в сыпучем песке на входе в проход минного поля, отрезав тех, кто уже вошел в проход, и блокировав путь следовавшим за нами основным бронетанковым силам. Транспорт с первыми ранеными (одному парню оторвало ногу на уровне бедра, а другой лежал на животе с разорванной спиной) также пытался выбраться из узкого прохода, только в противоположную сторону. Если бы физические силы были равны нашему старанию, то мы на руках перенесли бы грузовик на несколько ярдов в сторону на твердый грунт, но, хотя отчаяние придало нам нечеловеческую силу, мы ничего не могли поделать из-за тяжелого груза — пулеметов и пулеметных патронов,

которые мы везли на передовую. Мы уже начали разгружать машину, когда одна из наших пушек, участвовавшая в заградительном огне, начала класть снаряды слишком близко от нас. В течение следующей четверти часа это орудие с регулярным интервалом «роняло» свои 25-фунтовые снаряды в непосредственной близости от нас.

К месту развертывания мы вышли с большим воодушевлением. Я был охвачен небывалым энтузиазмом, который сумел, как мне верится, передать своим подчиненным. Когда был открыт сильный заградительный огонь, сержант Джеффорд сказал: «Держу пари, что сейчас у Старого Джерри рябит в глазах!» — и мы все расхохотались. Но когда злополучный артиллерист за нашей спиной начал стрелять почти в нас, люди сохранили веселость, хотя и несколько истеричную, отпуская шутки такого рода: «Я пожалуюсь на него его мамочке!» — и другие в таком же духе.

Когда мы уже выгрузили все боеприпасы и пулеметы на землю, один из снарядов упал в 10 ярдах от нас. Так как он попал в сыпучий песок, все осколки ушли вверх, но взрыв подействовал на нас отрезвляюще, ведь мы еще даже не приняли участия в сражении.

В этот момент один из ротных командиров, Хью, который ушел в проход с одним из своих взводов, вернулся пешком из прохода. «Что, ради всего святого, вы здесь делаете? — спросил он, по вполне понятным причинам нарушая субординацию, не позволяющую офицерам выяснять свои отношения перед подчиненными. — Вы задерживаете целую бронетанковую дивизию».

Несмотря на ночной холод, я почувствовал, что у меня на лице выступил пот, который скрыл слезы отчаяния, покотившиеся из моих глаз. Мне было трудно дышать после тяжелой работы, по-

этому мне удалось скрыть дрожь в голосе, когда я сказал: «Прости, Хью, но я не мог объехать этот сыпучий песок. Для объезда не было места». В ответ прозвучало: «Какое мне до этого дело? Вытаскивай свой проклятый грузовик и поезжай туда, где ты нужен».

Он говорил таким тоном, словно думал, что я намеренно посадил грузовик в песок, чтобы не идти на передовую. На самом деле в тот момент (это никогда не повторялось потом) я бы с радостью в одиночку бросился на гренадерский танковый полк немцев. Мне показалось, что «скорпион» был подбит из противотанкового орудия и что мои «виккерсы» могли бы вывести эту проклятую пушку из строя. Бросив грузовик, я побежал по сыпучему песку и по узкой дорожке, которую проделал в нем «скорпион». Я бежал до тех пор, пока не задышал как скаковая лошадь на финише. Эти несколько секунд порыва, естественно, не могли оказать ни малейшего влияния на исход сражения, но меня задело за живое то, что Хью подозревал меня в трусости.

Хью стоял рядом с черным внушительным монументом мертвого «скорпиона», моя машина с пулеметами была позади него. Впереди маячили пешие взводы и несколько саперов; за ними был враг, окопавшийся и невидимый. Враг обнаруживал себя только очередями трассирующих пуль, которые с неправдоподобно малой скоростью вылетали откуда-то из-под земли и медленно разворачивались в воздухе, как свитки японской акварели.

Хью указал рукой на вспышку следующего выстрела противотанкового орудия, и почти в тот же самый момент что-то, похожее на пущенный с невероятной силой мяч, ударилось о землю возле танка и отскочило в воздух пылающей спиралью. Он прокричал: «Уничтожь эту проклятую

пушку, пока она не попала в «скорпион» и не устроила иллюминацию на весь проход!» — «Хорошо, Хью», — ответил я.

Уверенность вернулась ко мне, я знал, что могу сейчас сделать что-то полезное. Вспрыгнув на подножку машины рядом с Хэлси, водителем, я приказал ему отъехать влево, на сотню ярдов от подбитого «скорпиона». Хью, умерив свою безапелляционность, пробормотал, что пулемет лучше протащить на руках, так как вокруг полно мин. Но я, приняв в расчет сильный оружейный огонь, махнул Хью рукой, дав ему понять, что мне ясна двусмысленность нашего положения. Мы поехали вперед, не видя перед собой ничего, кроме луны и вспышек неприятельских выстрелов, которые ободряли меня, так как давали возможность расквитаться за пережитое унижение.

Потом я почувствовал сильное сотрясение, и одновременно мне показалось, что я укусил плотную пыль. Меня так тряхнуло, что на какое-то время я потерял способность дышать. В этот момент я осознал, что мы наскочили на мину...»

К этому времени силы разминирования сильно уменьшились из-за потерь; их полковник Корбетт Уайндер доложил Робертсу, что у него остались люди только на разминирование двух проходов в поле «Февраль». На такое решение было дано согласие, и час игрек начала наступления на поле «Февраль» был назначен на половину шестого. На правом фланге минерам не удалось дойти до поля; на левом фланге задача была выполнена, но по ее завершении саперы попали под сильный неприятельский огонь. Когда занялся рассвет и стала ясна невозможность проделать проходы в минных полях днем, саперы были отведены в тыл. Один «скорпион» был подбит и брошен на минном поле на виду у противника.

Когда наступил день, выяснилось, что силы бригады скопились по обе стороны минного поля «Январь». Это была очень неудобная и опасная позиция, так как войска находились на виду у противника и под прицелом его орудий. Это касалось бригады «Свободной Франции», которая была отведена с позиций, занятых ею к западу от Химеймата. Их атака была выполнена группой «А», составленной из 1-го и 2-го батальонов Иностранного легиона под командованием полковника Амилаквари. После долгого и трудного марша по сыпучим пескам два батальона вышли на линию развертывания в боевой порядок на неприятельском минном поле к юго-западу от Химеймата в половине второго. Атака, которая началась часом позже в направлении северо-востока, была поддержана их собственной артиллерией и постановкой дымовой завесы, выполненной Королевскими военно-воздушными силами. Первый батальон на правом фланге встретил сильное сопротивление противника. Незадолго до рассвета Амилаквари приказал перейти в атаку 2-му батальону на левом фланге, и через полчаса они вышли к северному рубежу укрепления. К этому времени уже стало светло и не удалось подтянуть к батальонам противотанковую артиллерию. В половине восьмого батальоны были атакованы захваченными немецкой группой «Киль» танками «стюарт», которые сумели уйти от «крусейдеров» бригады «Свободной Франции». 2-й батальон был вынужден отойти; при этом обнажился тыл 1-го батальона, которому пришлось тоже отступить. Кениг дал Амилаквари разрешение отойти на 3 мили к юго-востоку. Но пешее отступление при дневном свете по голым склонам привело к большим людским потерям. Сам Амилаквари был убит, кроме того, батальоны потеряли весь свой автомобиль-

ный транспорт. Смерть воодушевлявшего солдат и любимого ими командира нанесла непоправимый удар по боевому духу Иностранного легиона, что поставило под удар всю операцию.

Без четверти восемь Хоррокс доложил де Гингану, что хочет обсудить с Хардингом: стоит ли проделывать дыру в «Феврале»? Если нет, то генерал предлагал «просочиться» между «Январем» и «Февралем».

Глава 8

ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО

24–25 октября

Долгое время Штумме и его начальник штаба Вестфаль знали только одно: артиллерийский обстрел неслыханной со времен Первой мировой войны интенсивности, начатый почти по всей длине линии фронта, уничтожил всю сеть армейской связи, в результате чего никто в штабе не знал, что происходит в войсках. Штумме, беспокоясь за положение с боеприпасами, не разрешил проведение ответных действий. В штабе утверждали (это мнение поддержал Роммель), что большая ошибка — не обстрелять британцев на их пунктах сосредоточения. Когда немецкая артиллерия с большой задержкой открыла огонь, его эффект был снижен из-за того, что британцы сумели укрепиться на захваченных у немцев рубежах обороны. Но такая точка зрения далека от истины. Бездействие немецкой артиллерии на первых этапах сражения можно объяснить чем угодно, в том числе успешным огнем британских орудий. Силы стран Оси были отведены назад, и скопления пехоты, представлявшие собой уязвимую мишень, оказались вне зоны досягаемости огня немецких

батарей. Мало доказательств того, что немецкие и итальянские пушки намеренно не вели огонь на разных этапах операции или что британская пехота извлекла большую выгоду из захвата старых немецких позиций. Роммель признал, что огонь артиллерии 8-й армии был «исключительно точным» и нанес немцам «огромные потери», что британские орудия уничтожили большую часть тяжелого вооружения пехоты. Артиллерийский огонь был так силен, что 62-й пехотный полк итальянской дивизии «Тренто» был вынужден в спешке оставить свои позиции и устремился в тыл (вероятно, на фронте австралийской дивизии), что говорит о слабости обороны на этом участке. В штабе немецкой танковой армии сложилось впечатление, что британцы снова и снова гнали вперед танки и уничтожили остатки 62-го пехотного полка и по меньшей мере два батальона 164-й немецкой дивизии. На севере британским войскам удалось взломать оборону противника на фронте шириной 6 миль, но они были остановлены плотным артиллерийским огнем. На юге атаку пехоты поддержали 100 танков, которые преодолели передовые рубежи, но были остановлены перед главной линией обороны.

Учитывая неопределенность обстановки, Штумме решил лично разобраться, что происходит. Командующий отказался от охраны и рации под тем предлогом, что хочет поехать в 90-ю дивизию. Он отправился на передовую в сопровождении только полковника Бюхтинга и водителя капрала Вольфа. В действительности Штумме поехал на фронт, и его машина была обстреляна, скорее всего, австралийцами. Бюхтинг получил смертельное ранение в голову, и Вольф, не теряя времени и не снижая скорости, развернул машину. Штумме, когда начался обстрел, открыл дверцу, чтобы выпрыгнуть, но

в этот момент у него случился сердечный приступ, и он вывалился из машины. Все знали, что он страдает повышенным артериальным давлением и находится не в лучшей форме. Затормозив, Вольф не сразу понял, что произошло. Тело генерала было найдено только через сутки. Этот инцидент отрицательно сказался на действиях немецкой танковой армии в критический момент сражения.

Картина была немного яснее в штабе Монтгомери, но и здесь мало что знали о точном положении дел на решающем участке, где Бриггс и Гейтхауз должны были проломить оборону противника; но общее настроение было оптимистичным. Было очевидно, что ни Ламсдену на севере, ни Хардингу на юге не удалось прорвать оборону противника, причем на севере это произошло оттого, что не были расчищены проходы в минных полях, по которым могла бы пройти тяжелая техника. В четверть десятого, за час до приезда Александра в его штаб, Монтгомери приказал Лису сделать все для расчистки «северного коридора». Фрейбергу предстояло развить свой успех на юг, а Уимберли — занять освободившийся сектор на хребте, но это не могло быть сделано до второй половины дня. Моршид, вместо того чтобы развивать продвижение на север, должен был подготовиться к операции по ночному «перемалыванию» противника.

Вскоре после семи часов утра Фрейберг доложил Лису, что, по его мнению, настал момент «для наибольших усилий с целью прорыва 10-й бронетанковой дивизией обороны противника». Он полагал, что обстановка благоприятствует тому, чтобы Кастенс и Кенчингтон усилили потрепанную бригаду Карри и, согласно плану, взломали оборону немцев. Три четверти часа спустя он снова позвонил Лису и попросил его потребовать от Ламсдена, чтобы он

поторопил Гейтхауза с наступлением. Это было сделано, и Ламсден ответил, что промедление вызвано тем, что большая часть транспорта новозеландской дивизии скопилась в единственном коридоре ее сектора. Надо было приложить все усилия, чтобы двинуть дивизию вперед. Так как в последующие два часа никаких действий не последовало, начальник штаба новозеландской дивизии доложил командованию 30-го корпуса, что Карри получил приказ немедленно выступить. Так как противник по численности намного превосходит Карри, то Гейтхауз должен получить приказ поддержать бригаду Карри. В 10-м корпусе ответили, что дивизия не в состоянии выполнить такой приказ и что Ламсден считает, что такой вопрос не должен даже ставиться. Из 30-го корпуса новозеландцам сообщили, что Лис направляется к Фрейбергу и разберется во всем по приезде. Было неясно, действительно ли Карри получил такой приказ. Его бригада провела весь день в стычках с немецкими танками, оставаясь под прикрытием хребта, каждая попытка преодолеть который пресекалась плотным и точным огнем противотанковых пушек противника. К середине дня в уилтширском йоменском полку остались только 1 «шерман» и 3 «гранта», а 8 офицеров, включая командира полка, полковника Сайкса, были ранены.

Лис и Фрейберг вместе осмотрели хребет, удовлетворившись тем, что войска надежно прикрыты от неприятельских контратак, и вернулись в штаб новозеландской дивизии для встречи с Монтгомери и Ламсденом. Теперь у командования возобладал реалистический взгляд, и было решено, что Гейтхауз ночью начнет наступление через боевые порядки новозеландцев при массовой поддержке артиллерии Лиса. На случай каких-либо сомнений относительно его намерений Монтгомери, вернувшись в свой штаб, связался

по телефону с Пиком, начальником штаба Ламсдена, и сказал ему, что должна быть предпринята еще одна попытка пробиться сквозь сделанную брешь. Он добавил, что готов смириться с потерями, если их ценой пробьются бронетанковые дивизии, а новозеландцы сумеют успешно продвинуться на юг. Де Гинган мог уже с полным основанием сообщить командующему, что нет признаков передвижения 21-й танковой или 90-й легкой дивизий противника. Во время проведения операции было захвачено 1000 пленных, две трети из них итальянцы. Точные потери 8-й армии точно неизвестны, но, вероятно, составляют менее 3000 человек: большая часть потерь приходится на 30-й корпус, хайлендерская дивизия потеряла 1000 человек, новозеландцы около 800. Австралийцы и южноафриканцы потеряли приблизительно по 350 человек.

В это время Уимберли пытался «расчистить северный коридор», атакуя «Страйчен» и «Кейт» силами 2-го сифортского полка, находившегося до этого в резерве, при поддержке 50-го Королевского танкового полка и всей дивизионной артиллерии. Велись нескончаемые споры, особенно между дивизией и 1-й бронетанковой бригадой о том, где находится. Предложение начальника артиллерии 30-го корпуса обсудить создавшееся положение было отклонено. У сифортского полка было слишком мало времени на подготовку атаки, которая должна была дать инженерным подразделениям Бриггса возможность расчистить дорогу для танков Фишера; они должны были выступить сразу после расчистки проходов в минных полях. Атака началась в три часа и увенчалась успехом, несмотря на потери одной из рот, которую вывел к заданному рубежу ротный писарь, так как все офицеры и сержанты были убиты или ранены.

Бэйс на правом фланге Фишера потерял 6 «шерманов», подбитых танками и противотанковыми орудиями противника. Это произошло на минном поле перед укреплениями противника. Поставив дымовую завесу, танкисты отошли и получили приказ сместиться к югу, ближе к 9-му уланскому полку, который преодолел по проходу одно минное поле, но сразу натолкнулся на другое. Вместе с саперами, шедшими впереди танков, уланы вскоре соединились с танкистами Бэйса. В это время 10-й гусарский полк пытался слева обойти сильные укрепления противника. В пять часов оба полка пошли на северо-запад и к заходу солнца оказались с северо-востока от гряды высот «Почка». После наступления темноты они отошли на 500 ярдов под прикрытием йоркширских драгун, полагая, что заняли заданный рубеж, но на самом деле не дошли до него около 1000 ярдов. Бригада потеряла 20 «шерманов», из них 11 — Бэйс, и располагала теперь 57 танками этого типа при таком же количестве «крусейдеров». Британцы считали, что встретились с 80 неприятельскими танками, из которых подбили 30. Несомненно, это была завышенная оценка. Этой ночью Бриггс решил двинуть вперед 7-ю моторизованную бригаду, стоявшую у Эль-Аламейна, и сменить танкистов.

На юге Гейтхауз вскоре после рассвета отправился осмотреть хребет Митейрия и пришел к выводу, что нельзя посылать танки по другую сторону хребта. Из-за наличия мощных минных полей был признан неверным приказ послать в половине одиннадцатого Кенчингтона на север к восточному краю хребта для наступления на противника, сдерживавшего Фишера. План ночного прорыва заключался в следующем. Карри должен

отвести свою бригаду и освободить место для Кенчингтона, который будет наступать на юго-запад вдоль северной границы полосы намеченной атаки 10-й бронетанковой дивизии. К югу от них в наступление пойдет Кастенс, и обе бригады продвинулись на 3 мили к «Пирсону» и соединятся с Фишером на своем правом фланге. Позже было решено, что Карри также начнет атаку, но на левом фланге, а моторизованная пехота Ли заменит танки Кастенса и Карри на хребте. Дивизионные инженерные подразделения должны расчистить столько проходов шириной 16 ярдов через минные поля на хребте, сколько смогут.

Вскоре после захода солнца Фрейберг связался по телефону с Лисом и сказал, что не уверен, что 10-я бронетанковая дивизия готова к наступлению, и заметил, что штаб дивизии находится слишком далеко от ее боевых порядков. После разговора с Ламсденом у Лиса создалось впечатление, что тот не слишком уверен в успехе атаки. Это мнение было немедленно доведено до сведения де Гингана.

Кенчингтон выступил, имея 83 «шермана» и 48 «крусейдеров», но его бригада задержалась на исходных рубежах из-за неразберихи в саперных командах, расчищавших проходы в минном поле. Работы по разминированию начались только без пяти минут одиннадцать, то есть через час после того, как проходы должны были быть закончены по плану. Минное поле оказалось намного глубже, чем ожидалось; еще одна задержка произошла из-за ложного сообщения об атаке противника, которое заставило отвести бригаду, которая в результате оторвалась от своего пехотного сопровождения. В конце концов было решено сосредоточить все имеющиеся ресурсы на расчистке единственного прохода в минном поле, который был готов без четверти четыре. Потом не могли найти

рацию, чтобы сообщить об этом командованию. У саперов Кастенса не было времени на разведку минного поля, в котором им предстояло проделать три или четыре прохода шириной 16 ярдов каждый. Они приступили к работе в восемь часов, и к половине одиннадцатого центральный и южный проходы были готовы. Южный проход совпал с коридором, проделанным противником в своем минном поле. Выход из него прикрывал плотный огонь, и дальнейшие попытки расчистить проход были оставлены. На правом фланге находился стаффордширский йоменский полк, в центре шервудский полк, а на левом фланге 3-й Королевский танковый полк. Так как местность вокруг проходов была густо усеяна минами, весь транспорт сгрудился в проходах, машины стояли, уткнувшись друг в друга, иногда даже в два ряда. В десять часов в воздухе появились один или два самолета и сбросили бомбы на головы шервудского полка, ожидавшего очереди войти в центральный проход. Вторая воздушная атака поразила его транспорт и некоторые машины 1-го восточнокентского Королевского полка (Баффс). Вскоре около 25 грузовиков с бензином и боеприпасами были объаты пламенем. Пожар продолжался всю ночь, и батареи противника использовали его как ориентир, всю ночь обстреливая район сосредоточения британских войск. Четыре офицера были ранены, а шервудский полк оказался на некоторое время дезорганизованным. Кастенс приказал полку рассредоточиться, чтобы избежать дальнейших потерь. В то время, когда войска покинули южный проход, 3-й Королевский танковый полк начал выдвигаться в центре, но тоже получил приказ рассредоточиться.

Пока происходили все эти события, стаффордширский йоменский полк миновал северный про-

ход и начал медленно продвигаться вперед, уничтожая по пути огневые точки и противотанковые орудия противника. Однако растерянность, вызванная бомбежками, горящими грузовиками, непрерывный обстрел центрального прохода заставили Кастенса рекомендовать Гейтхаузу прекратить наступление его бригады.

Гейтхауз передал это пожелание Ламсдену, выразив согласие с ним. В половине третьего Ламсден доложил де Гингану, что склонен согласиться с предложением Гейтхауза. Де Гинган решил доложить Монтгомери, что сложилась критическая ситуация. Де Гинган пригласил Ламсдена и Лиса для встречи с Монтгомери в половине четвертого, а потом разбудил своего начальника и доложил ему, что происходит. В это время Кастенс, не получая новых приказов, решил соединить силы двух полков и двинуть их вперед по северному проходу, поставив в авангарде 3-й Королевский танковый полк. Тогда же началось совещание в штабном грузовике Монтгомери. Оба корпусных командира доложили свое видение обстановки, причем Ламсден был очень обеспокоен трудностями преодоления хребта. Было уже известно, что стаффордширский йоменский полк прошел минное поле, но на севере Кепчингтон увяз в проходах, испытывая трудности с разминированием, а танки Карри были встречены сильным артиллерийским огнем, хотя и продолжали очень медленно продвигаться на юг. Гейтхауз настаивал на том, что операцию надо прекратить и отвести за хребет танки, которые его уже перевалили. Монтгомери совершенно спокойно дал понять, что о прекращении операции не может быть и речи: исходный план должен быть выполнен любой ценой согласно приказу, который Гейтхауз уже получил по телефону. Когда совещание закончилось, Монтгомери предложил Ламсдену задержаться и предуп-

редил его, что если он сам и его дивизионные командиры не решаются прорваться, то он, Монтгомери, найдет таких, кто сможет сделать это.

Вскоре после пяти часов Кенчингтон, не зная о совещании в высших эшелонах командования, смог, наконец, двинуть вперед свои танки через лежавшее перед ним минное поле. Первым пошел 47-й Королевский танковый полк, за ним 41-й полк, который сразу после восхода солнца, в четверть седьмого, вышел своим правым флангом на заданный рубеж. 45-й полк остался в резерве под прикрытием холмов гряды Митейрия.

На крайнем левом фланге танки Карри оказались в 2 милях дальше хребта и в миле к югу от 26-го новозеландского батальона вместо того, чтобы быть по плану в 3 милях к юго-западу от него. Между бригадой Карри и стаффордширским йоменским полком образовалась брешь шириной 2,5 мили, которую после пяти часов начал заполнять 3-й Королевский танковый полк. Когда в проход следом за ним вступил шервудский полк, от Гейтхауза поступил приказ, отданный Ламсденом после совещания в штабе Монтгомери. Приказ заключался в том, что, пока Кенчингтон наступает, чтобы к рассвету выйти на заданные рубежи, Кастенс должен выслать вперед один полк, чтобы помочь Карри, а остальные два полка надо оставить на хребте, где к ним присоединится пехота Ли. Приказ был отдан до того, как стало известно, что оба полка пошли вперед на соединение со стаффордширским йоменским полком. В тот момент, когда приказ был получен в войсках, этот полк столкнулся с сильным огнем противотанковой артиллерии, потерял 6 танков и тщетно искал место, где можно было бы врыть в песок осталь-

ные танки для позиционной стрельбы. Когда стало совсем светло, Кастенс приказал всем трем полкам отойти назад, за хребет, и этот приказ был выполнен только в семь часов.

Гейтхауз отбыл на хребет в шесть часов и приказал своему штабу через час быть по ту сторону передового старого британского минного поля. Он разобрался в положении, в каком оказалась 8 бронетанковая бригада, только прибыв на место. В это же время возникли серьезные сомнения относительно реального положения двух передовых полков Кенчингтона. Командиры полков докладывали, что находятся на «Пирсоне» в 2 милях к западу от хребта, но эти сообщения были сомнительными; чтобы прояснить ситуацию, к полкам отправили начальника оперативно-разведывательного отдела штаба бригады с двумя танками. Он выяснил, что в действительности полки прошли за хребет всего 1000 ярдов, а когда он попытался пробиться дальше, то оба его танка были подбиты, один из них загорелся, а два офицера были ранены. Два полка были оставлены под сильным артиллерийским огнем на своих новых позициях с заданием поражать те цели, которые они сочтут возможными. Полками было взято 150 пленных.

Похожая ситуация сложилась и у Карри. Дивизионная кавалерия была отведена за хребет, а 3-й гусарский и уорвикширский йоменский полки остались в мелкой ложине без прикрытия и на виду противника, под прицелом его танков и противотанковых орудий, расположенных на удобных позициях на склоне хребта в 1000 ярдах от полков, куда они должны были выйти по приказу. Карри заявил, что не отдаст приказа наступать до тех пор, пока его танки не будут заправлены горючим, а экипажи не произведут мелкий ремонт. Чтобы это сделать, он предложил отвес-

ти бригаду под прикрытие хребта. Фрейберг предложил оставить их на месте, чтобы «отбить у неприятеля охоту к контратакам». Долгое время прочность положения бригады Карри оставалась сомнительной. В действительности ее левый фланг находился перед правым флангом южноафриканской дивизии.

В четверть восьмого командование 8-й армии напомнило 10-му корпусу, что его бронетанковые силы должны пройти вперед на запад от минного поля, «чтобы получить свободу маневра, обнаруживать и уничтожать бронетанковые силы противника и обеспечить прикрытие операций новозеландской дивизии к юго-западу от хребта Митейрия от угрозы атаки танковых сил противника с запада». Три часа спустя, будучи в полной уверенности, что его приказы выполняются, Монтгомери усилил их. Очевидно, не зная о том, что 8-я бронетанковая бригада уже отведена к хребту, он приказал, чтобы шервудский полк двигался на юго-запад, чтобы бригада образовала фронт с 3-м Королевским танковым полком на правом фланге, стаффордширским йоменским полком в центре и еще одним полком слева; этот фронт Монтгомери назвал «петлей». Ли должен был сменить на хребте бригаду Киппенбергера, которая должна была последовать за Карри, успешно продвигающимся на юг. Гейтхаузу предстояло командовать «петлей», бригаду Кенчингтона следовало передать под начало Бриггса, которому приказали действовать «наступательно против бронетанковых групп противника» силами 2-й и 24-й бригад.

Сам Бриггс вплоть до десяти часов был уверен, что Фишер находится на «Пирсоне» в тесном взаимодействии с бригадой Кенчингтона на своем левом фланге. Вскоре после этого Фишер доложил, что на самом деле он находится в 1000 яр-

дах от «Пирсона». Как только рассвело, полк Бэйса начал движение на запад, но когда его передовая рота в течение короткого времени потеряла 8 «шерманов» от огня 88-мм орудий, полк был отведен назад и остановлен по приказу Фишера. На левом фланге 9-й уланский полк потерял 2 танка и повторил маневр Бэйса. 10-му гусарскому полку было приказано попытаться обойти хребет, откуда велся неприятельский огонь, но эта атака была отложена, когда выяснилось, что противник готовит контратаку.

Таково было положение дел, когда после разговора с Александером, который прибыл к Монтгомери, тот в половине двенадцатого покинул свой штаб, чтобы снова встретиться с двумя корпусными командирами в штабе Фрейберга. Там он отказался от своего плана для новозеландцев, предусматривавшего развитие ими успеха в южном направлении, так как понял, что такое наступление будет стоить очень больших жертв. Он отдал новый приказ, чтобы 30-й корпус продолжал удерживать хребет Митейрия, а новозеландцы не начинали движения на юг. Вместо этого австралийцы должны были начать «перемалывать» оборону противника на севере. 10-й корпус должен был действовать на западном направлении из коридора 1-й бронетанковой дивизии. 10-я бронетанковая дивизия без 24-й бригады должна была отойти из сектора новозеландцев. Если не считать этих изменений, Ламсен должен был выполнять приказ, полученный им на совещании в половине четвертого утра. Все три корпуса должны были выслать патрули, чтобы не прозевать малейших признаков отступления противника. Все эти приказы были, с небольшими исправлениями, утверждены по возвращении командующего армией в его штаб. Наступление австралийцев должно было начаться ночью. Новозеландцам поручалось вы-

слать патрули, чтобы следить за возможными передвижениями противника на фронте их дивизии. Бригаде Карри надлежало действовать наступательно. 10-я бронетанковая дивизия должна была отойти для проведения реорганизации, бригада Кенчингтона передавалась под командование Бриггса, который должен был после этого выдвинуться вперед с целью овладения заданными ему рубежами.

Задумавшись о кризисе, наступившем в сражении на севере, Монтгомери столкнулся с необходимостью принять трудное решение: следует ли продолжать попытки выдвижения 7-й бронетанковой дивизии через минные поля на юге. 131-я бригада Стеймера, за исключением 1/7-го Королевского полка, который был не в состоянии драться после атаки предыдущей ночью, была передана под начало Хардинга, которому предстояло атаковать противника в ночь с 24 октября с целью расширить брешь к западу и захватить «Февраль». После расчистки двух коридоров по этому полю должен был пройти Робертс, за которым последует Роддик: его 4-я легкая бронетанковая бригада пойдет на правом фланге. Потом они должны действовать по первоначальному плану. Стеймер и его офицеры прибыли к Хардингу в одиннадцать часов, и они вместе на танке отправились осматривать фронт. Было запланировано, чтобы 1/5-й Королевский полк на правом фланге и 1/6-й полк на левом встретили саперные команды в шесть часов после маршей соответственно в 3,5 мили и 5 миль. Но час ноль дважды откладывался, и, в конце концов, атака была назначена на половину одиннадцатого. В конце наступления атакующие были прижаты к земле яростным пулеметным огнем с близкого расстояния. С большим трудом

они сумели окопаться в твердом грунте. Потери составили по 170 человек, а 1/6-й полк еще потерял командира, его адъютанта и 2 ротных командиров. Проходы в минных полях были закончены в половине третьего, но интенсивность огня в северном проходе не позволила саперам обозначить его края горящими лампами. 4-й лондонский йоменский полк потерял 1 «грант» и 22 «круседера» в попытках продвинуться по этому проходу. Среди убитых оказались командир, помощник командира, адъютант и один командир роты. Некоторые из танков, наскочив на мины, затем были расстреляны из 88-мм орудий, которые с юга вели огонь вдоль западного края минного поля «Февраль». Это породило слух о том, что минное поле было плохо расчищено саперами.

1-й королевский танковый полк испытал те же самые трудности в южном проходе, но понес меньшие потери. Хардинг прибыл на минное поле, покинул свой командирский танк, пересел в джип, и его водитель был убит рядом с ним. В четверть пятого Хардинг решил отложить попытки продвижения вперед до рассвета и продолжить наступление при свете дня. Незадолго до этого подполковник Уизерс, командир Королевских инженерных подразделений, убеждал командира дивизии, что проход чист. Хардинг приказал ему лично проверить пригодность прохода для проводки танков. Выразив формальный протест, подполковник отправился к южному проходу, вызвал добровольцев и выехал с ними по проходу на машине в сопровождении трех танков. При въезде в южный проход они были встречены таким плотным огнем, что он приказал команде вернуться, сам пересел в один танк, а командир 21-го полевого эскадрона в другой. На 2 танках они поехали по проходу в минном поле.

В первый танк было три попадания, но броня устояла, они доехали до противоположного конца, развернулись и вернулись назад. В самом конце у первого танка отвалился трак гусеницы, и его пришлось бросить.

Теперь Уизерс имел полное право доложить Хардингу, что танки, подорвавшиеся на минах, вышли за пределы безопасного коридора, а потери обусловлены невероятно плотным и метким огнем вражеской противотанковой артиллерии. Огонь был так силен, что нечего было и думать заниматься разминированием вручную. Хардинг принял этот факт и решил прекратить дальнейшее наступление танков. У батальонов не было выбора, и они остались на своих местах. Робертсу было приказано поддержать эти батальоны, оставив танки между полями «Январь» и «Февраль», и только потрепанному лондонскому йоменскому полку было разрешено отойти на восток от поля «Январь».

Хоррокс одобрил такое решение, когда в восемь часов встретился с Хардингом и Робертсом. Вернувшись в свой штаб, он попытался связаться с Монтомгомери, но последний был занят разговором с Александером. Вместо командующего он поговорил с де Гинганом и доложил ему, что не видно никаких признаков отступления противника. Сами собой напрашивались два альтернативных решения. Использовать последний оставшийся в распоряжении командира резерв — 132-ю бригаду Уистлера и продолжить попытки взломать оборону противника через минное поле «Февраль». Или прекратить эти попытки и атаковать у западной оконечности Мунассиба к востоку от минных полей совместно с 50-й дивизией Николса, поддержанной Роддиком. Хоррокс предпочитал последний вариант. Даже если Уистлер добьется успеха, останется главная проблема — провести танки вперед, а в процессе та-

кого наступления 7-я бронетанковая дивизия может понести невосполнимо тяжелые потери. Второй план был связан с меньшим риском и мог привести к отысканию другого пути прорыва. Полчаса спустя Хорроксу позвонил де Гинган и сказал, что Монтомери также предпочитает вторую альтернативу. Он понимал, что какие-то потери неизбежны в любом случае, но пожелал подчеркнуть, что 7-я бронетанковая дивизия должна «остаться в живых».

Моршид предвидел, какую задачу получат его австралийцы, и на рассвете 24 октября приказал Уайтхеду, командиру 26-й бригады, быть готовым захватить отрог хребта к северу от расположения его бригады, которым заканчивалась высота 29. Эта высота господствовала над районом расположения дивизии, и с нее просматривалась также местность к северу от железной дороги. Следовательно, это был отличный наблюдательный пункт, позволявший с обеих сторон просматривать местность. В эту ночь патрули установили, что между отрогом и расположением 2/48-го батальона нет мин. На рассвете была захвачена разведывательная группа противника, включая командира 125-го пехотного полка и командира 2-го батальона, который удерживал отрог. Последний при допросе охотно дал показания и подтвердил сведения, которые можно было почерпнуть из захваченных штабных карт. Из них следовало, что 1-й батальон полка находится между шоссе и железной дорогой, а 3-й батальон находится на берегу моря.

В распоряжении Уайтхеда были только два батальона — 2/48-й и 2/24-й. 2/23-й батальон находился в резерве дивизии. Но его мог поддержать своими 30 «валентинами» 40-й Королевский танковый полк, а также вся дивизионная артил-

лерия, усиленная двумя полками полевой артиллерии и двумя полками средней артиллерии. Орудийные расчеты должны были выпустить 14 508 25-фунтовых и 1066 5,5-дюймовых снарядов, не говоря о подавлении батарей противника и стрельбе «по заказу». Несмотря на задержку со сменой 2/17-го батальона из-за сильного артиллерийского огня, 2/48-й батальон начал выдвижение с исходной линии точно в назначенное время и без двадцати минут десять захватил первый рубеж в 1000 ярдах к северу, который должен был стать исходным пунктом для атаки 2/24-го батальона. В это время передовая рота 2/48-го батальона преодолела в транспортерах 1000 ярдов за девять минут, едва не наступая на огневой вал артиллерийского сопровождения, и сумела захватить врага врасплох. После короткой рукопашной схватки позиция была в два часа отбита у противника. Попытки продвинуться на север встретили отчаянное сопротивление, но до рассвета роты успели надежно закрепиться на новых рубежах. Первые 800 ярдов все шло хорошо и у 2/24-го батальона, но потом сопротивление противника стало настолько жестким, что пехота далеко отстала от огневого вала артиллерийского прикрытия. В результате потери стали нарастать, и атака захлебнулась. Пока командиры передовых рот на ходу составляли планы дальнейших действий, старший офицер решил отвести роты назад. Он не спеша отвел роты и остановил батальон на промежуточном рубеже в пять часов, 2/48-й батальон удерживал на отроге узкий выступ, который продолжался к востоку до Тель-эль-Эйсы, занятой 2/24-м батальоном и силами сводных подразделений. В целом это была самая успешная атака, которая дала возможность австралийцам и артиллеристам вести

наблюдение во всех направлениях, а не служить самим мишенью для противника. В плен было взято 173 немца и 67 итальянцев. Потери австралийцев составили 1000 человек, из них приблизительно одна шестая часть убитыми.

На юге дела шли не так гладко. Исходный план Ламсдена заключался в том, что Кенчингтон останется на своих позициях к западу от хребта Митейрия и с рассветом начнет выдвижение на соединение с Фишером, который будет наступать на юг от гряды высот «Почка». Эту гряду должны были захватить стрелки Босвайла, пока австралийцы будут наступать дальше на север. Только позже стало известно, что Уимберли уже начал атаку силами 1-го гордонского хайлендерского полка, имея целью захват «Абердина»; 5-го полка «Черная стража» для взятия «Стерлинга» и 7-го аргайлского полка для взятия «Нэйрна». Шли ожесточенные споры о том, где находятся наступающие батальоны и их заданные рубежи. В действительности «Абердин» находился у восточного края гряды высот «Почка». При такой неопределенности было невозможно должным образом использовать артиллерию, и не могло быть речи о том, чтобы два разных подразделения сразу атаковали один объект. Задача Бриггса была изменена таким образом, чтобы он следовал за пехотой, разминировал местность и помогал Фишеру продвигаться вперед. В течение дня он сделал несколько попыток продвинуться к гряде высот «Почка», но потом танки дивизии «Литторио» сами пошли в атаку. Он потерял 16 «шерманов», после чего у него осталось 5 «шерманов» и 16 «крусейдеров». В других полках было по 18 «шерманов» и столько же «крусейдеров».

Генерал-лейтенант Монтгомери беседует с взятым в плен генерал-лейтенантом фон Тома, командующим немецким африканским корпусом, 4 ноября 1942 года

Уинстон Черчилль и генерал-лейтенанты Александер и Монтгомери в штабе 8-й армии, 19 августа 1942 года

Генерал-лейтенант Монтгомери и его корпусные командиры генерал-лейтенанты Лис (30-й корпус), Ламсен (10-й корпус) и Хоррокс (13-й корпус)

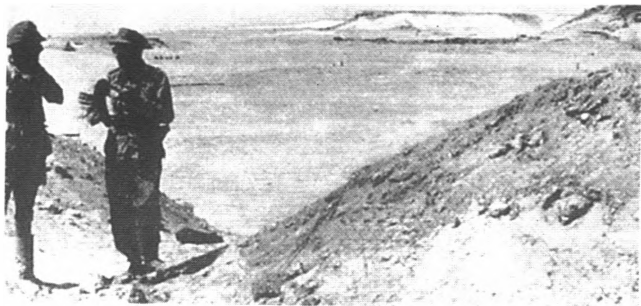
Фельдмаршал Роммель отдает распоряжения

Кессельринг и Роммель в штабе африканского корпуса

Немецкие артиллеристы заряжают противотанковое орудие

Близ Химеймата

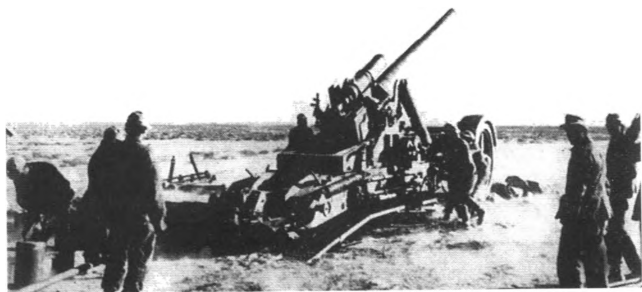
Немецкая артиллерия на марше

Британская 25-футовая полевая пушка

Итальянское противотанковое орудие

Немецкая тяжелая артиллерия

Итальянская пехота

Итальянские танки

Генерал-лейтенант Лис со своими дивизионными командирами генерал-майорами Моршидом (9-я австрийская дивизия), Уимберли (51-я хайлендерская дивизия) и Пиенааром (1-я южноафриканская дивизия)

Немецкое 88-миллиметровое орудие, захваченное 9-й австралийской дивизией

Танки «Шерман» на марше

Пулеметчики мидлсекского полка

Танки «Скорпион» с бойковыми трапами

Подбитые германские танки «Марк-III» и «Марк-IV»

Итальянская тяжелая артиллерия

Саперы ищут мины с помощью шупов

Южноафриканское инженерное подразделение занимается разминированием

Пехота 51-й хайлендерской дивизии

Генерал-лейтенант Ламсден со своими дивизионными командирами генерал-майорами Бриггсом (1-я бронетанковая дивизия), Фрейбергом (2-я новозеландская дивизия), Гейтхаузом (10-я бронетанковая дивизия) и Гарднером (8-я бронетанковая дивизия) перед сражением

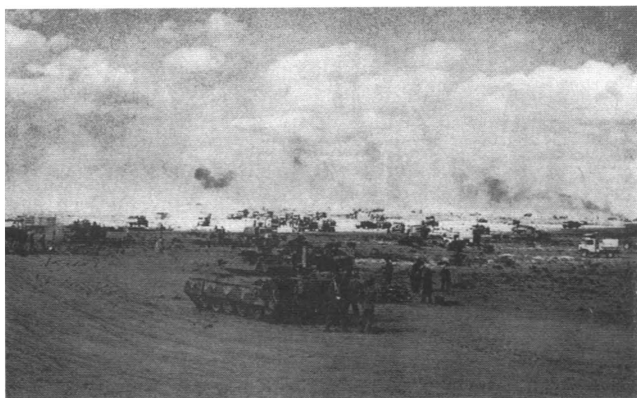
Немецкая огневая точка, захваченная британской пехотой

Взрыв снаряда в песках

Пехота 2/13-го австралийского батальона

Гряда высот «Почка» во время сражения

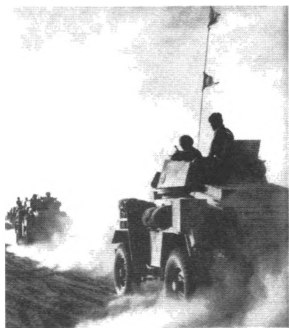
Генерал-лейтенант Монтгомери с генерал-лейтенантами Лисом, Ламсденом и бригадным генералом Уолшем во время сражения

Британское 6-футовое противотанковое орудие

Немецкие пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87»
идут на задание

По проходу в минном поле
идут британские
бронев автомобили «Хамбер»

Танки «Грант» под дождем

Британское военное кладбище под Эль-Аламейном,
вид с хребта Митейрия

Из-за неразберихи со встречаей (они должны были встретиться в штабе Ли, но штаб сменил место дислокации) Кенчингтон встретился с Бриггсом только без четверти шесть вечера. Было решено, что бригада не останется ночью к западу от хребта Митейрия, а отойдет оттуда к северу. Поэтому ее 83 «шермана» и 48 «крусейдеров» с наступлением темноты были отведены за хребет, проведя весь день в бездействии и подвергаясь большую часть времени артиллерийскому обстрелу. Попытки отыскать подходящий путь на север от хребта окончились неудачей, и вся бригада повернула назад на дорогу «Газель», а потом на тракт «Звезда», чтобы соединиться с Бриггсом. Эти блуждания продолжались всю ночь, третью бессонную ночь, и люди были на место совершенно измотанными.

В одиннадцать часов 1-й гордонский хайлендерский полк начал наступать на «Абердин», где, как они полагали, уже укрепилась их рота «D». Но остатки роты «D» после многочисленных злоключений присоединились к родному полку на правом фланге 7-й стрелковой бригады. Рота «B» на левом фланге отклонилась слишком далеко к югу, попала под обстрел, который противник вел с брошенного британского танка, не смогла найти роту «D» и вернулась на исходный рубеж. Дальше к югу 5-й полк «Черная стража» атаковал «Стерлинг», практически не встретив сопротивления. Еще дальше к югу ослабленный 7-й аргайлский полк взял «Нэйрн», при этом в трех его ротах едва насчитывалось 100 человек, а в двух ротах не осталось ни одного офицера.

В двадцать минут пятого Уимберли предложил Лису, чтобы Бриггс воспользовался выгодой создавшегося положения и начал продвижение на юг, так как «Абердин» до сих пор не был взят. Это предложение было передано 10-му корпусу, кото-

рый от него отказался, но его командование приказало обеим бронетанковым бригадам «войти в контакт с 5-м полком «Черная стража» у «Стерлинга», чтобы выяснить, не может ли он помочь 51-й дивизии». Приблизительно в половине восьмого Ламсен приказал Бриггсу двинуть бригаду Фишера на север, чтобы он прикрыл левый фланг австралийской дивизии. Но это было признано невозможным, и бригада осталась там, где провела весь предыдущий день.

На южном участке фронта 69-я бригада 13-го корпуса атаковала западную оконечность Мунассиба. Атака закончилась неудачей и стоила многих жертв. Эта атака напомнила наступление, которое провела в этих местах и с таким же результатом 131-я бригада во время сражения при Алам-эль-Хальфе. Последняя неудача положила конец активным операциям на юге. Хьюз, две бригады которого потеряли в общей сложности около 700 человек, перешел к обороне на фронте к югу от Мунассиба, имея под началом бригаду «Свободной Франции», а 7-я бронетанковая дивизия с 70 «грантами», 27 «крусейдерами» и 50 «стюартами» была отведена под прикрытие минных полей.

Глава 9

ПО ЗРЕЛОМ РАЗМЫШЛЕНИИ

26 – 28 октября

Ранним утром 26 октября Монтомгери понял, что обстановка требует серьезного обдумывания. Именно поэтому утро и весь день он посвятил размышлениям о том, что делать дальше. Хотя

30-й корпус практически достиг заданных рубежей, для полного овладения ими требовались дополнительные усилия, а его потери уже превысили 4500 человек. 500 солдат и офицеров потерял 10-й корпус; и еще 1000 человек — 13-й корпус. Потери нельзя было считать чрезмерными, но не было подкрепления для южноафриканцев и новозеландцев, которые на треть утратили свою боеспособность, потеряв 800 человек. Потери хайлендерской дивизии возросли до 2100 человек, и для того, чтобы приступить к следующим крупным операциям, корпус нуждался в отдыхе.

Труднее было оценить потери противника. Было взято 2000 пленных, из которых более 600 были немцы. Разведка следующим образом распределила потери между немцами и итальянцами: в людях — 32 000 и 29 000; в танках — 250 и 280, в полевых орудиях — 140 и 200, в 88-мм орудиях — 50 и 40, в противотанковых орудиях — 400 и 320. Это были очень большие числа, и если они были бы верны, то 8-й армии уже не с кем было бы воевать. Но на основании опыта передовых частей такой вывод сделать было нельзя.

10-й корпус, несомненно, причинил большой урон вражеским танковым силам, но не взломал оборону противника и не вышел на свободное от мин пространство. 13-й корпус исчерпал свой боевой задор, его наступательный порыв ослаб. Разведка 8-й армии полагала, что не произошло существенных изменений в дислокации 15-й и 21-й танковых дивизий или 90-й легкой дивизии, которые, как думали разведчики, все еще находились близ Дабы. Документы, захваченные перед наступлением, позволяли полагать, что Штумме должен был выдержать атаки британцев, не предпринимая крупных танковых контратак. Дело выглядело так, будто он действительно придерживался такой так-

тики и танковые дивизии не показали свою полную мощь, приберегая силы до того момента, когда 10-й корпус прорвет оборону или когда пехота противника будет так ослаблена, что не сможет больше оказывать сопротивление на северном участке фронта.

Британская разведка не знала, что исчез Штумме, а предыдущей ночью на фронт вернулся Роммель. Ему в Земмеринг во второй половине дня 24 октября позвонил фельдмаршал Кейтель, сообщив все неприятные новости, включая весть об исчезновении Штумме. Роммель оставался в состоянии тревожной неопределенности до тех пор, пока ему после полуночи не позвонил Гитлер и не попросил срочно вылететь на фронт. Роммель вылетел в Рим ранним утром следующего дня, где выслушал неприятный доклад о положении с материально-техническим снабжением войск. У них оставался трехдневный запас горючего вместо тридцатидневного, который требовал Роммель в качестве минимального. Он возмутился и понял, что надежд на благополучный исход сражения мало. Перелетев через Средиземное море, он на исходе дня прибыл в штаб танковой армии, встреченный верным Вестфалем и генералом Тома, который временно взял на себя командование после исчезновения Штумме. Они нарисовали мрачную картину. Недосток бензина ощущался очень остро и препятствовал какому-либо значительному перемещению войск. Единственно, что можно было себе позволить, — это ограниченные контратаки бронетанковыми силами, развернутыми за опасными участками. 15-я танковая дивизия постоянно действовала таким способом, и на этот вечер в ее строю остался только 31 исправный танк. Интенсивный артиллерийский огонь британцев и непрерывные воздушные атаки, которые продолжались днем и ночью, приводили к огром-

ным потерям и серьезно подрывали моральное состояние войск.

Роммель решил, что цель на ближайшие несколько дней — любой ценой отбросить британцев от главной линии обороны и устранить опасный выступ, который образовался в районе гряды высот «Почка». Роммель сосредоточил все свое внимание на этом месте, и атака австралийцев на высоту 29 вызвала у него гораздо меньшую озабоченность, чем атаки хайлендерской дивизии и последующие робкие попытки 2-й бронетанковой бригады развить этот успех. Роммель был на ногах уже в пять часов утра 26 октября и покинул штаб, чтобы лично проследить за атакой, которую должны были предпринять 15-я танковая дивизия и дивизия «Литторио» на гряде высот «Почка». Он был разочарован медленным темпом атаки, и на него произвели впечатление упорство британцев в обороне, интенсивность их артиллерийского огня и беспрестанные воздушные атаки истребителей и легких бомбардировщиков, которые уже причинили ему столько хлопот в сражении у Алам-эль-Хальфы.

Понимая, что наступление разворачивается слишком медленно и неэффективно, Роммель решил бросить в атаку 90-ю легкую дивизию фон Шпонека и группу «Кампфштаффель» — часть, охранявшую его штаб, чтобы ускорить темп атаки. Кульминация наступила во второй половине дня, когда силы стран Оси прорвались к югу и заставили британцев отступить. К концу дня общее количество танков, уничтоженных в 15-й танковой дивизии и дивизии «Литторио» за три дня боев, выросло до 61 и 56 соответственно.

Эта картина яростного дневного сражения имеет мало общего с тем, как видели события этого дня противники Роммеля. После нескольких попыток

продвинуться на северо-запад в первой половине дня Бриггс решил отказаться от дальнейших усилий в этом направлении и доложил командованию, что день отмечен интенсивным артиллерийским огнем, но малым продвижением вперед. Верно то, что Кенчингтон во второй половине дня продвигался к левому флангу Фишера, но это нельзя считать преодолением сопротивления врага. Австралийцы на северном участке доложили об угрозе контратак на высоту 29, в них могли принять участие 100 танков, и они были предупреждены артиллерийским огнем и атаками с воздуха. Движение 46-го Королевского танкового полка — резервного полка 23-й бронетанковой бригады — на соединение с 40-м полком было примером попыток демонстрации противнику способности атаковать свежими силами.

В то время когда Роммель бросил все свои резервы на север в отчаянной попытке восстановить положение, Монтгомери безмятежно сидел в своем передвижном штабе и обдумывал ситуацию, полагая, что день выдался на редкость спокойным. Приблизительно в полдень он издал новый приказ. Уимберли была поставлена задача очистить от противника все пространство, которое отделяло британцев от поставленных целей. Моршиду предстояло начать наступление в ночь с 28 октября. Лис должен был поддержать попытку Ламсдена прорвать оборону противника, а также укрепить свою оборону на случай атаки противника и приготовиться к выполнению крупной операции на следующем этапе.

Ламсдену следовало продвигаться на запад и северо-запад от гряды высот «Почка», а Королевским военно-воздушным силам предписывалось наносить удары по бронетанковым соединениям противника. Хоррокс должен был принять меры, чтобы предохранить от потерь 7-ю бронетанковую

дивизию. В этот вечер Монтгомери провел совещание, чтобы решить вопрос о перегруппировке сил и об обеспечении резервов для крупной операции Лиса. Главной задачей было высвободить новозеландскую дивизию. Кроме того, Хардинга предупредили, чтобы он был готов к продвижению на север.

Ламсден получил новые приказы Монтгомери в три часа и, соответственно, отдал свои приказы. Босвайл должен атаковать в одиннадцать часов ночи в районе гряды высот «Почка» при поддержке всей артиллерии 10-го корпуса и части артиллерии 30-го корпуса. 2/60-й батальон должен взять «Вальдшнеп» — рубеж, который включал в себя высоту 33 в 2000 ярдах к северо-западу от позиций 7-й стрелковой бригады и в 1000 ярдах к западу от 2/13-го австралийского батальона. На левом фланге 2-я стрелковая бригада, из состава которой днем была выведена команда по разминированию, должна была взять высоту «Бекас» — низкую гряду в 2000 ярдах к западу от гряды высот «Почка». Бригаде предстояло самостоятельно проделать проходы в минном поле и на рассвете создать противотанковый заслон, через который в половине пятого утра Фишер, а за ним Кенчингтон должны были выдвинуться на северо-запад. Количество танков в двух бригадах было доведено до 120 «грантов» (или «шерманов») и 80 «крусейдеров».

Недостаток времени и споры о том, где находится личный состав, сильно мешали определению целей для артиллерии. Командование 1-й бронетанковой бригады, наконец, поняло, что хайлендерская дивизия все время находилась справа. Это была горькая пилюля для ветеранов боев в пустыне, но на уровне нижнего командного звена новость не устра-

нила различия во мнениях. 60-й полк должен был проделать очень утомительный марш по тракту «Луна». Луны не было, пыль висела в воздухе непроницаемой завесой. В результате полк зашел слишком далеко на юг, а на западе не дошел до намеченного рубежа. Передовые роты доложили, что вышли к «Вальдшнепу», но остальные роты задержались и пытались повернуть вправо, захватив по дороге несколько противотанковых орудий противника. На рассвете командир решил, что их позиция очень невыгодна, и отошел на северо-восток, оказавшись после этого маневра в 1000 ярдах к северу от гряды высот «Почка» и не доходя такого же расстояния до намеченного рубежа.

Подполковник Вик Тернер, командир 2-й стрелковой бригады, предупрежденный утром о новой задаче, попытался произвести изучение местности, на которой ему предстояло наступать. Однако пыль, дым и артиллерийский огонь неприятеля очень сильно мешали, но до наступления темноты удалось отыскать узкий участок для развертывания сил к наступлению. Сомнения относительно пригодности позиции заставили командира отдать альтернативный приказ о выборе направления наступления на случай, если огонь артиллерийского прикрытия окажется не там, где его ожидали. Это была разумная предосторожность, и события подтвердили правоту подполковника. Рота «А» опоздала к месту начала атаки, и роте «С» пришлось начать выдвижение в одиночку на левом фланге: моторизованные взводы пошли в пешем строю под прикрытием бронетранспортеров, шедших впереди. Шестнадцать 6-фунтовых орудий роты «S» и 11 орудий 239-й батареи 76-го противотанкового полка Королевской артиллерии должны были двинуться впе-

ред после взятия заданных объектов, что было сделано в четверть первого, причем наступавшие роты практически не встретили сопротивления. В момент начала атаки врач со своими машинами отсутствовал, оказывая помощь раненым после бомбежки. Медики отстали и не смогли вовремя присоединиться к бригаде. На пути были длинные барханы сыпучего песка, которые надо было преодолеть, и грузовикам так и не удалось это сделать, но, в конце концов, 36-фунтовых орудий стрелковой бригады и 6 артиллеристов добрались до намеченных позиций, захватив с собой боеприпасы для пулеметов, пайки и воду. Автомобили отправились назад с Пирсоном, заместителем командира, перед самым рассветом. Незадолго до этого исчез офицер-наблюдатель из 2-го полка Королевской конной артиллерии, оставив свою машину. Позднее он вышел в расположение 7-й стрелковой бригады, но его отсутствие чувствовалось весь день.

Продвижение бронетранспортеров роты «С» на юго-запад от исходных позиций растревожило настоящее осиное гнездо, так как рота наткнулась на район расположения итальянских танков и грузовиков. На расстоянии 1000 ярдов к северу был ясно виден район расположения немцев с круговым охранением. При свете солнца немцы и итальянцы двинулись на запад, представляя собой превосходную мишень: сообщалось о 14 подбитых танках. Батальон расположился овалом, ось которого была направлена с северо-востока на юго-запад. Штаб батальона расположился напротив вклинившихся в овал немцев в центре его фронта. Участок обороны был разделен на три сегмента. Рота «А» с 10 6-фунтовыми орудиями заняла северо-восточный сектор, рота «С» с 4 орудиями — западный, а рота «В» с 6 пушками заняла оборону на юго-востоке.

Неуверенность относительно судьбы 60-го полка вызвала задержку в наступлении танковых сил. Бригаде Кенчингтона, которая очень устала, так как люди были лишены полноценного сна с начала активных боевых действий, было приказано начать наступление через боевые порядки стрелковой бригады без десяти минут шесть. Но произошла длительная задержка в сосредоточении на исходной позиции передового 47-го Королевского танкового полка, и выдвижение началось только около половины восьмого. Первым делом танкисты стали обстреливать позиции стрелковой бригады, хотя целью служили брошенные танки, находившиеся возле окопов стрелков. Остальная часть бригады тоже открыла огонь. Это продолжалось до тех пор, пока лейтенант Уинтур не подъехал к танкистам на бронетранспортере и не остановил стрельбу. Танкисты пошли вперед, а стрелковая бригада открыла огонь по 25 немецким танкам, сосредоточившимся на гряде в юго-западном направлении. Дойдя в половине девятого до «Бекаса», 47-й танковый полк столкнулся с яростным сопротивлением, и вскоре запылали 6 его танков. Танкисты поставили дымовую завесу, но дым скорее мешал, чем помогал. После повторных попыток продвинуться вперед в составе 47-го полка осталось только 5 «шерманов» и 6 «крусейдеров», которые отступили под прикрытие гряды в миле к востоку от стрелковой бригады. 41-й танковый полк пытался пройти дальше на левом фланге, но успеха не имел, потеряв при этом 12 танков. 45-й полк не сдвинулся с места. В это время стрелковая бригада испытывала недостаток артиллерийской поддержки, особенно когда была атакована 13 итальянскими танками с запада, а затем группой из 25 немецких танков, которые пересекли южный фланг, чтобы атаковать Кенчингтона.

Сообщалось об уничтожении 8 танков из этой группы. Между тем положение противотанковых расчетов на «Бекасе» серьезно осложнилось; в каждом секторе осталось только по 4 орудия, причем те из них, которые были направлены на запад и юго-запад, испытывали острую нехватку снарядов.

Около часа ночи на юге в атаку пошла группа из 9 итальянских танков после сильного артиллерийского обстрела, от которого британцы понесли большие потери. В строю осталось орудие сержанта Калистана. Он наводил орудие, Тернер был заряжающим и наблюдателем, а командир взвода лейтенант Томс исполнял обязанности первого номера расчета. Командир роты приказал Калистану не стрелять до тех пор, пока танки противника не подойдут на расстояние 600 ярдов. Шесть танков были подбиты и загорелись, но у оборонявшихся осталось всего 2 или 3 снаряда. Томс бросился к своему джипу (в 100 ярдах от позиции), где находились боеприпасы. Он подогнал джип под грохот пулеметных очередей с оставшихся 3 танков, которые продолжали двигаться вперед. Выстрелом из пушки один из танков поджег джип с расстояния 10 ярдов. Тернер и Томс разгрузили машину и зарядили орудие. В это время Тернер был ранен в голову, и его заставили лечь на землю. Калистан сумел подбить все 3 танка. Вскоре после этого был ранен и Томс.

Хотя на северном фланге не было таких яростных атак неприятеля, позиции 60-го полка бригады и Фишера нельзя было считать надежными. Долгое время никто не знал, где находится 60-й полк, пока его не нашел утром следующего дня Бэйс. С момента начала атаки, то есть с шести часов, Фишер продолжал медленно продвигаться вперед. Вначале, когда 9-му уланскому полку удалось

взять в плен 60 немцев, всем казалось, что противник отступает, но вскоре британцы столкнулись с сопротивлением. Донесения 10-го гусарского полка об интенсивном движении противника по тракту Рахман, слухи о прибытии 21-й танковой дивизии фон Рандова служили грозным предупреждением. К полудню стало ясно, что немцы до сих пор удерживают высоту 33 в районе «Бекас». Бэйс был в миле от них, а позиции бригады растянулись на юго-запад от него до гряды высот «Почка». 60-й полк находился между Бэйсом и 9-м уланским полком. Уланы утверждали, что уничтожили 12 немецких и 2 итальянских танка и четыре 88-мм орудия. В половине второго Бэйсу приказали взять высоту 33, для чего придали ему 3 танка «черчилль». Атака началась час спустя. Один из «черчиллей» был вскоре подбит из 88-мм орудия, два другие отступили, ни разу и не выстрелив из своих пушек. Атака захлебнулась, и полк занял оборонительную позицию, когда было получено сообщение о начале сильной вражеской атаки. Атака не состоялась, хотя несколько танков атаковали 10-й гусарский полк незадолго до этого. Наступление было отбито с потерей 3 машин.

После этого на фронте наступило затишье, продолжавшееся до четырех часов, когда в наступление были брошены главные силы противника. В предыдущую ночь Роммель решил двинуть 21-ю танковую дивизию и половину армейской артиллерии с юга. Эти силы должны были соединиться с 15-й танковой дивизией, дивизией «Литторио» и частью дивизии «Арьете» для наступления на гряде высот «Почка», а 90-я легкая дивизия при поддержке всех исправных «Юнкерсов-87» должна была атаковать позиции австралийцев. В течение ночи 90-я легкая дивизия и дивизия «Триест» выдвинулись к югу от Сиди-Абд-эль-Рахмана, но продолжительные воз-

душные налеты задержали их продвижение к северу от позиций 21-й дивизии и дивизии «Арьете». Перестроение, выполнявшееся под личным руководством Роммеля, сильно затруднялось непрерывными бомбежками и артиллерийским огнем. В четыре часа (по времени 8-й армии) наступление началось. Оно было встречено «убийственным огнем», потери были тяжелы, и противник был вынужден отступить. В этот вечер танковым немецким дивизиям и 90-й легкой дивизии пришлось организовать оборонительный заслон. Отступление едва не заставило Роммеля потерять последнюю надежду, в своем письме он писал жене о надвигающемся поражении и о том, что не переживет его.

Фишеру это отчаянное наступление виделось ударом двух колонн по 40 танков, которые намеревались обрушиться на 10-й гусарский полк. При атаке они открыли свой правый фланг стрелковой бригаде, очевидно не подозревая о ее существовании. Немцы были остановлены и отступили, после чего гусары сообщили об уничтожении 12, а стрелки — 13 танков, большая часть которых была уничтожена огнем противотанковых батарей. В половине шестого атака была отбита, хотя южная группа противника продолжала атаковать, поливая огнем позиции стрелковой бригады в течение долгого времени после наступления темноты.

В это время была получена депеша, которую неправильно поняли, так как были уничтожены кодовые таблицы, в которой Босвайл писал, что батальон будет сменен в «самое подходящее для обеда время». После наступления темноты адъютант, будучи единственным не раненым старшим офицером, решил эвакуировать всех раненых. Оставшиеся задержатся, чтобы передать позиции смене. Смена не пришла, а транспорт так и не появился. В половине одиннадцатого роты «А» и «В» начали отход в

тот момент, когда наша артиллерия начала обстреливать районы расположения противника в 1200 ярдах к северо-западу. Танки и другой транспорт направились на «Бекас», и в четверть двенадцатого штаб батальона и его остатки без всяких происшествий прибыли на основные позиции.

Командование стрелковой бригады утверждало, что стрелки подбили 76 танков и самоходных орудий. После того как сражение было окончено, на поле боя нашли 27 танков. Но даже и такое число можно считать замечательным подвигом, за который Тернер был удостоен креста Виктории, а Калистан медали «За безупречную службу», да и многие другие герои получили свои награды. Даже Роммель признал, что это была в «высшей степени мощная противотанковая оборона».

Артиллерийский огонь, который настиг немецкие танки у «Бекаса» в середине ночи, велся для поддержки новой попытки 1-й бронетанковой дивизии захватить «Вальдшнеп» при поддержке моторизованной пехоты Ли. Бриггс сначала думал, что стрелковая бригада была смята, потом — что она отступила, исчерпав боеприпасы. В половине пятого от пехоты по-прежнему не было никаких известий, и истинная обстановка была выяснена только в восемь часов утра.

Тем временем началась на скорую руку подготовленная атака всех сил Ли. 4-й Королевский суссекский полк неудачно начал, вступив в перестрелку с 1-м гордонским полком у «Абердина». Одна рота атаковала расположение немецких танков. После чего через 2 мили, захватив 200 пленных и пять 88-мм орудий, командир решил, что достиг заданного рубежа. Было уже половина второго. Грунт был очень твердым, окапываться пришлось с большим трудом. Рота совершенно оторвалась от бригады. Вскоре после рассвета,

находясь на открытой позиции к северо-западу от гряды высот «Почка», она была атакована немецкими танками, которые сначала выбили все противотанковые орудия. В половине восьмого рота была окружена, и часом позже оставшиеся в живых отправились в плен, оставив на высоте 60 убитых.

Пока происходили эти прискорбные события, Йоркширский драгунский полк, потеряв один эскадрон, был вынужден отступить. На юге 2-й Королевский суссекский полк был прижат на гряде высот «Почка» к земле интенсивным огнем, но держался, хотя командир полка был убит. 5-й батальон находился в затруднительном положении и не смог занять намеченные позиции. Лейтенант Джон Монтгомери, офицер разведки 2-го Королевского суссекского полка, записал в своем дневнике:

«Рано утром полковник отбыл на своем бронетранспортере, чтобы посмотреть, что делается в передовых ротах. Он поступил бы осмотрительнее, если бы пошел пешком, так как его транспортер, украшенный флагом, несомненно, привлёк внимание противника. Так как в это время я был у телефона, то видел, куда он поехал, и через несколько минут понял, что он отправился в роту «А», которая занимала позиции на правом фланге переднего края.

По пути к расположению роты «А» надо было пересечь минное поле, на котором всегда можно было наткнуться на противопехотную мину. Я отправился с командного пункта к траншее, где находились наши артиллеристы с противотанковых орудий. От траншеи путь к позициям роты «А» уходил вправо, к дальней части гряды. Прикрытие было неплохим; низкорослый кустарник и мертвое пространство, невидимое с противополож-

ной стороны гряды. Продвигался я медленно, так как приходилось все время оглядываться и не забывать смотреть под ноги, чтобы не попасть в ловушку или не наступить на противопехотную мину. Я был уже в 100 ярдах от расположения роты «А», когда возле моей головы просвистели две пули. Не было сомнений, что они предназначались именно мне. Я упал на землю и начал выполнять старый боевой прием «ползи и смотри», который мы сотни раз отработывали в учебных лагерях в Кенте. Правда, на этот раз сцена выглядела более реалистично.

С земли я не мог ничего видеть и полагал, что нахожусь вне поля зрения снайпера. Но зато теперь я не был уверен, что это лучший путь к расположению роты «А». Поэтому я пополз назад и через несколько минут свалился в траншею к артиллеристам. Рой Лейвуд, усатый и небритый, приветствовал меня. «Вы знаете, что наш полковник убит?» — спросил он. Новость настолько ошарашила меня, что на мгновение я растерялся. Я все время находился рядом с полковником. И теперь, когда его не стало, мне казалось, что в сражении произойдут плохие перемены. В течение некоторого времени я не мог представить себе, что Кеннет Хупер, которого мы хорошо знали как ротного командира, а затем как молодого и энергичного командира батальона, был мертв.

Об обстоятельствах его гибели мне рассказал позже Кейт Такер, который, как ротный командир, был на своем командном пункте, когда к нему приехал Кеннет Хупер на своем бронетранспортере. Полковник вышел из машины, спрыгнул в траншею и заговорил с Кейтом Такером. С самого начала он предупредил полковника, чтобы тот не поднимался во весь рост, так как бруствер траншеи прекрасно просматривается противником, на позициях которо-

го немало снайперов. Кроме того, было похоже, что у противника справа расположена противотанковая батарея. На это полковник возразил, что ему надо взглянуть на позиции противника, и, хотя Кейт Такер снова предупредил его, что это слишком рискованно, он настоял на том, чтобы встать и посмотреть через край траншеи. Оттуда был виден небольшой участок обороны противника, и полковник мог сделать какие-то выводы. Такер, который тоже встал и выглянул из окопа, обернулся и увидел, что полковник тяжело повалился на дно траншеи. Он бросился к командиру, чтобы помочь ему, и увидел, что пуля попала полковнику в лоб. Кеннет Хупер был мертв».

«Наверху» мало знали о действительном положении на передовых позициях, мало знал даже Ли, хотя от танкистов Фишера поступило сообщение о том, что они видели колонну пленных, шедших на запад с того места, где, как они полагали, находились позиции 4-го суссекского полка. На рассвете при первых лучах солнца 9-й уланский полк выступил в направлении высоты 33. Бэйс тоже позже повернул туда. Но без десяти семь бригаде было приказано остановиться, так как планы высшего командования изменились, и фронт должен был принять под свое начало генерал Гейтхауз. Бригада немного отступила и позавтракала, а в это время противник добивал 4-й суссекский полк и йоркширский драгунский полк. Все это вызвало в войсках горечь и привело к взаимным обвинениям.

Действительно, в тот момент Монтгомери решил оставить попытки прорваться через район гряды высот «Почка». Он вызвал на совещание Лиса, Ламсдена и начальников их штабов в восемь часов утра 28 октября. На этом совещании было

решено, что участок «Вальдшнеп» должен стать рубежом обороны, который временно будет удерживать Гейтхауз, а потом Лис. 1-ю бронетанковую дивизию нужно скорее отвести в тыл для отдыха и реорганизации. Ламсдену предстояло продвигаться на запад наступлением австралийской дивизии, которое должно было начаться следующей ночью. Теперь стало ясно, что 21-я немецкая танковая дивизия движется на север, и Королевским военно-воздушным силам надо было наносить удары по району Тель-эль-Аккакира, где, как полагали, сосредоточивался африканский корпус. Позже в течение дня Хардинг получил приказ двигаться к станции Эль-Аламейн.

Фрейберг, который два дня тому назад предлагал атаковать на фронте трех дивизий, используя при этом бронетанковые силы для обеспечения твердого тыла, утром отправился к Моршиду, а потом поехал обедать к Монтгомери. Командующий сказал Фрейбергу, что планирует использовать новозеландскую дивизию для продвижения вдоль берега моря, чтобы обеспечить успех атаки австралийцев. Фрейбергу предстоит своей бронетанковой бригадой защищать левый фланг. 6-я новозеландская бригада заменит австралийцев на следующую ночь после начала их наступления — в ночь с 29 на 30 октября. Атака Фрейберга должна начаться в ночь с 30 на 31 октября. Так как у новозеландской дивизии нет своего пополнения, то ее пополнят из британских пехотных соединений. 9-я бронетанковая бригада Карри восполнит потери новозеландцев в танках.

Монтгомери изменил направление своего главного удара, а Роммель находился под обманчивым впечатлением утренних атак британцев на северном участке фронта, отбитых немецкими танковыми дивизиями, понесшими тяжелые потери в

боевой технике, но сумевшими оттеснить противника к исходным рубежам. Роммель полагал, что во второй половине дня британцы сконцентрируют силы для решающего прорыва. Практически все оставшиеся в строю германские части были переброшены с юга, африканскому корпусу было поручено держать фронт; и командующий объявил всем командирам, что настал решительный момент. Он заявил также, что это будет битва не на жизнь, а на смерть и каждый должен сделать все, что в его силах.

Истинное направление главного удара стало очевидным только к десяти часам вечера, когда в наступление пошла австралийская дивизия. План наступления был весьма амбициозен, оно осуществлялось силами всех трех бригад и было поддержано 224 полевыми и 48 средними орудиями. На первом этапе наступления 20-я бригада Ригли, удерживая высоту 29 силами 2/17-го батальона, должна была наступать на 2 мили к северу силами 2/15-го батальона, а затем распространить наступление на район в 2000 ярдов к востоку совместно с 2/15-м батальоном. 40-й Королевский танковый полк должен был следовать на запад между наступающими порядками 2/17-го и 2/15-го батальонов, чтобы отразить возможные контратаки противника. На следующем этапе 26-я бригада Уайтхеда должна была захватить местность между самыми северными позициями и соляными болотами к востоку от дороги, огибавшей хребет восточнее железной дороги. Это означало захват значительной площади, включая хорошо укрепленный пост Томпсона. И наконец, 24-я бригада Годфри, находясь восточнее железной дороги, должна была расширить свои позиции на северо-запад и соединиться с 26-й бригадой.

Атака Ригли развивалась по плану, несмотря на трудности, вызванные неизвестным минным полем, усеянным минами-ловушками, на пути продвижения 2/13-го батальона и сильным артиллерийским обстрелом района сосредоточения 2/15-го батальона; оба командира и адъютант одного из них были ранены. Вскоре после полуночи батальоны достигли заданных рубежей, начали окапываться и устанавливать мины.

В 26-й бригаде 2/23-й батальон должен был захватить район главной дороги в 2 милях к северо-востоку от заданных рубежей 2/13-го батальона. Надеясь не попасть на мины, 2/23-й батальон решил использовать испытанную тактику и двинулся к заданным объектам на бронетранспортерах и на броне танков 46-го Королевского танкового полка. Но путь наступления оказался очень сложным, пришлось трижды менять направление движения, затем батальон вышел на железнодорожную линию. Луны не было, клубы пыли, сильный артиллерийский и пулеметный огонь очень мешали выдвигению на исходные позиции; кроме того, что на минах было уже потеряно 3 танка.

Атака началась за двадцать минут до полуночи и немедленно остановилась, так как не смогли найти проходы в минном поле, расчищенные 2/17-м батальоном. Проход был найден, и после продвижения вперед на 600 ярдов атакующие порядки попали под сильный огонь противотанковых орудий и пулеметов, а также на рассеянные по местности мины. Пехота попрыгала с танков, и пехотинцы утратили контакт с танкистами. Командир 2/23-го батальона повел в атаку столько солдат, сколько сумел найти: их оказалось около 70, и некоторые потом утверждали, что смогли пройти до железной дороги, прежде чем вынужде-

ны были отступить назад. Танки рассеялись по полю, при этом некоторые наскочили на мины. Наконец, командир понял, что у него осталось всего 12 танков, причем 4 из них принадлежали штабу полка. Он приказал одной танковой роте выслать вперед 3 танка, но в это время он сам и два других офицера были ранены. Взявший на себя командование пехотный полковник приказал отойти и организовать оборону на случай контратаки противника. До рассвета оставалось слишком мало времени, и Моршид решил дать отбой и прекратить атаку. Потери оказались не слишком тяжелыми, а большинство подбитых танков удалось отремонтировать.

Роммель описал эту атаку как нечто исключительное, из ряда вон выходящее. Он воздал должное своей артиллерии, которая сумела остановить продвижение противника после беспрецедентного по ожесточенности яростного шестичасового боя. Сам Роммель провел ночь в пути. Его штаб перемещался в тыл по прибрежной шоссейной дороге. Роммель мучительно размышлял, имеет ли он право отдать роковой приказ об отступлении. Он понимал, что ждать окончательного прорыва британцев равнозначно катастрофе, но в противном случае придется бросить всю обездвиженную пехоту. Поэтому Роммель решил сделать еще одну попытку «упорством и стойкостью обороны заставить противника прекратить атаки». Шанс был призрачным, но ситуация с горючим продиктовала выбор. Если его принудят к отступлению, то он должен будет взять с собой как можно больше танков и оружия. К рассвету он решил, что если давление противника будет очень сильным, то он отведет войска на 50 миль назад, в район Фуки, прежде чем сражение достигнет своего пика.

29 октября — 2 ноября

В то время как Роммель всерьез обдумывал возможность отступления, по другую сторону фронта на всех уровнях командования и власти усиливались сомнения. Битва продолжалась уже шесть ночей и пять дней, но не привела ни к чему, кроме растущих потерь. Находясь в Лондоне, Черчилль, конечно, знал о слухах, циркулировавших в Каире, и страшно нервничал. Новости об отходе новозеландцев с линии фронта, о вытеснении других соединений с позиций потревожили неприятную память о прежних неудачах и о катастрофах Первой мировой войны. Ночью премьер-министр набросал проект суровой телеграммы Александеру и ранним утром 29 октября, подняв с постели Брука, зачитал ее ему. Дело кончилось жестокой перепалкой между ними. Казалось, теперь Черчилль сожалел о назначении Монтгомери и обвинял его в халатности и небрежности. На совместном заседании военного кабинета и комитета начальников штабов, которое было проведено днем и посвящено обсуждению африканских дел, Бруку пришлось защищать Александера и Монтгомери от обвинений в пассивности в течение трех дней и отсутствии контроля за ходом сражения. Брук выразил полную уверенность в успехе и победе, хотя в душе его обуревали сомнения.

Тревога и беспокойство кабинета заставили Александера, Кэйси и Маккрири приехать к Монтгомери утром 29 октября. Неудачное участие 26-й бригады в атаке австралийцев не предвещало ничего хорошего в дальнейшем развитии операции «Суперчардж», для проведения которой был составлен новый план наступательных действий новозеландской дивизии вдоль побережья. Тем не менее

Монтгомери был полон решимости провести операцию и настаивал на этом, несмотря на возражения нескольких офицеров его штаба, включая де Гингана, который считал, что план предусматривает удар по сильнейшему участку обороны противника. Александер и Маккрири разделяли эти сомнения, но они не смогли разубедить командующего армией в правильности его плана, хотя он согласился отложить атаку австралийской дивизии до 30 октября. Позже тем же утром была получена информация, подтверждающая, что против наступающих австралийцев прошлой ночью действовали все три полка 90-й легкой дивизии. Были также получены свидетельства того, что на южном фронте австралийцев разворачивается дивизия «Триест», последний резерв Роммеля. Стало ясно, что исходный план операции «Суперчардж» встретит упорное сопротивление, а его проведение разгадано Роммелем, который вернулся на театр военных действий. Когда де Гинган сообщил эту новость Монтгомери, тот быстро согласился на изменение плана операции. Задача австралийцев не изменилась, они должны были наступать, как было предусмотрено планом, на севере в ночь с 30-го числа, но Фрейберг, вместо того чтобы развивать это наступление через позиции австралийской дивизии, ударит на запад в следующую ночь, поддержанный массированными ударами с воздуха на фронте в 4000 ярдов южнее высоты 29 и к северу от гряды высот «Почка», то есть у северного края исходных позиций хайлендерской дивизии. Наступление должно вывести его к востоку от тракта Рахман, к северу от Тель-эль-Аккакира. Фрейберга поддержит вся наличная артиллерия, его дивизия будет усилена 151-й и 152-й пехотными бригадами и 23-й бронетанковой бригадой. Операция будет проводиться под общим руководством Лиса. Достигнув заданных рубежей, Фрей-

берг создаст заслон, под прикрытием которого к атаке на противника приготовится 10-й корпус. Передовые танковые подразделения должны были выйти на линию существующих передовых позиций к пяти часам утра и пробиваться дальше самостоятельно под прикрытием собственного огня. Если новозеландцы не смогут занять заданные позиции, то 10-й корпус должен сам до рассвета занять позиции вокруг Тель-эль-Аккакира, где надеялись дать финальное танковое сражение, чтобы уничтожить бронетанковые силы Роммеля. После этого Ламсдену предстояло двинуться на северо-запад к станции Газаль, чтобы отрезать силы Роммеля в прибрежном секторе. В тылах противника на ранних этапах операции в течение двух-трех дней должны были на свой страх и риск действовать 2 полка бронетанковых автомобилей. Монтгомери закончил приказ требованием решительного перехвата инициативы, веры в успех наступления и бесстрашия.

Пока британцы переделывали план операции «Суперчардж», 90-я легкая дивизия старалась открыть путь для выхода из окружения 2-го батальона 125-го танкового гренадерского полка, который был отрезан от основных немецких сил успешным наступлением 20-й бригады. В течение дня противник совершил три такие попытки, но они были без особого труда отбиты артиллерийским огнем. Роммель не делал серьезных попыток восстановить положение. Он предполагал, что Монтгомери продолжит крупное наступление, но был занят другими мыслями. Основное внимание немецкий командующий уделял планированию возможного отступления к позициям в районе Фуки. Роммель обсуждал этот план с Вестфалем, когда из ставки итальянского верховного командования пришло сообщение о том, что 2 британские дивизии пересекли впадину Каттара и находятся

в 60 милях к югу от Мерса-Матруха. На следующее утро выяснилось, что это сообщение было абсолютно безосновательным. Этот эпизод не улучшил и без того натянутые отношения с итальянцами, которые были весьма напряженными из-за неудач с поставками топлива. 26 октября воздушной торпедой был подожжен танкер «Прозерпина» с 4809 тоннами бензина на борту. Это было уже восьмое выведенное из строя в течение месяца нефтеналивное судно. 28 октября было получено еще одно неприятное сообщение: был потоплен танкер «Луизано» с 2550 тоннами горючего. Гнев за провал итальянского флота Роммель обрушил на ни в чем не повинную голову генерала Барбасетти, который прибыл к нему с визитом вместо Кавалльеро.

В 30-м корпусе полным ходом шли лихорадочные приготовления к операции «Суперчардж», и впервые за много дней в ночь с 29 на 30 октября на фронте царило затишье. С британской стороны не было активных действий. Монтгомери провел совещание, на котором надо было решить, где найти место для сосредоточения новозеландской дивизии, как развернуть артиллерию, чтобы поддержать наступление в расходящихся направлениях в последующие ночи. Кроме того, надо было решить один болезненный вопрос. Генеральный штаб приказал, чтобы все войска на театре военных действий перешли с летнего на стандартное египетское время в полночь с 31 октября. Стрелки следовало перевести на один час назад. Этой ночью должно было начаться наступление новозеландской дивизии, и командование ожидало путаницы, связанной с переходом на стандартное время. Монтгомери приказал, чтобы в 8-й армии не меняли время до окончания операции. Это позволяло избежать в ней путаницы, но зато добавля-

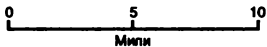
ло ее в других местах. Вся авиация Королевских военно-воздушных сил и железнодорожники базировались вне театра действий 8-й армии. В конце концов было решено во всех распоряжениях по армии указывать время по Гринвичу. На этом же совещании было решено, что Хардинг, оставив у себя в тылу Роддика, начнет движение на север в ночь с 31 октября на 1 ноября; бригаду Кенчингтона отведут в тыл и доукомплектуют; Ли останется в тылу под командованием Уимберли; Ламсден примет командование над остатками дивизии Гейтхауза. 24-я бригада должна была передать свои танки 2-й бригаде (тяжелый удар для бригады в дни ее первого серьезного сражения), силы которой увеличились до 82 танков «шерман» и 72 танков «крусейдер». В бригаде Карри, действовавшей в составе новозеландской дивизии, бронетанковые силы были доведены до 72 «шерманов» и «грантов» и 49 «крусейдеров». У Роммеля к этому времени оставалось 116 немецких и 220 итальянских танков.

В ночь с 30 на 31 октября новозеландцы начали выдвижение в район своего сосредоточения. Фрейберг, будучи в течение ночи у линии фронта, был поражен степенью утомления пехоты, особенно в 152-й бригаде. 151-я бригада также имела мало возможностей для проведения разведки, и Фрейберг с горечью осознал трудности объединения вспомогательных подразделений в бригадах, надерганных из разных дивизий. Артиллерии его собственной дивизии предстояло новое развертывание после того, как она обеспечит наступление австралийской дивизии в ночь атаки новозеландцев. Командир дивизии пришел к выводу, что надо серьезно подумать об отсрочке операции на одни сутки, невзирая на сокращение времени лунного освещения. По зрелом размышлении Фрей-

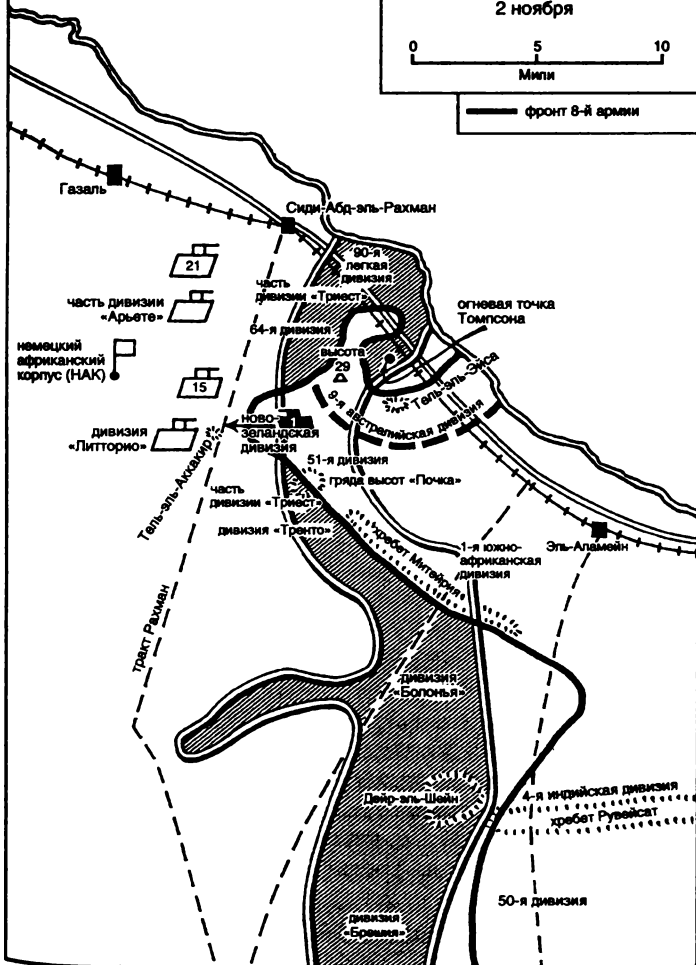
исторические районы, прикрытые
мелкими полями и укреплениями

«СУПЕРЧАРДЖ»

2 ноября

фронт 8-й армии

берг решил, что для подготовки наступления будет мало даже сорока восьми часов, и попросил Лиса отложить наступление до ночи с 1 на 2 ноября. Эта просьба была доведена до сведения командования 8-й армии в двадцать пять минут двенадцатого, но ответа ждали до половины седьмого утра. Скрепя сердце Монтгомери неохотно согласился с решением командира дивизии.

Пока командование обдумывало трудное решение, австралийцы начали атаку, которая не дала ничего по сравнению с атакой, которую провела 26-я бригада Уайтхеда две ночи назад. Первый этап атаки должен был начаться в десять часов продвижением 2/32-го батальона на северо-восток на 2 мили к прибрежному шоссе. В час ночи должна была начаться атака 2/24-го батальона на правом фланге к югу от железной дороги, а на левом фланге атака 2/48-го батальона к северу от нее. Оба батальона должны были наступать на юго-восток вдоль железной и шоссеиной дорог. На двух последних этапах 2/48-й батальон должен был очистить участок к северу от шоссеиной дороги в направлении на северо-восток, а 2/3-й пионерный батальон должен был очистить местность между участком 2/32-го батальона и побережьем.

2/32-й батальон встретил упорное сопротивление, командир и его заместитель были ранены, роты очень тесно держались друг друга. Сосредоточившись на маленьком пятачке, батальон оседлал прибрежную шоссеиную дорогу.

Такая избыточная концентрация сил вызвала задержку продвижения 2/48-го батальона, который столкнулся с яростным сопротивлением огневых точек противника, которые находились за первыми целями батальона по обе стороны от прибрежного шоссе. Огневые точки не были подавлены за пятнадцать минут артиллерийской подготов-

ки. Командир решил, что не стоит откладывать атаку, и начал ее на свой страх и риск. Роты мужественно пошли вперед, несмотря на огонь противника и растущие потери. Однако в четверть пятого командир решил, что атака безнадежна, и отступил на первый из достигнутых рубежей. В строю остались 2 офицера и 72 солдата. Этого было мало для того, чтобы удержать позиции, и командир отвел остатки батальона в расположение 2/32-го батальона.

Задержка получилась и у 2/24-го батальона. Командир не обнаружил следов 2/48-го батальона и решил, что он уже прошел вперед, и приказал своим ротам тоже начать атаку. Все шло хорошо до момента, когда до позиций противника осталось 200 ярдов. Противник встретил батальон сильным огнем. Дальше повторилась та же ситуация, что и с 2/48-м батальоном. 2/24-му батальону пришлось отступить. Его остатки — 1 офицер и 84 солдата — соединились с 2/32-м батальоном.

2/3-й пионерный батальон после множества задержек и разных трудностей в двадцать пять минут пятого пересек исходную линию атаки в расположении 2/32-го батальона, но вскоре был остановлен огнем вражеской артиллерии. После этого роты потеряли связь друг с другом, и долгое время никто не знал истинного положения батальона. Таким образом, на рассвете 26-я бригада (то, что от нее осталось) сосредоточилась на маленьком участке, протянувшемся на 1 милю с севера на юг и на полмили с востока на запад, оседлав шоссе и железную дороги в 2 милях к северо-востоку от ближайших подразделений 20-й бригады и приблизительно в 3 милях к северу от остальных сил дивизии. Положение было таково: главной силой оставался 2/32-й батальон; ослабленные 2/48-й и

2/24-й батальоны развернуты на юго-восток и юг. Судьба пионерного батальона осталась неизвестной.

Атака обескуражила противника, который в это время занимался перегруппировкой сил. 21-ю танковую дивизию немцев сменила на позициях итальянская дивизия «Триест». В семь часов утра 31 октября, когда одна атака была отбита артиллерийским огнем, на соединение с Уайтхедом пошел 40-й Королевский танковый полк без роты «А», которую передали 20-й бригаде. Этот маневр встревожил Роммеля, он немедленно перенес свой командный пункт выше по шоссе к мечети в Сиди-Абд-эль-Рахмане, куда немедленно вызвал генерала фон Тома и его начальника штаба, недавно вернувшегося из Европы Байерлейна. В это время 40-й Королевский танковый полк, потеряв часть своих «валентинов» (включая командирский танк) и подвергаясь непрерывному артиллерийскому обстрелу, силами двух рот по переездам пересек железнодорожную линию. Фон Тома, который встретился с Роммелем в одиннадцать часов (по времени 8-й армии), получил приказ через час атаковать силами 21-й танковой и 90-й легкой дивизий при поддержке пикирующих бомбардировщиков и под прикрытием огня всей артиллерии, которая находилась на этом участке фронта. Когда стало видно, как танки 21-й дивизии в полдень выстраиваются в боевой порядок и начинают движение вдоль железнодорожного полотна, два танковых эскадрона 40-го полка пересекли железную дорогу и пошли на северо-запад против танков противника, поддержанные огнем 6-фунтовых орудий 289-й противотанковой батареи Королевской артиллерии. Ударов с воздуха Королевских ВВС и концентрированного артиллерийского огня оказалось достаточно для отражения атаки немцев, которая возобновлялась еще дважды с ин-

тервалами в два часа. В первом случае вдоль железной дороги прошли 18 танков и вклинились в оборону британцев, прежде чем их удалось отогнать соединенными усилиями танков, противотанковой и полевой артиллерии. Немцы отошли, оставив на поле боя 5 танков и 88-мм орудие. В четыре часа еще 18 танков проползли вдоль путей и дошли до врытых в землю британских танков на восточном фланге, обойдя 40-й Королевский полк с правого фланга и ударив в его тыл. Командир полка в это время отсутствовал, находясь у командира бригады. При возвращении его командирский танк и танк связи были подбиты огнем противотанковых пушек с высоты «Томпсон». Обстановка осложнилась, но поняли это не сразу. Когда из 20-й бригады прислали эскадрон «А», весь полк был уже вынужден отступить к позициям 2/13-го батальона в 2 милях к югу от железной дороги. Потери составили 2 офицера и 35 солдат; кроме того, из строя выбыло большое количество танковых экипажей.

Внимание Лиса в большей степени было приковано к подготовке наступления новозеландской дивизии, нежели к перипетиям вокруг 26-й бригады. Чтобы заставить штабы и подразделения очистить местность от противника, штабам 10-го и 30-го корпусов надлежало принять «строгие меры». В этот вечер командование 8-й армии посчитало, что нет признаков отступления противника. Все ограничилось некоторым уменьшением плотности транспорта на северном участке его фронта. Главные силы немецкого африканского корпуса, как полагали, были развернуты к северу от Тель-эль-Аккакира. 90 легкая дивизия находилась в районе Сиди-Абд-эль-Рахмана. 21-я дивизия, как было установлено,

принимала участие в атаке на 26-ю бригаду. Казалось, все складывается удачно для начала главного этапа операции «Суперчардж». В это же время в штабе африканского корпуса фон Тома и Байерлейн пришли к заключению, что лучшим решением был бы отвод 125-го танкового гренадерского полка, который еще находился в районе точки Томпсона позади 20-й и 26-й бригад, учитывая его потери в тяжелом вооружении. Отход был предпочтительнее, так как позволял избежать дальнейших потерь и сокращения сил, которые нужны будут для восстановления взаимодействия войск. Роммель не согласился с решением и приказал на следующий день возобновить атаки. Это было роковое решение, которое сыграло на руку Монтгомери.

Монтгомери на следующий день 1 ноября провел в восемь часов утра очень важное совещание. На этом совещании был определен час ноль начала операции «Суперчардж». Наступление должно было начаться в пять минут второго ночи. Рубежи, намеченные для пехоты, должны быть взяты без четверти четыре утра. Затем будет пауза продолжительностью два часа, после которой в предрассветной мгле танки Карри выдвинутся вперед на 2000 ярдов под прикрытием заградительного огня к тракту Рахман. Передовые танковые подразделения Бриггса пересекут нынешнюю линию фронта в половине шестого утра и пройдут через позиции Карри без четверти семь. После этого Ламсдену предстоит взять на себя руководство сражением, имея Босвайла на правом фланге, Фишера в центре и Кастенса на левом фланге. Удары военно-воздушных сил должны сосредоточиться на 21-й немецкой танковой дивизии и на 90-й легкой дивизии, а Ламсден будет должен поддерживать тесный контакт со штабом Фрейберга.

Пока шло это совещание, африканский корпус под личным командованием Роммеля готовился возобновить свои попытки выйти к точке Томпсона. Ночью 24-я австралийская бригада Годфри сменила 26-ю бригаду и приняла под свое командование 40-й Королевский танковый полк, в котором осталось всего 16 «валентинов». Эскадрильи немецких пикирующих бомбардировщиков были перехвачены самолетами Королевских военно-воздушных сил в половине девятого, и большая часть машин противника была сбита, прежде чем летчики успели сбросить бомбы. Вероятно, это задержало немецкую атаку, так как противник не наступал до полудня. Сражение продолжалось всю вторую половину дня, немцы предпринимали отчаянные попытки прорвать оборону британцев и соединиться со своими войсками в районе высоты Томпсона, но солдаты и офицеры 24-й бригады и доблестные родезийские артиллеристы из 289-й противотанковой батареи отбивали одну атаку противника за другой. Это продолжалось до тех пор, пока в четверть шестого не произошло прямое попадание в штаб бригады. Сам Годфри был смертельно ранен, трое других старших офицеров убиты и еще двое ранены. Казалось, 24-й бригаде придется отступить к югу от железной дороги, африканский корпус соединится с частями у высоты Томпсона и в течение ночи отойдет.

Однако к этому времени центр тяжести сражения переместился к югу. 151-й бригаде Перси, правофланговой бригаде в полосе наступления новозеландской дивизии, был придан 28-й батальон маори и 8-й Королевский танковый полк с 44 «валентинами». Маори атаквали справа, чтобы защитить фланг, а потом развернулись фронтом на север. Вскоре после пересечения исходного рубежа роты маорийского батальона попали под жестокий огонь противника. Командир батальона получил ранение.

Маори несли большие потери, роты потеряли связь друг с другом, взаимодействие было утрачено. Все мужественно пробивались вперед, невзирая на то что танки, которые должны были их поддержать, так и не появились. К рассвету под командой капитана, который заменил раненого полковника, маори вышли на заданный рубеж, захватив в плен 162 немца и 189 итальянцев, потеряв 33 человека убитыми и 71 ранеными. 8-й даремский легкий пехотный полк, который атаковал в западном направлении на правом фланге, потерял около двух часов, пока его солдат обмундировывали в связи с похолоданием, так как они были в шортах, легких рубашках и свитерах без рукавов. Тем не менее, полк начал атаку по плану и, как было задумано, в половине третьего достиг первых заданных рубежей, хотя потерял в атаке около 100 человек. В полку осталось всего три офицера. Резервная рота пошла вперед и достигла следующего рубежа в четыре часа, взяв в плен 50 итальянцев.

На левом фланге 9-й даремский полк легкой пехоты практически не сталкивался с трудностями и вовремя вышел на заданные позиции, потеряв всего лишь 30 человек. 6-й даремский полк легкой пехоты последовал за 8-м полком и вошел в соприкосновение с противником на правом фланге между 8-м полком и маорийским батальоном, столкнувшись при выдвижении с частями 15-й немецкой танковой дивизии и итальянской дивизии «Литторио», потеряв при этом 7 офицеров и 78 солдат. 8-му Королевскому танковому полку пришлось на первых порах задержаться из-за трудностей, связанных с расчисткой проходов в минных полях, но к рассвету он вместе с пехотой бригады достиг заданных планом рубежей.

На левом фланге наступала 152-я бригада Мюррея из состава хайлендерской дивизии. Для

того чтобы узнавать в темноте своих, на спинах солдат были нашиты белые андреевские кресты. Это были полосы белой ружейной ветоши, прикрепленные клямкам походного снаряжения. На правом фланге 5-й сифортский полк без четверти четыре легко достиг своих заданных рубежей, хотя при этом были ранены командиры двух рот. 5-му камеронскому полку на левом фланге пришлось выдержать жестокую схватку. Кроме того, ему было трудно выдержать верное направление и поддерживать взаимодействие между подразделениями. Свою задачу полк выполнил вовремя, но на рассвете его атаковали неприятельские танки, а противотанковая артиллерия пришла на выручку только в девять часов утра. До этого к камеронскому полку присоединились «валентины» 50-го Королевского танкового полка, а внимание вражеских танкистов было отвлечено наступлением бригады Карри.

Фрейберг согласился с тем, чтобы перенести атаку бригады с без четверти шесть на четверть седьмого, поскольку продвижение проходило с задержками и у командования были сомнения относительно истинного положения дел. При выдвижении 3-й гусарский полк был обстрелян и потерял 12 танков, оставшись с 11 «шерманами», 7 «грантами» и 5 «крусейдерами». Гусары дошли до позиций 9-го даремского полка легкой пехоты в четверть шестого. Королевский уилтширский йоменский полк, наступавший в центре, достиг заданных позиций на четверть часа позже, а уоркширский йоменский полк был на позициях бригады Мюррея без четверти шесть, потеряв на минах 6 танков. Все три полка продвигались с большим трудом из-за темноты и густой пыли.

3-й гусарский полк начал наступление неудачно из-за того, что эскадрон тяжелых танков потерял

управление: командирский танк сразу подорвался на mine. Радиостанция на танке, куда перебрался командир, оказалась в нерабочем состоянии. У эскадрона «А» осталось всего 3 «крусейдера», с которыми пришлось начать атаку. К счастью, на этом участке поначалу противник оказывал слабое сопротивление, и было взято большое число пленных. В полку осталось всего 7 танков, когда он вышел на тракт Рахман, но к этому времени подоспели танки Бэйса.

Королевский уилтширский полк вышел с исходной позиции, имея 8 «шерманов», 10 «грантов» и 15 «крусейдеров». По дороге из строя вышли 11 танков. Передний эскадрон «крусейдеров» достиг заданного рубежа перед рассветом и наткнулся на батарею противотанковых орудий, которые открыли огонь. Танкисты нанесли ответный удар, а потом повернули на юг, где разведка заметила движение неприятельских танков. Танк командира эскадрона был подбит, и остальные танкисты полка не знали, что произошло дальше. К тому времени эскадроны тяжелых танков оказались под огнем, а заградительный огонь переместился далеко вперед. Полк выставил дымовую завесу, и огонь противотанковых орудий стал немного слабее. Полку было приказано держаться любой ценой до подхода 1-й бронетанковой дивизии.

Уоркширский йоменский полк, который начал атаку, имея 38 танков, испытал нечто подобное. Ему также было приказано драться до подхода бронетанковой дивизии, и танкисты оборонялись, стреляя во всех направлениях.

В это время Фрейберг делал все, чтобы заставить поспешить Бриггса. Он позвонил Лису без двадцати пяти минут восемь и доложил, что Кар-

ри несет тяжелые потери: его порядки сильно поределели. Он также сказал, что Фишер продвигается очень медленно, и попросил поторопить его. Лис согласился поговорить с Ламсденом. Три минуты спустя Фрейберг позвонил снова, повторив свою настоятельную просьбу. Не прошло и десяти минут, как он опять позвонил, чтобы сказать, что удалось достичь передовых позиций неприятельской пехоты. Но с севера в его боевые порядки вклинились немецкие танки, и наступление может захлебнуться. Фрейберг считал, что темп наступления уменьшился, поэтому на передовую должен прибыть кто-нибудь из старших офицеров 10-го корпуса. Полчаса спустя Карри потребовал, чтобы Фрейберг заставил Фишера поторопиться, так как его полки, особенно Королевский уилтширский, находятся в отчаянном положении.

Все три полка Фишера, Бэйс на правом фланге, 9-й уланский в центре и 10-й гусарский на левом фланге, уже вступили в бой, хотя и находились еще позади нескольких уцелевших танков Карри. Бригада Фишера выступила с места своего сосредоточения в половине третьего ночи, медленно пробираясь вперед в непроглядном мраке по дорогам, забитым брошенными машинами, которые приходилось убирать с пути. Усугубило положение то, что 10-й гусарский полк взял неверное направление, развернулся и направился назад. Карри жаловался, что Фишер разворачивает свои силы в боевой порядок вместо того, чтобы просто прийти к нему на помощь. В действительности танки Фишера находились не так далеко на западе, как полагали, и им было не так просто развернуться в боевой порядок из трех походных колонн на местности, занятой пехотой. Танки Карри обстреливались из танковых и противотанковых орудий, удачно расположенных на

гряде холмов к западу от тракта. Местность была занята скоплениями войск, окутана дымом от горящих танков, от артиллерийского огня с обеих сторон, к чему можно добавить тучи пыли, взмываемые в воздух гусеницами танков.

Вскоре после этого командование 30-го корпуса оповестило, что можно ожидать атаки 21-й танковой дивизии с севера и 15-й танковой дивизии с запада. Получив это предупреждение, Фрейберг снова переговорил с Лисом в десять часов, сказав, что положение остается неудовлетворительным, так как танковых подкреплений до сих пор нет, а танки, которые находятся на передовой, не имеют возможности двигаться. В это время танки Бэйса выдвинулись вровень с позициями 3-го гусарского полка, а на правый фланг выдвинулись боевые машины 8-го Королевского танкового полка. Спустя сорок минут Фрейберг удостоверился в том, что танки Фишера прошли через позиции потрепанной бригады Карри, который в то утро потерял 70 танков. В Королевском уилтширском полку осталось 2 танка, потери составили 50 солдат и 11 офицеров, включая полковника Гибба, командира полка. Были также ранены командиры всех трех танковых эскадронов. В 3-м гусарском полку осталось 8 танков, а потери составили 15 танков. Потери в живой силе были такими же, как в уоркширском полку, который потерял 24 машины (осталось 7 танков), людские потери составили 36 человек.

Карри и Фрейберг в один голос утверждали, что только быстрый рывок позволит Фишеру прорваться сквозь противотанковый заслон вдоль тракта. Но позиции противника стали сильнее, чем были четыре часа назад, когда Карри постарался сделать решительный рывок, но завяз, понеся тяжелейшие потери.

В немецкой танковой армии эта ночь была выбрана для перехода с немецкого летнего времени на центральноевропейское время. Это вряд ли могло помочь делу, а шансы избежать путаницы уменьшились, когда начался воздушный налет на передовые штабы африканского корпуса, во время которого был легко ранен генерал Тома. Телефонную связь удалось восстановить только к половине шестого, когда главный штаб Роммеля начал, наконец, получать донесения из частей. Поначалу командование полагало, что атакующие войска продвинулись на север дальше, чем это было в действительности. Немцы думали, что сильный удар был нанесен на северо-восток от Сиди-Абд-эль-Рахмана. К четырем часам они узнали о дальнейшем развитии атаки, направленной в левый фланг 15-й немецкой танковой дивизии, но думали, что это второй удар. Без четверти пять был отдан приказ о немедленном начале атаки силами обеих танковых дивизий. 21-я дивизия должна была двигаться на север, по направлению к Сиди-Абд-эль-Рахман, чтобы отразить предполагаемый удар. При первых лучах восходящего солнца командование африканского корпуса поняло истинное положение, хотя детали его были еще не ясны. Африканский корпус не имел связи с Рандовом и через танковую армию получил приказ остановить 21-ю дивизию. Шпонек со своей 90-й легкой дивизией теперь подчинялся непосредственно Роммелю, чтобы освободить Тома для руководства контратакой. Тома прибыл в штаб Ферста, командира 15-й танковой дивизии, в четверть девятого. После этого было решено, что 21-я дивизия атакует выступ с севера, в то время как 15-я дивизия, отобрав у дивизий «Литторио» и «Триест» все имеющиеся в наличии итальянские танки,

должна ударить по выступу с запада. Атака не могла начаться раньше одиннадцати, но к этому времени должна была появиться долгожданная 2-я бронетанковая бригада.

Монтгомери знал о неразберихе, царившей «по ту сторону холма». В половине восьмого он покинул свой штаб и отправился в штаб Лиса, который теперь находился к юго-западу от Тель-эль-Эйсы. Командующему нарисовали обнадеживающую картину. 30-й корпус выполнил все поставленные перед ним задачи. Его правый фланг, развернутый фронтом к главным силам Роммеля, был надежно прикрыт. Было ясно, что план прорыва 10-го корпуса на запад уже сталкивается с серьезным сопротивлением, которое хотя и нарастало, но не переходило в контратаку. Южный фланг казался местом наиболее вероятного развития успеха. Здесь в тылу неприятеля в пустыне вырвались два эскадрона броневедомостей Королевских танковых полков, оборона противника там выглядела достаточно слабой. Командир одного из эскадронов так описал происходившее военному корреспонденту:

«Мы покинули наше расположение и одной колонной прошли по проходу в минном поле. Противник не сделал по нам ни единого выстрела. Препятствием на пути нашего продвижения стало 88-мм орудие, на позиции которого было множество мертвых немцев. Одна или две машины упали в траншеи, но их удалось вытащить, и с рассветом они сумели нас догнать. Противник был слишком ошеломлен, чтобы предпринять какие-то действия по пути нашего движения, а может быть, итальянцы думали, что мы немцы, а немцы полагали, что мы итальянцы. Они энергично махали нам флагами со свастикой, а мы отвечали им криками «Achtung!» и

знаками, которые, как мы думали, помогут нам проехать через их позиции. Когда стало светлее, враги в изумлении не могли поверить своим глазам. Они пялились на нас с близкого расстояния, рассматривали наши береты, отбегали на несколько шагов, не веря, что это правда, а потом возвращались назад, чтобы лучше нас рассмотреть.

Мы проехали в 10 ярдах от целой батареи их полевых орудий. В самом конце их позиции мы натолкнулись на немцев, стоявших у своих пушек. Один из них вдруг понял, что мы британцы, и отбежал на несколько ярдов, чтобы сообщить об этом другому. Потом они оба смотрели на нас, не веря своим глазам.

Когда наступил рассвет, мы проехали мимо человека, который лежал в кровати. По множеству машин и всякого снаряжения вокруг него мы заключили, что это итальянский квартирмейстер. Мы разбудили его осветительной ракетой, пущенной в одеяла. Он побил все рекорды по прыжкам из положения лежа. В один из его грузовиков мы бросили ручную гранату. На грузовик граната подействовала самым удовлетворительным образом, но взрыв испугал заместителя нашего командира, который не видел, как мы бросили гранату.

Проехав мимо множества траншей и артиллерийских позиций, мы увидели нечто похожее на штаб. Грузовики были вкопаны в землю, а вокруг было полно спящих солдат. Они очень удивились, когда, проснувшись, увидели, как один за другим начинают дымиться их грузовики. Тем временем мы продвинулись на несколько миль в глубину их тыла; их изумление было таким сильным, что они не сделали ни одного выстрела. Стало совсем светло, наступил день, и когда мы обнаружили скопление колесного транспорта, началась наша работа по его уничтожению. За пятнадцать минут

два эскадрона уничтожили до 40 грузовиков, просто стреляя по бензобакам и бросая спички в течь. Экипажи грузовиков, не сумев бежать, бросились к немецким машинам с бензином. Некоторые солдаты лезли на итальянские машины, в кузовах которых были установлены пушки «Бреда», но мы согнали их оттуда. Немцы в панике бросились от своих машин к траншеям. У нас не было времени брать пленных. Мы просто отобрали у них оружие и велели идти на восток. Тех, кто отказывался это сделать, мы расстреливали, но отказывались очень немногие. В большинстве своем они не знали, как услужить нам, и с готовностью помогали нам сливать топливо из машин и цистерн. Итальянцы просили о лучшем отношении. Мы объяснили, что не можем забрать с собой их всех, но сняли сливки, уехав к своим с полковником и двумя майорами, которые так цеплялись за жизнь, что с удовольствием сели возле стволов наших 2-фунтовых пушек».

Монтгомери решил извлечь пользу из слабости, которую противник обнаружил на юге. Ламсден приказал Кастенсу начать движение на юго-запад, обойдя с южного фланга позиции Фишера, а не проходя сквозь них; приказ был отдан после половины одиннадцатого. Во второй половине дня 30-й корпус должен был атаковать «Скрягу», или высоту 38, небольшую возвышенность в миле к юго-западу от новых позиций 2-го сифортского полка на правом фланге бригады Мюррея. Кроме того, в качестве пехотного резерва корпусу придавалась 5-я индийская бригада, которую этой ночью отвели в тыл. Чтобы развить успех, Хардинг должен был под командой Ламсдена двигаться вперед с максимально возможной скоростью, при благоприятном стечении обстоятельств пройти сквозь южный фланг выступа в 8 милях к западу от Сиди-Абд-эль-

Рахмана. Роддик должен был двигаться на север на соединение с Ламсденом. Его бригаду предполагали использовать для развития успеха, пробив «окно» на юг в позициях противника следующей ночью. Приняв эти решения, Монтгомери в полдень вернулся в свой штаб.

Тем временем яростное сражение разгоралось вдоль тракта Рахман. Фишер пришел к выводу, что наступление невозможно, так как его танки наталкивались на танки противника и его противотанковые орудия, в особенности на северном и северо-западном направлениях, не говоря о непрерывном обстреле, который вела полевая артиллерия. Это было самое жаркое и продолжительное из танковых сражений за всю кампанию. Почти два часа — с одиннадцати до тринадцати — африканский корпус повторял попытки оттеснить 2-ю бронетанковую бригаду, которая, стоя на месте, вела непрерывный огонь из танковых пушек, поддерживаемая артиллерией и налетами эскадрильи легких бомбардировщиков. Роммель жертвовал противовоздушной обороной, чтобы укрепить противотанковую артиллерию, и собрал все 88-мм орудия, которые оказались в пределах досягаемости. Их число было доведено до 24, прежде чем британцы начали одно за другим уничтожать их. Особенно сильно страдали итальянские танки, офицеры итальянских танковых частей не могли навести порядок в своих подразделениях и держать фронт. В начале второй половины дня Роммель и Тома поняли, что их атака провалилась. Приказав африканскому корпусу повторить атаку в два часа дня, Роммель решил отвести к северу большую часть дивизии «Арьете», которая еще находилась на юге вместе с большей частью артиллерии, практически лишив южный участок фронта всех резервов. Он также решил, что наста-

ло время сократить фронт в прибрежном секторе и отойти по направлению к Сиди-Абд-эль-Рахману.

Пока Фишер и Тома продолжали изматывать друг друга, была сделана попытка двинуть бригаду Кастенса на юго-запад. Потребовалось некоторое время для того, чтобы высвободить его танки из дуэли с атакующими танками 15-й немецкой дивизии. Когда в полдень бригада начала продвижение, то вскоре натолкнулась на заградительный огонь противотанковой артиллерии и в течение дня не смогла сдвинуться с места, потеряв 6 «крусейдеров» и сообщив об уничтожении 11 неприятельских танков. На левом фланге в тылу бригады Уимберли готовился к атаке на «Скрягу», которую предполагалось провести силами 2-го сифортского полка и 50-го Королевского танкового полка при сильной артиллерийской поддержке. Время ноль, назначенное на четыре часа, перенесли на шесть часов, потом на шесть тридцать, затем на пятнадцать минут назад, что немало смущало артиллеристов. Все, однако, работало как отлаженный часовой механизм. Пехота потерь не имела, танкисты потеряли 4 «валентина»: два на минах, два от огня противотанковой артиллерии. Было взято 100 пленных из дивизии «Триест». На высоте «Бекас» в плен сдались еще 60 человек, раньше, чем 5-й Королевский суссекский батальон начал штурмовать эту высоту.

Генерал Тома, потерпев неудачу в проведении повторной атаки, приказал снова атаковать северный фланг выступа на исходе дня силами танкового гренадерского полка 21-й дивизии, но, кажется, этот замысел не был приведен в исполнение. В африканском корпусе осталось 35 исправных танков, которые расстреляли практически все боеприпасы. Роммель принял судьбонос-

ное решение отступить к Фуке в 60 милях к западу, оттянув за ночь свои войска на южном участке на старую линию от Карет-эль-Абда до Гибель-Калаха. На севере мобильные соединения, африканский корпус, 20-й корпус и 90-я легкая дивизия, должны были оказывать сопротивление продвижению 8-й армии, медленно отходя в течение дня к линии, идущей к югу от Дабы в 20 милях к западу, а пехота будет отступать в пешем строю или на любом транспорте, который окажется в ее распоряжении.

Роммель доложил о своем решении в ставку Гитлера, указав, что его армия измотана морально и материально, поэтому нельзя надеяться на упреждение прорыва противника, который неизбежно произойдет на следующий день. Он спасет то, что еще можно спасти, но нехватка топлива и транспорта сильно ограничивает возможность действий. Ночью Роммель написал жене письмо, окрашенное фаталистическими нотками. Вряд ли оно могло обрадовать адресата:

«3 ноября 1942 года.

Дорогая Лю,

сражение обернулось для нас тяжелым испытанием. Мы попросту раздавлены массой противника. Я делаю попытку спасти часть армии. Не знаю, насколько успешно это у меня получится. Ночами я лежу с открытыми глазами и изо всех сил напрягаю свой мозг, стараясь придумать, как вывести из западни мои несчастные войска.

Нам предстоят трудные дни; вероятно, самые трудные, какие только могут выпасть на долю человека. Счастливы мертвые, для них все это закончилось. Я все время думаю о тебе с сердечной любовью и признательностью. Возможно, все будет хорошо и мы с тобой еще увидимся».

Глава 11

ПРОРЫВ

3—7 ноября

К заходу солнца 2 ноября Бриггс не продвинулся вперед ни на шаг, но утверждал (возможно, это соответствовало действительности), что уничтожил 62 вражеских танка, потеряв лишь 10 своих. У Фишера оставалось около 100 танков, в бригаде Кастенса — 86 танков. Сзади к ним вплотную приблизился Хардинг, у которого было по меньшей мере столько же машин в бригаде Робертса.

План Ламсдена заключался в следующем: Фишер и Кастенс в течение ночи продвигаются в западном направлении на 5 миль, Босвайл в это время поворачивает к югу, пересекая тракт Рахман, а Хардинг начинает наступление на восходе солнца. Этот план был изменен, вероятно по настоянию Монтгомери, и стал менее дерзким. Этой ночью задачей Босвайла была атака и захват местности к северу от Тель-эль-Аккакира, который в тот день был целью наступления Бриггса. В случае успеха через захваченные позиции должны были пройти Фишер и Кастенс, а утром за ними — Хардинг. В дальнейшем предполагалось двинуть вперед другие Королевские танковые полки и 4-й южноафриканский броневтомобильный полк. В 30-м корпусе следовало произвести сложную перегруппировку с целью высвободить новозеландцев и большие силы пехоты для наступления.

Это последнее изменение давало злосчастной 7-й моторизованной бригаде слишком мало времени для подготовки атаки, которая должна была начаться в четверть второго ночи. В результате был составлен весьма хаотичный план, обеспечивавший недостаточную артиллерийскую поддержку; при этом каждому батальону предстояло действовать

более или менее самостоятельно, а самая важная задача была поставлена стрелковой бригаде, которой предстояло пройти 1 милю к западу от позиций, на которых простоял целый день 9-й уланский полк, к тракту Рахман, а потом пройти еще 1 милю. На левом фланге 2/6-й батальон должен был захватить гряду Тель-эль-Аккакир, пройдя 2000 ярдов к западу от юго-западного угла выступа, удерживаемого бригадой Мюррея. В центре 7-я стрелковая бригада должна была наступать к тракту без артиллерийского прикрытия, исходя из ошибочного допущения, что ей предстоит занять местность, которую до этого целый день удерживало другое британское подразделение.

2-я стрелковая бригада вскоре втянулась в тяжелые бои с противником, оседлавшим тракт сильно укрепленными позициями. Бригада не смогла выдвинуть вперед противотанковые орудия и прорвалась к позициям противника, потеряв 60 человек, в том числе 7 офицеров. Грунт оказался слишком твердым, что затрудняло окапывание, а в тылу стали появляться вражеские солдаты. Пирсон испросил и получил разрешение отступить на исходную линию. То же самое случилось и с соседом — 7-м батальоном, который встретил ожесточенное сопротивление на самом тракте. Силы батальона начали таять. Некоторое время ситуация оставалась запутанной, но и здесь дело кончилось отступлением на исходные рубежи. На левом фланге 2/60-й батальон начал неудачно, так как его командир ошибочно решил, что час ноль отложен на один час. Артиллерийская подготовка, начавшаяся вовремя, застала батальон врасплох и далеко позади огневого вала. В результате в составе поредевшего батальона осталось только две моторизованные роты. Они не смогли подойти к тракту ближе чем на 500 ярдов

и окопались, а утром обнаружили, что их позиция превосходно просматривается с возвышавшегося по соседству Тель-эль-Аккакира. Почему-то Бриггс был уверен, что эта гряда уже захвачена, и пребывал в этом заблуждении в течение целых двенадцати часов, что оказало самое неблагоприятное воздействие на все события этого дня.

Узнав, что два батальона потерпели неудачу, Ламсен приказал Бриггсу послать Фишера вперед, на соединение с 60-м полком в районе Тель-эль-Аккакира, а Кастенсу поставил новую задачу: наступать на юг. Обе бригады начали осторожно продвигаться в предрассветной мгле, но ни одна не смогла пройти далеко вперед. Они выпустили большое количество снарядов по противотанковым орудиям противника, расположенным за небольшим возвышением позади тракта, и уничтожили многие из них. Потери были небольшими. «Шервудские бродяги» на крайнем правом фланге Кастенса совершили безуспешную атаку на гряде и потеряли 1 танк, а стаффордширский йоменский полк потерял 3. Единственным результатом этой атаки стало ложное донесение, на основании которого командование решило, что войскам удалось закрепиться на западе от тракта Рахман.

В половине десятого Монтгомери вызвал к себе корпусных командиров. Он уже чувствовал, что Роммель находится на пределе сил, и рассматривал южную сторону выступа как подходящее место для осуществления прорыва. Пока шло совещание, пришло сообщение о взрывах на фронте 13-го корпуса и отступлении противника на этом участке. Эти сообщения вместе с ложным донесением об успехе 10-го корпуса создали впечатление ослабления сопротивления противника

по всему фронту. Монтгомери решил, что Уимберли, усиленный 5-й индийской бригадой, должен этой ночью совершить глубокую атаку в юго-западном направлении и, кроме этого, нужно сделать еще одну попытку выпустить в тылы противника броневые автомобили.

В главном штабе противника холодный рассвет заставил Роммеля понять, что его рапорт вряд ли будет одобрен его начальниками в Берлине. Поэтому он решил послать своего адъютанта лейтенанта Берндта на доклад к Гитлеру лично. Берндт должен был добиться полной свободы действий и объяснить план Роммеля, предусматривавший арьергардные бои до момента, когда будут получены подкрепления, достаточные для разгрома противника, или, если таких подкреплений не будет, отвести армию в такое место, откуда ее можно будет с наименьшими потерями эвакуировать через Средиземное море. Сделав это, Роммель направился по прибрежному шоссе в свой штаб на передовой, удивленный тем, что Королевские ВВС еще не бомбят транспорт (по большей части итальянский), скопившийся на дороге.

Прибыв в штаб, он вызвал к себе Тома и Байерлейна, которые сообщили командующему, что 8-я армия не предпринимает серьезных попыток атаковать африканский корпус, в котором осталось всего лишь 30 танков. Напротив, 8-я армия занята перегруппировкой сил, пополнением личного состава и техники, ограничив свою активность небольшими атаками. Удивленный и обрадованный Роммель решил воспользоваться предоставленной противником передышкой и приказал большей части итальянских подразделений начать отход. Вскоре это привело к созданию скоплений и пробок транспор-

та на дорогах, чем не замедлила воспользоваться британская авиация. Когда Роммель отправился обратно в свой главный штаб, в его машину едва не попала британская бомба. Вскоре после возвращения в штаб, в половине второго по времени немецкого корпуса, что для 8-й армии соответствовало половине четвертого, Роммель получил ответ Гитлера на рапорт, составленный предыдущей ночью:

«Фельдмаршалу Роммелю.

С упованием и верой в ваше руководство и мужество германо-итальянских войск немецкий народ и я следим за героической борьбой в Египте. В том положении, в котором вы находитесь, не может быть иного выбора, кроме стойкости. Вы не имеете права уступить врагу ни пяди земли. Ваш долг — бросить в бой каждое орудие и каждого солдата. Значительные военно-воздушные силы будут посланы главному командованию «Юг», и вы получите пополнение в самолетах. Дуче и верховное командование итальянской армии делают все, что в их силах, чтобы снабдить вас необходимыми для продолжения сражения средствами. Ваш противник, несмотря на его превосходство, также исчерпывает свои последние силы. Не первый раз в истории сильная воля восторжествует над более многочисленными батальонами. Что касается ваших войск, то вы не можете дать им иного приказа, кроме как победить или умереть».

Это был ошеломляющий удар. Роммель впал в фаталистическую апатию и отменил приказ об отступлении. Это была нелегкая задача, особенно в отношении 10-го корпуса на южном участке фронта, так как корпус и без того попал в трудное положение из-за действий британцев в его тылах. Берндт еще не отбыл. Он уедет вечером с письмом Ромме-

ля, и если Гитлер останется при своем мнении, то окончательный разгром танковой армии — вопрос нескольких дней, а приказ уже причинил «огромный вред». Можно было только посочувствовать бедняге Бернду в его неблагоприятной миссии.

Пока немецкая танковая армия пыталась вернуть свои порядки, Уимберли готовил удар, который должен был закончиться окончательным прорывом немецкого фронта. На первом этапе предстояло атаковать силами 5/7-го гордонского полка и 8-го Королевского танкового полка перед наступлением темноты в юго-западном направлении от «Скряги» в 2 милях южнее Тель-эль-Аккакира. В половине второго ночи 5-я индийская бригада Рассела должна была начать наступление от восточной оконечности «Скряги» и через 4 мили выйти к тракту в 3 милях к югу от гордонского полка. А на рассвете 7-й аргайлский полк должен был взять Тель-эль-Аккакир.

Первой атаке должны были предшествовать интенсивные воздушные налеты на тракт, сама атака должна поддерживаться значительной артиллерийской подготовкой. Когда об этом услышал Бриггс, который все еще без всяких оснований полагал, что 60-й полк и 8-я бронетанковая бригада находятся впереди, он был готов проклясть небо и землю, будучи уверенным, что бомбы и снаряды неизбежно обрушатся на головы солдат этих частей. Действительно, воздушный налет мог повредить бронетанковой бригаде; ее южный полк попадал под край огневого вала артиллерийской подготовки. Картина, которую Бриггс представил Уимберли, не соответствовала действительности, но заставила Уимберли приказать своим войскам в последний момент изменить план, заставив подразделения наступать без поддержки; пехота должна была наступать на броне танков, а танкисты с большим скепсисом от-

неслись к основаниям изменения планов атаки. В первые двадцать минут все шло хорошо, но когда дым рассеялся, противник открыл интенсивный огонь из противотанковых орудий и пулеметов. Пехоту смело с танков, которые продолжили движение на заход солнца. Солнце било танкистам в глаза, и они были не в состоянии разглядеть вспышки выстрелов противотанковых пушек. Было потеряно 20 танков, 27 человек, из них 7 офицеров. Гордонский полк, потерявший более 90 человек, окопался в 1000 ярдах позади сифортского полка, в тылу которого остались уцелевшие танки.

Начало атаки Рассела не предвещало ничего хорошего. Только в полдень бригада получила приказы, выработанные на совещании в штабе Лиса. К счастью, на этом совещании присутствовали командир и начальник артиллерии новозеландской дивизии, и было принято решение о проведении массированной, но упрощенной артиллерийской подготовки. При этом девяти полкам полевой артиллерии предстояло выпустить всего 37 200 снарядов, а двум полкам средней артиллерии, выстрелы которой могли достичь целей в глубине обороны противника, надлежало сделать 4352 выстрела.

Чтобы дойти до исходной линии атаки, батальонам пришлось пройти долгий путь. Командир 1/4-го эссекского батальона, шедшего на правом фланге, отыскал свое подразделение с помощью разведчиков и сообщил приказ в четверть восьмого. 3/10-му батальону предписывалось идти на левом фланге, но командир не мог отыскать своих подчиненных. 6-й раджпутанский стрелковый батальон должен был остаться в резерве. За полчаса до полуночи несчастный командир 3/10-го батальона, которому удалось собрать едва ли половину своего личного состава, полу-

чил приказ занять свое место на левом фланге. Если командование хотело, чтобы войска достигли заданных рубежей к рассвету, то время начала атаки нельзя было откладывать больше, чем на один час. В половине третьего атака началась, и все пошло как по маслу, несмотря на трудности, связанные с участками мягкого песка на пути наступления.

Эссекский батальон взял в плен 100 человек из состава танкового гренадерского полка Ферста при выдвижении и еще 80 человек на последнем рубеже, которого они достигли раньше времени в десять минут восьмого. Другие два батальона не встретили никакого сопротивления. Раджпутанские стрелки выдвинулись вовремя, хотя их оставшие роты присоединились к батальону только во второй половине дня, а 3/10-й батальон прибыл к заданным позициям около девяти часов. При первых лучах солнца 7-й аргайлский полк без единого выстрела захватил Тель-эль-Аккакир.

Представляется, что Роммель ничего не знал об этих событиях, пребывая под впечатлением полного бездействия Монтгомери. Ночью Роммель отвел африканский корпус на 6 миль к северо-западу, вернув 90-ю легкую дивизию в район станции Газаль на левом фланге. На правом фланге находился 20-й корпус де Стефаниса, которому были переданы дивизия «Арьете» с остатками дивизий «Литторио» и «Триест». Южнее находились дивизия «Тренто», бригада Рамке и 10-й корпус (вернее, то, что от него осталось) под командованием генерала Ноббиа, который заменил генерала Орси, убитого за несколько дней до начала сражения. Роммель провел дурную ночь. Скопления транспорта подвергались нескончаемым налетам, и многие машины были брошены. Рано утром к Роммелю прилетел Кессельринг и

встретил не самый теплый прием. Роммель вообразил, что приказы Гитлера были основаны на оптимистических докладах командования люфтваффе, и направил весь гнев на своего несчастного начальника. Все еще кипя негодованием, Роммель отбыл в штаб генерала Тома.

Весь предыдущий вечер Монтгомери отдавал приказы для подготовки прорыва. Австралийцы из состава 30-го корпуса очистили «карман» к востоку от Сиди-Абд-эль-Рахмана. Фрейберг, усиленный бригадой Роддика, должен был как можно скорее взломать фронт немцев и двигаться в направлении Сиди-Ибейда в 10 милях юго-западнее заданных рубежей Рассела, готового выдвинуться, чтобы блокировать отступление Роммеля к Фуке. Уимберли должен был сменить Рассела у Сиди-Ибейда. Главной задачей Ламсдена были действия в северном направлении и очистка прибрежного участка фронта. Бриггс должен был повернуть на Тель-эль-Аккакир, имея целью захват местности в 3 милях юго-восточнее станции Газаль, а Хардинг в это время, развернув свой южный фланг, должен был наступать на саму станцию Газаль, где ему предстояло перерезать прибрежное шоссе. Королевским военно-воздушным силам надо было сконцентрировать свои усилия на шоссе на дороге к западу от линии фронта в ночное время и дальше на запад днем. Проводились также приготовления к немедленному проведению операции «Картечь». Главный штаб Гарднера, 8-я бронетанковая дивизия с 68 «валентинами» 23-й бронетанковой бригады, 5-й Королевский конный артиллерийский полк, батальон моторизованной пехоты и пулеметный батальон, саперы, легкие зенитные орудия и противотанковая артиллерия должны были сосредоточиться у станции Га-

заль так быстро, как это позволит обстановка. Под прикрытием крупных сил Королевских ВВС колонна из 160 грузовиков вслед двум полкам броневедомостей, которые уже оперировали в тылах Роммеля, должна была двинуться на Тобрук, чтобы взять его до того, как противник организует его оборону. Часть этих сил должна была задержаться по дороге, чтобы оборудовать посадочную полосу для самолетов в наиболее удобном месте. Проблема заключалась в том, чтобы решить: двигаться по прибрежному шоссе или пустыне. Если принять последний вариант, то понадобится тяжелый транспорт и скорость движения снизится. Решение предстояло принять после сосредоточения всех сил у станции Газаль, что планировалось закончить ранним утром 5 ноября.

Согласно исходному плану Ламсдена Хардинг должен был проложить путь, взломав оборону противника в юго-западном направлении наступающей ночью, создав условия для атаки Уимберли. Бриггсу предстояло последовать за ним вскоре после рассвета, пройдя к югу от Тель-эль-Аккакира, а потом повернув на северо-запад. После этого он при необходимости поможет Хардингу или пойдет прямо на Фуке. Кастенс останется, чтобы соединиться с Гейтхаузом, который должен был следовать за Бриггсом, как только артиллерия освободится от сопровождения наступления Уимберли. В середине ночи Ламсден изменил свои приказы, чтобы привести их в соответствие с приказами Монтгомери; при этом Бриггс получил очень расплывчатый приказ «наступать, чтобы обойти противника с фланга». Согласно этому измененному плану Кастенс, перейдя под начало Гейтхауза, должен был наступать на левом фланге Бриггса и заполнить брешь между ним и Хардингом.

Действуя по этим приказам, Фишер приготовился к движению на рассвете, но не стал идти вперед из-за густого утреннего тумана. Когда туман рассеялся, а произошло это без четверти восемь, бригада осторожно двинулась вперед, ведомая броневыми автомобилями 12-го уланского полка. Следом за бригадой наступали танки самого Бриггса. Командирская машина была подбита и вышла из строя в десять утра, когда танки бригады вышли к аррьергарду африканского корпуса. 21-я танковая немецкая дивизия держала фронт, протянувшийся с востока на запад в 3 милях северо-западнее Тель-эль-Аккакира, правый фланг ее упирался в левый фланг 15-й танковой дивизии, линия обороны которой была направлена на юг. Наступление Фишера было направлено точно в стык между этими немецкими танковыми дивизиями, и, когда давление британцев усилилось, Тома бросил на передовую роту охраны своего штаба. К полудню немецкие позиции стали ненадежны, так как вышла из строя большая часть танков и противотанковых орудий, а охрана штаба была уничтожена, несмотря на ее попытки удержать Тель-эль-Мампсру, ключевой пункт немецкой обороны. Танк самого Тома был подбит, и он сдался в плен капитану Гранту Синджеру, командиру 10-й разведывательной роты 10-го гусарского полка, а Байерлейн спасся пешком, выйдя через два часа к своему штабу, где доложил Роммелю о происшедшем. Этим же вечером Тома обедал у Монтгомери и выразил надежду, что Роммель предпримет еще одно наступление с рубежа Агейлы.

Сам Роммель в это время был озабочен положением дел на своем правом фланге, где на юге и юго-востоке были видны огромные клубы пыли; затем выяснилось, что британцы прорвали линию

обороны в центре. Де Стефанис сообщил ему, что 20-й корпус испытывает сильное давление со стороны более 100 тяжелых британских танков, которые обошли его правый фланг.

Первая угроза исходила от Роддика и новозеландцев, а вторая — от Хардинга. Его «Крысы пустыни» начали наступать вскоре после пяти часов вечера накануне и расположились лагерем в выступе в восемь часов, не нарушая походного порядка. Должны были возобновить движение без четверти три, чтобы пройти сквозь боевые порядки 5-й индийской бригады, но это выдвижение откладывалось дважды, чтобы дать индийцам выполнить их задачу. В половине седьмого выдвижение началось. Впереди шел 11-й гусарский полк, но густой туман и мягкий песок замедлили темп движения, так что только в половине девятого они прошли через расположение бригады Рассела. Вскоре после этого была замечена крупная колонна противника, в погоню за которой бросился Робертс. Хардинг приказал ему не задерживаться из-за относительно небольших сил противника, которые сопровождала дюжина итальянских танков, а ударить по ней сбоку или обойти. Последовала беспорядочная схватка, во время которой Робертс попытался одним рывком перебросить свои полки на левый фланг. Сопротивление противника оказалось на редкость упорным: он использовал 88-мм противотанковые орудия. В час дня сопротивление ослабло, и Робертс повернул к югу, прежде чем возобновить движение в западном направлении. Через 6 миль он снова встретил танки противника и противотанковые орудия, и сражение возобновилось. Бой продолжался до темноты. В ходе боя была пол-

ностью окружена и перестала существовать дивизия «Арьете», мужеству солдат которой воздал должное сам Роммель. Бригада Робертса уничтожила 29 итальянских танков и взяла 450 пленных, потеряв при этом 1 легкий танк и практически не имея потерь в людях.

В это же самое время шотландский полк «Серых» в составе бригады Роддика завершил уничтожение итальянской артиллерийской батареи в нескольких милях к югу. Чтобы выйти на исходные позиции и оказаться в авангарде новозеландской дивизии на рассвете, им пришлось сосредоточиться в районе расположения 10-й дивизии. Казалось, высшее командование не прилагает никаких усилий, чтобы предупредить путаницу, которая могла возникнуть из-за того, что несколько дивизий стараются наперегонки пройти через бутылочное горлышко узкого выступа. Это было бы трудно сделать даже под началом одного корпусного командира. Но корпусов было два, их действия не были согласованы, что порождало хаос. Нет другого слова для описания того, что творилось в ту темную ночь в море пыли. Машины двигались в разных направлениях, выбирая подходящие дороги; совершали непонятные маневры перед носом друг у друга, появляясь из непроглядного мрака и поднимая тучи пыли. Неудивительно, что бригада отстала от графика наступления на четыре часа, а передовые бронемашины 2-го дербиширского йоменского полка добрались до Тель-эль-Аккакира только в четверть девятого. Они застряли там на два часа, пока Фрейберг выбирал путь движения, который не совпадал бы с маршрутом другого соединения. К этому времени бригада Робертса ушла на запад от тракта Рахман; Роддик отправился на юг, а затем повернул к западу, чтобы пересечь тракт на 2 мили южнее

места, где это сделал Робертс. Срезав угол и спова двинувшись на юг, он сумел избежать боя, который продолжался на севере, и двигался в хорошем темпе до захода солнца. Тогда он устроил лагерь, пройдя 15 миль, и на таком же расстоянии к югу от Дабы. «Серые» присоединились к нему в полночь после успешного боя на правом фланге, где им удалось уничтожить 11 орудий и взять 300 пленных. Остальная часть дивизии Фрейберга продолжала топтаться на своих исходных позициях.

В полдень Ламсден понял, что Фишер столкнулся с сильным сопротивлением противника. Робертс уже был очень близко от его левого фланга, и не было никакого смысла отправлять туда Кастенса, чтобы он занял стык между бригадами Робертса и Фишера. 8-я бронетанковая бригада заняла позицию близ Тель-эль-Аккакира, и Кастенс получил приказ выйти на тракт в направлении на юг, а потом повернуть на юго-запад. Он должен был обойти фланг Хардинга в течение ночи и к рассвету достичь Дабы, внося свою лепту в перекрестные передвижения войск. Кастенс не смог начать движение до половины пятого: сосредоточение было задержано налетом немецких пикирующих бомбардировщиков. Поэтому он остановился на закате в 3 милях к западу от тракта, в 2 милях к юго-востоку от Робертса, в 10 милях к востоку от Роддика и всего лишь в миле от «Серых», которые в это время добивали итальянскую батарею.

Этим вечером Роммель понял, что имеется реальная опасность окружения противником, который имел двадцатикратное превосходство в танках. Не было больше смысла стараться выполнить приказ фюрера. Обсудив положение с Бай-

ерлейном, который взял на себя командование африканским корпусом, он отдал приказ в половине шестого (по времени 8-й армии) начать немедленное отступление. Приказ очень сильно напоминал клич «sauve qui peut» (спасайся, кто может), и было ясно, что шанс спастись имеют только моторизованные подразделения. Все искали машины и немедленно уезжали.

Монтгомери надеялся перехватить танковую армию немцев до того, как она сумеет ускользнуть. Согласно его плану Фрейберг должен был продолжать наступление на Фуку, а Кастенс в направлении на Галаль, расположенный между Фукой и Дабой. Оба должны были наступать ночью, а Бриггс и Хардинг по приказу оставались на своих местах. Но в течение ночи эти приказы были изменены, так как летчики Королевских ВВС сообщили о скоплении транспорта по всему пути от Дабы до Фуки. Ламсдену предстояло совершить рывок силами Королевских танковых полков и 4-го полка броневедомостей южноафриканской дивизии, чтобы задержать противника на рубеже Фуки.

В действительности ни Фрейберг, ни Кастенс не сдвинулись с места. Бригада Киппенберге-ра присоединилась к Роддику; Фрейберг намеревался выступить в одиннадцать часов ночи, но 6-я бригада «Джентри» и часть дивизии безнадежно отстали от основных сил. Выдвижение откладывалось из-за страшной неразберихи и скопления войск на пяточке выступа, некоторые части так и не начали движение вплоть до наступления темноты. Ночное движение по чужой пустыне, где все еще передвигались части противника, было довольно медленным занятием. Решимость Фрейберга сосредоточить дивизию перед выступлением усилилась после получения сообщения из

30-го корпуса о том, что 15-я немецкая танковая дивизия тоже движется к Фуке. После двух переносов выступление было, наконец, назначено на половину шестого утра.

Кастенс заправил свои машины горючим и начал движение в половине восьмого в непроглядной темноте. Так велика была трудность поддержания взаимодействия между подразделениями, что первая попытка начать наступление по неразведанной местности закончилась очень быстро. Уже через час Кастенс остановил бригаду и решил не испытывать судьбу до рассвета. Кажется, об этом решении высшее командование узнало с большим опозданием.

Командование 10-го корпуса издало ряд приказов в течение этой ночи. Согласно первому приказу Ламсдена Бриггс должен был оставаться на месте до рассвета, а Хардингу предписывалось двинуться к возвышенности к западу от станции Газаль и к юго-востоку от Дабы. Кастенс должен был пройти к Газалю между Дабой и Фукой, а остальная часть 10-й бронетанковой дивизии должна была направиться к югу от Дабы, срезав угол на запад, если встретит сильное сопротивление.

В четверть шестого утра этот приказ был изменен. Гейтхаузу было приказано с максимальной скоростью двигаться к тому месту, где шоссе начинала подниматься вверх на западе от Фуки, а Кастенсу предстояло как можно быстрее с ним соединиться. Бриггс должен был идти прямо на Дабу, а Хардинг на его левом фланге должен был перерезать шоссе и железную дорогу в нескольких милях к западу. Королевские полки и 4-й южноафриканский полк, к которому теперь присоединился третий южноафриканский полк бронемобилей, должны были сосредоточиться и попытаться блокировать шоссе выше ук-

реплений Фуки. Позже в этот день новозеландскую дивизию следовало передать из 10-го корпуса в 30-й, но сейчас по просьбе летчиков ей было приказано захватить посадочную площадку близ Сиди-Ханейша в 10—20 милях к западу от Фуки.

По новому плану дивизии начали действовать на рассвете. Фишер начал наступать в половине восьмого, имея в авангарде 12-й уланский полк, и не встречал сопротивления до тех пор, пока одинокое 88-мм орудие не открыло в 9 часов огонь по его танкам. При этом погиб капитан Грант Синджер, который накануне взял в плен генерала Тома. Бригада обогнула оконечность Дабы и отрезала ее с запада, а в это время в атаку пошли стрелки Босвайла. В половине первого они заняли деревню. Подобрал 150 отставших от своих частей солдат, танки Фишера оттеснили противника по дороге к западу и остановились в четыре часа, чтобы заправиться. На их левом фланге наступал Робертс, но он остановился в 5 милях к югу от Дабы, когда стало ясно, что противник отступил.

Кастенс выступил в шесть часов, в его авангарде шел эскадрон «В» из 11-го гусарского полка. После столкновения с уходящей на запад колонной противника бригада достигла Галаля, не встретив никакого сопротивления, и взяла шоссе и железную дорогу, развернувшись фронтом на восток. Вскоре после этого на дороге появилась вражеская колонна, с которой разделался 3-й Королевский танковый полк. Незадолго до полудня вражеские танки видели движущимися с востока. Когда они подошли ближе, стало ясно, что это итальянские танки «М-13», несколько орудий и большое количество грузовиков. Не подозревая об опасности, итальянцы не развернулись в боевой порядок и, продолжая движение в походной ко-

лонне, попали под убийственный огонь всей британской бригады. Противник был полностью уничтожен. Все закончилось в течение часа. Было уничтожено 29 итальянских, 14 немецких танков, 4 орудия, 10 грузовиков и взято 1000 пленных. Еще 11 танков позже были обнаружены брошенными к югу от места боя. Это была большая победа: возможно, уничтожили все, что осталось от 20-го мобильного корпуса де Стефаниса.

Роддик выступил вместе с новозеландцами в шесть часов. Фрейберг начал движение к югу от Фуки и через 12 миль натолкнулся на отдохнувших немцев с 20 танками. 6 танков противника были уничтожены, а остальные ускользнули на запад. После столкновения с колонной, шедшей наперерез фронту, бригада задержалась на минном поле, протянувшемся к югу от Фуки. Один проход простреливался вражеской артиллерией. Только в три часа первые танки миновали минное поле, за ними медленно потянулась остальная часть бригады.

К этому времени стало ясно, что бригада Касенса оказалась единственной, кто сумел отрезать более или менее крупные силы противника. Монтгомери пытался пробиться сквозь транспортную мешанину на дороге, чтобы поскорее попасть в штаб Ламсдена, когда летчики доложили, что видели длинную колонну грузовиков, которая, протянувшись в 4 милях к востоку от Фуки, занимала весь отрезок пути до Матруха, расположенного в 50 милях дальше на запад. Было ясно, что ни Фрейберг, ни Гейтхауз не успеют ее перехватить, а де Гинган получил в полдень предназначенное для Монтгомери донесение, в котором предлагалось немедленно передать дивизию Фрейберга под

командование Ламсдена, а новозеландцам выслать танки и бронемашину к «Черинг-Кросс», где шоссе круто забиралось на скалы в нескольких милях к юго-западу от Мерса-Матруха. Ответа де Гинган не получил, Монтгомери в это время совещался с Ламсденом. В результате этого обсуждения Ламсден без двадцати минут два передал по радио новый приказ. Бриггс должен был идти в Мерса-Матрух, совершив глубокий обходной маневр по пустыне близ Бир-Хальды, за 40 миль от заданных рубежей и за 70 миль от места, где теперь находился, то есть от Дабы. Дивизия должна была выступить немедленно и продолжать движение всю ночь.

Совершив более короткий обход, Хардинг должен был захватить местность с посадочными полосами к югу от Сиди-Ханейша, между Фукой и Мерса-Матрухом, и перерезать ведущую к ним шоссеюную дорогу в трех местах. Гейтхауз должен был очистить площадь между Галалем и Фукой, где ему было приказано остановиться на ночь. Хардинг уже начал движение, еще не получив приказ, Робертс к двум часам был уже в 12 милях к юго-востоку от Фуки, откуда должен был повернуть к югу, чтобы прикрыть тыл новозеландской дивизии, которая в это время вела бой и расчищала проход в минном поле. Повернув на запад, Хардинг тоже наткнулся на минное поле, расположенное дальше к югу. 11-й гусарский полк все еще пытался найти обходной путь, когда солдаты полка броневых автомобилей и саперы выяснили, что поле ложное. Оно было установлено, как выяснилось, самими британцами во время июньского отступления. Все это привело к трехчасовой задержке, наступление возобновилось только в шесть часов и продолжалось еще час, затем войска остановились на ночь, так как горючее было на

исходе. Второй эшелон, который догнал их еще днем близ Дабы, сам не заправился на базе службы снабжения транспорта сухопутных войск. Когда танки остановились, 131-я мотопехотная бригада, растянувшись, двигалась в 15 милях сзади. Ее подразделения рассеялись по пустыне, и управление было утрачено.

Робертс находился в 20 милях юго-западнее Фуки, в 25 милях к юго-востоку от заданных рубежей и всего в нескольких милях к юго-западу от Роддика. Тот преодолел минное поле, о котором новозеландцы так и не узнали, что оно было ложным, силами 5-й новозеландской бригады. Фрейберг намеревался с наступлением темноты приказать Киппенбергеру перерезать прибрежное шоссе, но задержка из-за сопротивления противника и минного поля привела к отмене этого решения, вместо чего Фрейберг приказал к рассвету окопаться на месте. Он также пришел к заключению, что противник, удерживавший местность к северу от его позиций, все еще силен и может прорваться на юго-запад в течение ночи. Фрейберг не хотел повторения событий, происшедших в июне близ Минкар-Кайма, недалеко от нынешней его дислокации, и приказал Киппенбергеру организовать охранение и укрепить оборонительные позиции к северо-востоку от расположения танков Роддика.

Роммель, чей штаб к юго-западу от Фуки дважды прицельно бомбили, намеревался укрепиться в Фуке и держать там оборону, пока будет уходить его пехота. Однако появление Гейтхауза к западу от Галая, угроза обхода с флангов, которая возникла от движения Фрейберга и Хардинга, заставили его отдать приказ о дальнейшем отступлении до Матруха в эту же ночь. Делая это, Роммель не мог не понимать, что этим действием он бросает

на произвол судьбы основную массу итальянской пехоты. Единственными боеспособными частями, оставшимися в его распоряжении, были 90-я легкая дивизия, остатки африканского корпуса и других немецких частей и подразделений. На прибрежном шоссе царил страшная неразбериха, дорога была забита машинами. У многих из них кончилось горючее, и их бросали или брали на буксир. Роммелю удалось перевести свой штаб, 15-ю танковую дивизию и 90-ю легкую дивизию обратно в район «Черинг-Кросс», к юго-западу от Мерса-Матруха. В 21-й танковой дивизии не хватало топлива. Она остановилась близ Касабы, к юго-западу от Сиди-Ханейша. Там же была группа, костяк которой составлял 580-й разведывательный батальон, которым командовал капитан Фосс, один из бывших ординарцев Роммеля. Этот батальон прикрывал арьергард на западе от Фуки.

Таким образом, шансы остановить Роммеля у «Черинг-Кросс» или отрезать его к западу от Фуки использованы не были, и вся надежда была на Бриггса. Он двигался со своим штабом, когда в два часа ему передали приказ. Фраза «сразу же» была истолкована в слишком либеральном духе. Без двадцати минут пять в штабе Фишера состоялось совещание, на котором было решено начать выдвижение в шесть часов, имея впереди 12-й уланский полк. Выступление нельзя было назвать удачным: ночь была очень темна, вокруг было полно старых полузасыпанных траншей, а по дорогам передвигались массы транспорта, перекрывавшие движение. Продвижение оказалось очень медленным, и к рассвету 12-й уланский полк и бригада Фишера были в 15 милях к востоку от Бир-Хальды. 55 миль прошли за 12 часов. Штаб Бриггса находился в 8 милях дальше к востоку, а стрелки Босвайла находились в

15 милях сзади. Продвижение вперед продолжалось до девяти часов, когда пришлось остановиться из-за нехватки горючего. Это произошло, когда передовые танки были уже далеко к востоку от Бир-Хальды. Цистерны второго эшелона заправились на базе службы обеспечения транспорта дивизии предыдущим утром близ Тель-эль-Эйсы и уехали в половине третьего дня. Снабженцы испытывали большие трудности во время ночного марша и не смогли догнать бригаду до одиннадцати часов утра. В это время дивизионная служба снабжения войск заправила цистерны горючим и направилась ближе к вечеру 5 ноября из Эль-Аламейна в Бир-Хальду, надеясь прибыть туда рано утром 6-го числа, чтобы заправить горючим цистерны второго эшелона, откуда получали бензин танки. Продвижение топливной базы было затруднено пробками и скоплениями машин на дорогах, сквозь которые она с трудом пробивалась всю ночь. По пути оказался участок мягкого песка, где караван безнадежно застрял к трем часам ночи. Было бесполезно пытаться продолжать движение, и они стали дожидаться утра, чтобы откопать машины.

В половине второго, не дождавшись Бэйса, 2-я бронетанковая бригада снова пошла вперед. Полковник Роскоу Харви, заместитель командира, заменил заболевшего Фишера. Подоспел и Бриггс, но к моменту наступления темноты вечером 6 ноября они все еще были в 6 милях от дороги Матрух-Сива и в 20 милях от «Черинг-Кросс», где, как сообщалось, видели большое скопление из 1000 автомобилей противника. В это время у Харви и Бриггса снова кончилось горючее, а машины с горючим службы снабжения, выбравшись из мягких песков, попали под дождь и увязли в мокром песке, что было не лучше.

Пока развивалась эта неожиданная ситуация, Хардинг действовал на северо-востоке. С первыми лучами солнца Робертс продолжил движение, и к десяти часам 11-й гусарский полк доложил о значительном продвижении по шоссе. Полчаса спустя на дороге появились две колонны, идущие с востока одна за другой. Вероятно, это была группа Фосса. Бригада пропустила хвост первой колонны, но сбила «несколько перьев» со второй. Наступление продолжалось до тех пор, пока положение с горючим не стало вызывать тревогу. 5-й Королевский танковый полк был вынужден остановиться. Но вскоре подоспели тыловые снабженцы с бензином, и, пока шла заправка машин, 11-й гусарский полк обследовал посадочные площадки, а также пытался обнаружить главные силы противника. В час дня было доложено, что противник находится на краю откоса в нескольких милях к западу от расположения бригады. Это была 21-я немецкая танковая дивизия, в которой тоже кончилось горючее, но этого еще не знали. Начался сильный дождь, и, воспользовавшись плохой видимостью, Робертс в три часа начал выдвижение вперед, вошел в соприкосновение с немцами, стараясь обойти противника с западного фланга, и это ему удалось. Бой продолжался до наступления темноты, когда, уничтожив оставшиеся тапки и орудия, 21-я дивизия отошла на запад к «Черинг-Кросс». К этому времени небеса разверзлись, и с них хлынул настоящий ливень, превративший песок на этом участке побережья в болото. Хардингу было приказано выступить сразу после полудня и совершить обходной маневр протяженностью 170 миль через пустыню, в которой британцам был давно знаком каждый камень. Перед Хардингом была поставлена задача перехватить противника, когда тот замедлит темп от-

ступления на крутом склоне гряды между Саллумом и Хальфайей. Погода, однако, воспрепятствовала началу движения, сделав столь длинный путь невозможным. Дальше на восток расположился Фрейберг, дивизия которого была задержана до второй половины дня недостатком горючего, а потом сильным дождем. Единственным серьезным столкновением в тот день на фронте новозеландской дивизии было отражение «Джентри» атаки, которую провели в его тылах части отступавшего 20-й итальянского корпуса. Гейтхауз провел все утро атакуя склоны холмов в окрестностях Фуки и захватил вершины после флангового обхода, взяв в плен до 300 итальянцев. К нему приехал Монтгомери, и весь остаток дня войска Гейтхауза очищали местность между Фукой и Галалем, а проливной дождь, продолжавшийся весь день и всю ночь, сделал победителей и побежденных товарищами по несчастью. Утром Гейтхаузу приказали передать Бриггсу все наличное топливо, которое, кажется, до него и не дошло.

Так как все начали увязать в болоте, в которое превратилась песчаная пустыня, дальнейшее продвижение вперед было возможно только по прибрежной шоссейной дороге, по которой Монтгомери хотел наступать как можно дальше, чтобы подтянуть свои «хвосты» и дать возможность отдохнуть военно-воздушным силам. Гейтхаузу было приказано направить бригаду Кастенса по шоссе на запад в направлении Матруха. Бригада начала движение в половине седьмого утра 7 ноября, стараясь двигаться в боевом порядке, оседлав дорогу, но потребовалось всего 50 ярдов такого марша, чтобы убедиться в полной его невозможности. Следующие два с половиной часа ушли на перестроение бригады, которая после этого пошла по дороге, которую уже использовали все кому не лень. Только к полу-

дню передовые транспортеры и танки бригады вышли к старой линии укрепления у Матруха, где их встретила огнем 90-я легкая дивизия немцев. В это время скопление машин и неразбериха блокировали дорогу позади бригады. Полтора часа спустя 3-му Королевскому танковому полку было приказано обойти обороняющегося противника с юга, а «Шервудским лесникам» — нанести удар в лоб. «Лесников» повел в бой их командир, танк которого был почти сразу подбит. Огнем противотанковых орудий были также остановлены наступавшие в обход войска. Не хватало саперов и пехотинцев. Бригада Лиса все еще находилась в Галале; ей, как и 1-й бригаде «Баффс», пришлось стеречь и обихаживать пленных. 8-я бронетанковая бригада, где находился сам Гейтхауз, потеряла радиосвязь со штабом дивизии и 133-й бригадой. Появился Монтгомери, который горел желанием попасть в Матрух, но скрывал свое душевное состояние. Командир «Баффс» полковник Смит-Дорриен по собственной инициативе провел в четыре часа атаку и вклинился в оборону противника на 150 ярдов, не найдя ни одной мины. Однако, когда он попытался пройти дальше с одним взводом пехоты и командой саперов, был встречен сильным огнем с близкого расстояния и отошел назад. В конце концов, проход был расчищен, и стало возможным продолжить наступление. Это произошло незадолго до рассвета следующего дня 8 ноября, но к этому времени немцы уже отступили сами.

Фрейберг и Бриггс целый день просидели в болоте, хотя была сделана попытка направить Роддика к «Черинг-Кросс». Хардингу пришлось ждать, когда высохнет земля, после чего, в два часа, он продолжил движение, но оно было медленным и трудным. В темноте ему удалось преодолеть только 20 миль, устаревшие и изношенные танки один

за другим выходили из строя, и еще до начала сражения в бригаде Робертса осталось 47 «грантов» и «шерманов», 15 «стюартов» и 30 «крусейдеров».

Роммель получил передышку, нужную ему для того, чтобы привести в порядок остатки армии. Большим его преимуществом было наличие позади вымощенной дороги, но это преимущество почти сводило на нет недостаток топлива и господство в воздухе британской авиации, для которой скопления машин на дороге близ Саллума и Хальфайи представляли превосходную цель. По поручению Кавалльеро Роммеля посетил генерал Гандин, и немецкий командующий потряс представителя итальянского верховного командования тем, что только скорейшее отступление как можно дальше может спасти то, что осталось от танковой армии, которая всего несколько месяцев назад стояла в долине Нила. Не будет возможности укрепиться на промежуточных позициях, чтобы сохранить часть Киренаики или Триполитании, да и само отступление находится под большим вопросом из-за отсутствия топлива. Картина была мрачной, но она стала еще мрачнее на следующий день, когда было получено известие о высадке англоамериканцев на противоположном берегу Средиземного моря. Операции «Лайтфут» и «Суперчардж» были окончены. Начинаясь операция «Торч».

Глава 12

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ БИТВЫ

Битва под Эль-Аламейном ознаменовалась блестящей победой, одержанной перед высадкой войск Эйзенхауэра на противоположном участке средиземноморского побережья. Эта победа воодушевила британский народ, который отметил

ее звоном церковных колоколов, молчавших три года. Черчилль мудро ждал плодов сражения в Северной Африке. Очень трудно точно определить потери Роммеля. Общая численность его сил в начале кампании составляла немногим более 100 000 человек. Из этого числа были взяты 30 000 пленных, 10 000 из них — немцы. Вероятно, оказались убиты или ранены еще около 20 000 человек, хотя немцы дают более низкую цифру своих потерь: 1100 немцев убито, 3900 ранено, 1200 итальянцев убито, 1600 ранено. На поле боя Роммель оставил около 1000 орудий и 450 из 600 танков. 75 танков бросили итальянцы при отступлении из-за отсутствия топлива. В африканском корпусе не могло остаться больше 20 танков, когда он отступал от Мерса-Матруха 8 ноября 1942 года. К тому времени, когда корпус провел переформирование в Мерса-Бреге неделю спустя, немцы смогли собрать всего 80 танков. Что касается пехоты, то из состава 90-й легкой и 164-й дивизий смогли сформировать части численностью не более полка каждая. Итальянские дивизии были разгромлены. Следующая остановка Роммеля в 1500 милях к западу у линии Марет спустя четыре месяца лучше всего говорит о масштабах его поражения.

Потери личного состава 8-й армии составили 13 500 человек — чуть меньше 8% участвовавших в операции сил; из строя были выведены 500 танков, но только 150 из них не удалось отремонтировать. 100 орудий были уничтожены огнем противника или разрывами в стволах собственных снарядов. Это была не слишком высокая цена, которую пришлось заплатить за столь впечатляющий успех. Находятся люди, которые утверждают, что победа могла быть более полной, что ее можно было достигнуть ценой меньших потерь и

что можно было победить уже под Алам-эль-Хальфой.

Можно придумать множество возможных вариантов, разнообразие и занимательность которых ограничены лишь фантазией и досугом. Первая по времени спекуляция касалась того, что могло бы произойти, если бы Роммель воспользовался советом Вестфаля и остановился на границе Египта после взятия Тобрука. Если бы начальники Роммеля после этого решили сконцентрировать свои усилия на захвате Мальты, то вся история войны в Средиземноморском бассейне могла бы выглядеть по-иному. Если бы германское командование приняло другое решение, то Роммель не имел бы позицию с открытым правым флангом и превосходством британских военно-воздушных сил пустыни. Именно в таком положении Роммель оказался к исходу сражения под Алам-эль-Хальфой. Остались бы в этом случае на своих постах Ричи и Окинлек? Была бы необходимость облегчить положение Мальты наступлением 8-й армии до того, как ее превосходство стало достаточным для обеспечения верной победы? Но нет никакого сомнения в том, что вынужденное отступление к Эль-Аламейну стало для 8-й армии благословением, замаскированным под катастрофу.

Сам Роммель не раз размышлял о том, что бы произошло, останься он у Эль-Аламейна после Алам-эль-Хальфы. Такой план мог предусматривать отвод пехоты на линию Фуки, продолжение арьергардных боев силами мобильных соединений под прикрытием минных полей у Эль-Аламейна. Он сам признает, что это было бы средство только задержать противника. Роммель говорит о трудностях отступления и возведения оборонительных сооружений на новой линии обороны.

В каком направлении стали бы развиваться события, если бы не погиб Готт? Думается, что не было бы большой разницы в результатах сражения под Алам-эль-Хальфой, но трудно себе представить, что Готт занимается длительным изматыванием противника у Эль-Аламейна. Подобно Монтгомери, он находился под большим влиянием своего опыта времен Первой мировой войны, но его реакция на этот опыт была совершенно противоположной. Монтгомери устрасали неэффективность и отсутствие военного профессионализма, которые приводили к неудачам и тяжелым потерям. Его ужасали не сами по себе потери, но напрасные потери, которые не приводили к достижению успеха. Он не уклонялся от решительных наступательных действий, если они сулили успех. Напротив, Готт решительно избегал повторения всего, что хотя бы отдаленно напоминало операции Первой мировой войны. Он искал альтернативу в маневренной мобильной войне, как это делал и Роммель. В уме Готт уже составил план нанесения прямого удара с развитием успеха в глубину обороны противника в направлении Сивы. Географические факторы не благоприятствовали проведению такой операции, и, вероятно, Брук был прав, предпочтя Монтгомери для выполнения задачи, которую пришлось решать 8-й армии.

Была ли битва действительно необходима? Не мог ли Монтгомери нанести под Алам-эль-Хальфой удар своему противнику? Теоретически рассуждая, он мог бы это сделать и поначалу хотел так поступить. Ответный удар, если бы он планировался на тот же день, мог увенчаться успехом, но обескураживающие результаты действий 8-й бронетанковой бригады утром 1 сентября и новозеландской дивизии в ночь на 4 сентября ясно показали Монтгоме-

ри, насколько тупым становится его оружие, когда речь заходит о наступлении. Монтгомери был реалистом, и нет сомнений в том, что упорство в атаках только привело бы к ненужным потерям, о которых Монтгомери потом бы очень сожалел. Существует единодушное мнение Фрейберга и Ламсдена о том, что пехота должна была повторить атаку и завершить выполнение задачи в течение второй ночи наступления перед тем, как была произведена попытка прохода через ее позиции подразделений 10-го корпуса. Несмотря на очевидные трудности, связанные с выполнением всего, что надо было сделать за одну ночь, ход сражения доказывает обоснованность решений Монтгомери. Из пехотных дивизий, которые принимали участие в первой атаке, только 9-я австралийская дивизия была в состоянии предпринять в следующую ночь серьезную операцию, но на ее участке такое наступление не предусматривалось. Для того чтобы во вторую ночь нанести сильный удар и иметь для этого достаточные силы пехоты, надо было сократить фронт начальной атаки, который и так уже был сужен до 6 миль, или оставить мысль о нанесении отвлекающего наступления на всем фронте 13-го корпуса. Более того, суточная передышка предоставила бы противнику дополнительные возможности угадать направление удара и подготовиться к его отражению. Если учесть, что все бронетанковые силы Ламсдена в течение нескольких дней топтались у тракта Рахман, сдерживаемые поредевшими силами Ромеля, то надо думать, что у Ламсдена были бы еще большие трудности при осуществлении прорыва во вторую ночь.

Высказывалось также мнение о том, что Монтгомери мог прорвать фронт с меньшими потерями, если бы не атаковал на севере, где враг обладал самыми мощными силами. Альтернативными местами

наступления могли быть либо местность между Рувейсатом и хребтом Баре, или между Мунассибом и Химейматом. Второе место было невыгодным, и главное препятствие заключалось в том, что любую атаку в этом месте надо было производить через длинное узкое «бутылочное горлышко» непосредственно к северу от Гебель-Калаха; причем в этом месте у Роммеля были хорошо подготовленные позиции, прикрытые его старыми минными полями, на которые он мог опереться. Центральный участок был ничуть не более выгодным, чем северный. Позиция противника здесь была также сильна и хорошо минирована. Любая попытка прорыва на этом участке создала бы для Роммеля меньшую угрозу, он мог бы перебросить сюда моторизованные соединения, чтобы отразить наступление, не подвергая опасности другие участки своего фронта. Быстрота и ярость реакции немецкой танковой армии и самого Роммеля на угрозу, которая возникла во время боев за выступ у гряды высот «Почка», является красноречивым доказательством правильности направления главного удара. Надо ли было наносить второй удар к северу от выступа, как это было сделано в действительности, или следовало придерживаться первоначального плана и ударить от хребта Митейрия — это вопрос, на который дать ответ намного труднее. Нельзя отделаться от ощущения, что если бы был нанесен еще один решительный удар на южном фланге, то прорыв и все последующие события операции «Суперчардж» произошли бы намного раньше. Но следует иметь в виду, что к этому времени уже провалились две попытки Гейтхауза ударить по противнику именно отсюда. По стечению обстоятельств австралийцы были в лучшем состоянии для решительной атаки, чем другие дивизии в это время. Не тратя времени на развертывание пехоты и артиллерии, они стремились совершить

прорыв на том участке, где была возможна прямая угроза Роммелю. Хотя две атаки австралийцев не привели к прорыву фронта, они оказали на ход сражения гораздо большее влияние, чем ожидалось. Реакция Роммеля была немедленной, и, несмотря на разумные советы подчиненных, он настоял на контратаке, которая привела к лишним потерям и уменьшила его способность противостоять британскому наступлению. В течение всего сражения контратаки Роммеля не приводили ни к чему, кроме потери его сил. Некоторые потери остались практически незамеченными его противником. Более осторожная тактика Штумме с его сдерживанием и локальными контратаками могла стоить немцам меньших потерь. Но в лучшем случае такая тактика могла лишь продлить сражение на несколько дней. Этот вывод не подлежит никакому сомнению.

Несмотря на положительный эффект, который оказали атаки австралийцев на северном участке фронта, Монтгомери правильно решил перенести основные усилия на исходный участок наступления. Основной удар был нанесен по участку обороны 15-й немецкой танковой дивизии. Но окончательный прорыв фронта противника произошел на южном участке. Возможно, его удалось бы осуществить легче и быстрее, если бы исходный удар был нанесен немного южнее, но для его отражения африканский корпус мог бы и сам переместиться южнее, так что этот результат вряд ли сильно отличался бы от реального, а переход войск был бы осложнен участками сыпучего песка, которые впоследствии сильно осложнили действия 5-й индийской бригады.

Некоторые критики, включая Роммеля, обвиняли Монтгомери в «поразительной осторожности» из-за сведения атак к локальным действиям. Другие, напротив, обвиняют его в безоглядном пренеб-

режении человеческими жизнями и техникой при наступлениях на хорошо укрепленные позиции противника, в особенности в жертве танков. Конечно, его план ни в коем случае не был осторожным, но в жизнь он проводился весьма осмотрительно. Если критиковать Монтгомери, его большой риск, когда он высвобождал войска, удерживавшие фронт, чтобы ускорить развертывание в боевые порядки, — это был критический фактор, могущий повлиять на начало следующей атаки.

Обоснованность критики и обвинений в бесшабашности или ненужных потерях людей и танков зависит от допустимой степени потерь в операциях такого рода. По меркам предыдущих войн потери были чрезвычайно низки по отношению к общей численности войск, особенно если учесть достигнутые их ценой успехи. Но составить себе полной картины по одним числам нельзя. В современной армии, особенно в условиях пустыни, где трудно обеспечивать жизнедеятельность людей и машин, число солдат и офицеров, которые непосредственно участвуют в боях на виду и под прицелом неприятеля, составляет небольшую долю от всех людей, участвующих в сражении. Пехотный батальон идет в атаку с исходных рубежей, имея в своем составе 20 офицеров и 400 солдат; еще 130 человек присоединится к нему по достижении цели атаки, неся с собой оружие, снаряжение, рацию и тому подобное. Около 250 солдат вообще не примут непосредственного участия в боевых действиях. Если численность батальона после атаки уменьшилась с 420 до 300 человек, батальон становится неспособным к следующей серьезной атаке до получения пополнения, взятия его на довольствие и обучение. В танковых подразделениях относительное число идущих в бой еще меньше. Мощь танковых полков определяется их «шерманами» или «грантами», но немногие пол-

ки шли в атаку силами свыше 20 танков, часто это число было меньше. Потери в танках и экипажах не были высокими в абсолютных цифрах, но они могли быстро снизить боеспособность танковых частей. Именно на эту малую часть непосредственно участвующих в бою людей падает основная масса потерь в сравнении с потерями сопровождающих их саперов, солдат и офицеров полевой и противотанковой артиллерии. Нет сомнения в том, что среди участников боевых действий каждой дивизии пропорции потерь были достаточно велики, но нельзя сказать, что они были губительными. В особенности это касается потерь танкистов — как в людях, так и в боевых машинах. Воздействие потерь на моральный дух армии не обязательно определяется числом убитых и раненых. Чем меньше численность сражающихся, тем большее воздействие на их дух оказывает потеря товарищей, особенно если смерть находит, как это часто бывает, самых лучших из них.

Оправдано мнение о том, что потери в танках легко могут стать самоубийственными, если заставлять танкистов делать то, что хотел от них Монтгомери на первых этапах сражения, а Фрейберг требовал все время. В этом отношении стоит ответить на такой вопрос: являются ли доблестные действия, которые совершили танкисты Королевского уилтширского йоменского полка 24 октября и 2 ноября, когда в обоих случаях они потеряли почти все свои танки, более предпочтительными, чем терпеливое, но осторожное перемалывание противника, предпринятое 2-й бронетанковой бригадой Фишера на выступе у гряды высот «Почка»? По мнению критиков, Фишер ничего не добился своей пассивностью. Однако, как мы теперь видим, своими действиями Фишер добился гораздо большего, чем 9-я бронетанковая бригада, в смысле причинения противнику потерь в танках и про-

тивотанковых орудиях. Нельзя сказать, что дело обошлось без неудач и провалов. В связи с этим можно сказать, что 8-я бронетанковая бригада могла добиться гораздо большего, что можно было избежать умопомрачительной неразберихи, когда буквально все скопились на гряде высот «Почка», теряя драгоценное время и силы; что на последних этапах операции «Суперчардж» наступательные действия могли и должны были быть более дерзкими и решительными.

В свое оправдание танкисты могли бы обоснованно возразить, что в случае с выступом у гряды высот «Почка» пехота не смогла точно выполнить свою задачу и не обеспечила выполнение танкистами их задачи. Но надо сказать, что пехота приложила все силы и проявила мужество и доблесть, пытаясь сделать то, что следовало.

Хотя за время сражения из строя вышло 500 танков, тот факт, что только 150 танков были полностью уничтожены, говорит о том, что лишь немногие машины были подбиты из танковых или противотанковых орудий, а остальные наткнулись на мины. В таком случае потери танкистов в людях были небольшими, а такие поломки, как соскочивший трак или сломанная подвеска, легко устранялись, как только удавалось вытащить танк с минного поля. Противотанковые мины не всегда приводили к серьезным повреждениям машин, но представляли собой один из решающих факторов сражения. Ограничение применения танков для поддержки пехоты и самостоятельных стремительных действий определило способ их реального применения, а также весь рисунок сражения. Больше всего времени отнимала расчистка проходов в минных полях, что мешало танкам прорывать оборону противника до наступления рассвета. Если бы существовало надежное механическое средство разминирования,

производство которого было бы поставлено на промышленную основу, то сражение приняло бы совершенно иную форму.

Критике также подвергается то впечатление, которое (по мнению самих критиков) пытался создать Монтгомери относительно того, что все якобы шло по плану. Но дело заключается именно в том, что так и было: все делалось по плану. Ночные атаки на позиции противника заставляли немецкую танковую армию, в особенности после возвращения Роммеля в действующую армию, бросаться в дневные контратаки, натываясь при этом на массированный огонь артиллерии 8-й армии и попадая под удары военно-воздушных сил пустыни. Это изматывало подвижные соединения, которые расстреливались артиллерией и подвергались атакам пехоты, изматывало расположенные на позициях войска, хотя все это мало соответствовало тактике «перемалывания», предусмотренной исходным планом. Это была скорее битва на истощение, чем битва подвижных мобильных соединений, но таким стал план, который Монтгомери изменил в начале октября 1942 года. План был дорог и неромантичен, но заложил основу победы, а достижение победы в то время было самой важной целью. 8-я армия имела ресурсы выдержать битву, а немецкая танковая армия их не имела, и у Монтгомери хватило решимости, силы воли и беспощадности провести такое сражение.

Только потому, что сражение не последовало первоначальному плану, изжила себя организация командования. Если бы действовавший по своей инициативе 10-й корпус Ламсдена свободно оперировал на местности, взятой 30-м корпусом Лиса, это было бы прекрасно. В действительности действия одного корпуса накладывались на действия

другого, разногласия между командирами, растерянность и неразбериха приводили к неэффективности и упущенным возможностям. Монтгомери не может избежать упреков за то, что не пресек это положение в то время, когда это было уже возможно. Ему не следовало оставлять новозеландскую дивизию под командованием Лиса, хотя она возглавила преследование противника после окончания операции «Суперчардж».

Действительно, стиль проведения заключительного этапа операции в ее последние несколько дней достоин всяческой критики. Выбор новозеландской дивизии, как передовой в преследовании противника, представляется достаточно любопытным. Его нельзя объяснить только личными причинами. Нельзя думать, что Фрейберг был в то время единственным командиром, в наступательном порыве которого Монтгомери был уверен. Нельзя объяснить этот выбор мнением, будто командующий полагал, что отступающие остатки немецкой танковой армии может задержать такое количество пехоты, которого нет в бронетанковых соединениях. Теперь ясно, что проливной дождь, случившийся 6 ноября, нельзя считать причиной неудачи окружения остатков немецкой танковой армии. Если бы даже 1-я бронетанковая дивизия вышла в свой длинный обходной марш из Дабы к «Черинг-Кросс» раньше (сразу по получении приказа) и не испытывала недостатка в горючем, то Бриггс все равно не смог бы добраться до «Черинг-Кросс» раньше Роммеля. Этот марш при благоприятном стечении обстоятельств мог бы заставить немецкого командующего раньше покинуть Мерса-Матрух. Более серьезной была задержка наступления 5 ноября на минном поле к югу от Фуки, которое оказалось ложным британским минным полем. Но даже если бы Фрейберг

и Хардинг знали об этом, они все равно не смогли бы сдвинуться с места из-за отсутствия горючего. Пользуясь преимуществом взгляда из будущего, можно утверждать, что реальная возможность успешного окружения противника появилась и была упущена ранним утром 5 ноября. Воздушная разведка доложила, что Роммель отходит, а темп его продвижения таков, что 1-я и 7-я бронетанковые дивизии, идущие к Дабе, его не догонят. Задолго до рассвета было также известно, что ни Фрейберг, ни Кастенс не движутся согласно плану и выбились из графика, что их шансы отрезать значительные силы противника очень малы. Несмотря на это, в приказы не были внесены никакие коррективы. Мало пользы было от посылки в Дабу даже одной бронетанковой дивизии. Посылка двух была просто излишеством. Исходный приказ, который вообще не предусматривал посылки дивизий в то утро в погоню за неприятелем, был разумнее, чем решение послать одну или две дивизии. 7-я бронетанковая дивизия была для Монтгомери сравнительно свежим соединением, даже если учесть, что ее танки изнасились от длинных переходов по пустыне; а в лице Хардинга и Робертса он имел командиров, в твердости духа которых и умении руководить войсками не мог сомневаться. Их соединения были удобно расположены, а 4-я легкая бронетанковая бригада Роддика из дивизии Хардинга могла возглавить преследование. Если бы ранним утром 5 ноября Хардинг получил приказ двигаться прямо на «Черинг-Кросс» вместе с Роддиком и Робертсом, то мало сомнений в том, что они догнали бы и разгромили Роммеля. Возможно, сыграла свою роль обычная осторожность Монтгомери. Настоятельные требования Кониингхэма подготовить новые взлетно-посадочные полосы ближе к фронту

и требования тыловых служб освободить прибрежное шоссе и обеспечить по нему движение оказали на Монтгомери большее действие, чем они должны были бы оказать. Более решительные и дерзкие действия всех заинтересованных сил в предыдущий день сделали бы большое дело: силы, достигшие «Черинг-Кросс», могли бы сделать гораздо больше, чем Хардинг, оказавшийся 6 ноября в Касабе. Человек, который хочет ускользнуть от противника в пустыне и имеет для этого транспорт, обычно уходит от преследователей, особенно если этот человек обладает решительностью и быстротой реакции фельдмаршала Роммеля.

То, что Монтгомери на одной стороне фронта, а Роммель на другой были ключевыми фигурами сражения, не подвергает сомнению никто. Они определяли и направляли каждое движение; но вся сила их приказов испарялась, когда дело доходило до непосредственного исполнения их решений на линии фронта. Там решения принимались на уровне командиров батальонов и рот. Эти командиры могли решать и решали, стоит ли им вступать в бой, и если да, то как именно. Они решали, надо ли идти дальше, или следует остановиться, или даже отступить. Их начальники на уровне бригад, дивизий и корпусов назначали цели, обеспечивали поддержку танками, артиллерией и инженерными войсками, определяли время, а потом теряли всякую возможность влиять на ход событий. Счастье еще, если они хотя бы через несколько часов, да и то в самых общих чертах, узнавали, что произошло на передовой. Между армейскими командирами на передовой и высшим командным составом стояли командиры дивизий и бригад, которые вмешивались в планирование операции своими приказами и могли исказить

или задержать исполнение главного приказа. Однако свобода действий командиров промежуточного звена всегда была сильно ограничена. Фрейберг мог совершать какие-то суетливые действия, но они оказывали гораздо меньший эффект, чем это могло показаться. Самостоятельные поступки командования среднего звена чаще и легче оказывали отрицательное действие, нежели положительное. Примером тому может служить излишняя медлительность Ламсдена, Гейтхауза, Кастенса и других. Соединенные усилия таких энергичных, воодушевленных и находчивых людей, как Хоррокс, Хардинг и Робертс, мало что могли сделать против упрямых фактов реальности в боях у Химеймата.

Для пехотинца, идущего в атаку или сидящего дни напролет в окопе, для танкового экипажа, продвигающегося через минное поле в пыли и темноте или пытающегося взять крутой склон, с которого его поливает огнем противотанковая артиллерия противника, для сапера, расчищающего минные поля, для расчета противотанкового орудия или полевой артиллерии приказы были хаотичными и беспорядочными, лишенными какой-либо внутренней логики. Хуже всего было у выступа к востоку от гряды высот «Почка». Все это место было покрыто пылью, в которой солдаты увязали по колени. Никто не знал, где находится и где его соседи. Никто не знал, где начинаются и где кончаются минные поля. Все постоянно в кого-то стреляли, или стреляли в них, но никто не мог сказать, кто именно стрелял и зачем. Попытки прояснить положение приводили к ложным умозаключениям. Информация, которую тщательно, по крупинкам собирали, могла оказаться ложной. В конце концов солдат начинал действовать самостоятельно, невзирая на то что его действия могут доставить неудобство другим, вызвать у них раздражение или гнев. Сердца

ожесточались. Чем дольше продолжался бой, тем больше солдаты были склонны к неповиновению, тем меньше оставалось у них терпения и склонности к самопожертвованию. Внезапный просвет в начале ноября, когда фронт противника был, наконец, взломан, как рукой снял эту душевную усталость. Теперь началась гонка, кто будет первым: это подогревалось чувством того, что, чудом уцелев среди нескончаемых опасностей, боев, минных полей, невозможно умереть, когда победа так близка.

Радость победы, одержанной после стольких разочарований, не оставляла места в душах для сочувствия противнику. Теперь, когда улеглись ненависть и горечь, можно только посочувствовать немецкой танковой армии, солдаты и офицеры которой мужественно сражались, несмотря на отсутствие шансов устоять или победить. Особенно стоит посочувствовать их командующему Эрвину Роммелю. Он видел, как армия, которую он создал буквально из ничего и с таким успехом почти провел к цели, рассыпалась на его глазах. Все надежды воссоздать армию рухнули, когда пришло известие о том, что союзные армии высадились на другом средиземноморском берегу Северной Африки.

Роммель возлагает вину за большую часть своих потерь на заключительном этапе битвы, особенно за брошенную на произвол судьбы итальянскую пехоту, на приказ Гитлера, полученный днем 3 ноября, в котором отменялся приказ об отступлении, который был составлен Роммелем в предыдущую ночь. Но трудно поверить, что в реальности этот приказ Гитлера внес изменения в течение событий. Попытка провести этот приказ в жизнь успеха не имела, даже если допустить, что такая попытка действительно имела место. С одним возможным исключением — итальянской дивизии «Болонья», по у нее

было очень мало шансов прорваться на запад. Представляется, что как на южном, так и на северном участках фронта танковая армия продолжала отступать на протяжении всех суток, пока действовал приказ Гитлера, запрещавший отступление.

Что касается Монтомгери и его 8-й армии, то для них это была великая победа. Об этом событии Черчилль написал, что почти правдой будет сказать: «До Аламейна у нас не было побед. После Аламейна у нас не было больше поражений». «Почти» — необходимое дополнение, если вспомнить о ранних победах в пустыне и в Абиссинии. Вместе с провалом попытки немцев взять Сталинград в это же время их поражение под Эль-Аламейном означало поворотный пункт Второй мировой войны. Победа была достигнута за счет решительности, реализма и военного искусства Монтомгери. В его руках были сосредоточены большая огневая мощь и превосходящие ресурсы, особенно это касается снарядов, которые выпускали танки и пушки, и бомб, которые сбрасывали самолеты. У него было превосходство в численности. На его стороне было мужество и поистине бульдожье упорство сражавшихся на линии огня солдат: пехотинцев, артиллеристов, саперов, танкистов, расчетов противотанковых орудий. Вклад других военнослужащих — солдат, моряков и летчиков — был исключительно важным, но именно то меньшинство людей, которое сражалось на передовой, понесло самые тяжелые и невосполнимые потери. Многие из этих павших с тех пор лежат погребенными в песках Эль-Аламейна. И, как во всех битвах мировой истории, ранили и убивали чаще всего самых доблестных, самых храбрых и самых лучших.

ХРОНОЛОГИЯ СРАЖЕНИЯ

1942

Август

- 3 августа.* Черчилль и Брук прибывают в Каир.
- 5 августа.* Их приезд в штаб 8-й армии.
- 6 августа.* Александер назначен командующим войсками на Среднем Востоке, Готт — командующим 8-й армией.
- 7 августа.* Гибель Готта. Вместо него назначен Монтгомери.
- 9 августа.* Александер прибывает в Каир.
- 12 августа.* Монтгомери прибывает в Каир и направляется в штаб Окинлека.
- 13 августа.* Монтгомери инспектирует 8-ю армию и самовольно, раньше времени берет на себя командование.
- 15 августа.* Александер принимает дела у Окинлека.
- 19 августа.* Черчилль и Брук наносят визит в штаб 8-й армии.
- 30 августа (ночь).* Наступление Роммеля. Начало битвы под Алам-эль-Хальфой.
- 31 августа.* Бои в окрестностях Алам-эль-Хальфы.

Сентябрь

- 1 сентября.* Начало боевых действий 8-й бронетанковой бригады. Непрерывные атаки Королевских ВВС.

- 2 сентября.** Роммель принимает решение об отступлении.
- 3 сентября.** Провал наступления новозеландской дивизии.
- 5 сентября.** Роммель принимает окончательное решение об отступлении. Окончание сражения.
- 19 сентября.** На смену Роммелю прибывает Штумме.
- 23 сентября.** Роммель убывает на лечение.

Октябрь

- 23 октября (ночь).** Начало битвы под Эль-Аламейном.
- 24 октября.** Все дивизии 8-й армии брошены на штурм главных оборонительных рубежей армий стран Оси. Гибель Штумме.
- (Ночь.)** Неудачная попытка 10-й бронетанковой дивизии прорвать оборону противника через порядки новозеландской дивизии и попытка 7-й бронетанковой дивизии прорваться через минное поле близ Химеймата.
- 25 октября.** Монтгомери оставляет попытки пробиться сразу двумя бронетанковыми дивизиями — 10-й и 7-й. Приказ 9-й австралийской дивизии начать «перемалывание» противника, а 10-й дивизии начать продвижение на запад, в направлении гряды высот «Почка». Возвращение Роммеля.
- (Ночь.)** Атака австралийцев имеет частичный успех. 1-я бронетанковая дивизия топчется на месте.
- 26 октября.** Повторные атаки сил стран Оси на гряде высот «Почка». Германо-итальянские войска не имеют успеха, но несут тяжелые потери. Монтгомери меняет приказ. 10-й корпус должен наступать вперед, атака австралийцев перенесена на 28 октября.
- (Ночь.)** 1-я бронетанковая дивизия атакует гряду высот «Почка».
- 27 октября.** Бои стрелковой бригады в районе высоты «Бекас». Отсутствие продвижения 1-й бронетанковой дивизии. Атакующие войска стран Оси несут тяжелые потери.
- 28 октября.** Монтгомери прекращает наступление в районе гряды высот «Почка». Удар планируется на-

нести на севере, в развитие успеха австралийской дивизии. Роммель перебрасывает на север все немецкие войска с юга.

(Ночь.) Весьма скромный успех атаки австралийцев. Роммель делает последнюю попытку остановить натиск союзников и собирается в случае неудачи дать приказ об отступлении в направлении Фуки.

29 октября. Сомнения британского кабинета и высшего военного командования. Визит Александера и Кэйси в штаб 8-й армии. Монтгомери, наконец, оставляет мысль о наступлении вдоль берега и решает начать операцию «Суперчардж» и нанести главный удар к северу от гряды высот «Почка». Новозеландской дивизии предстоит наступать в ночь с 31 октября. За ней последует 10-й корпус.

30 октября (ночь). Повторная атака австралийцев в районе поста Томпсона восстанавливает положение измотанной 26-й бригады на шоссе. Фрейберг просит об отсрочке операции «Суперчардж».

31 октября. Начало операции «Суперчардж» откладывается на ночь с 1 на 2 ноября. Немецкая атака на 26-ю австралийскую бригаду захлебывается. 26-ю бригаду меняет 24-я. С юга движется 7-я бронетанковая дивизия.

Ноябрь

1 ноября. Повторные атаки противника вынуждают 24-ю австралийскую бригаду отойти к югу от железной дороги и участка концентрации отступающих германских войск.

2 ноября. Начало операции «Суперчардж». Войска союзников выходят на тракт Рахман. Смятение в рядах африканского корпуса. Яростные повторные атаки войск стран Оси. Монтгомери планирует прорыв южнее гряды высот «Почка», где самая слабая оборона противника. Фронт Роммеля прорывают бронесамобомбилы Королевских полков. Роммель принимает решение об отступлении и извещает об этом Гитлера.

3 ноября. Провал попытки 10-го корпуса прорвать оборону противника. Затишье. Начинается отступление войск стран Оси. Приходит приказ Гитлера, запрещающий отступление.

(Ночь.) Общий медленный отход войск стран Оси по всему фронту.

4 ноября. Сражение 1-й бронетанковой дивизии с африканским корпусом в районе Тель-эль-Аккакира. Бронетанковая дивизия и новозеландская дивизия прорываются дальше к югу, взломав фронт противника. Предвидя обход флангов, Роммель отдает приказ об общем отступлении.

(Ночь.) Монтгомери отдает приказ 8-й армии продолжить наступление. Однако движения вперед не последовало.

5 ноября. 8-я бронетанковая бригада догоняет остатки XX корпуса в районе Галала. Новозеландская и 7-я бронетанковая дивизии задерживаются перед ложным минным полем. Продвижение вперед заблокировано также нехваткой топлива. Застревают южнее Фуки. 1-я бронетанковая дивизия получает приказ двигаться на Бир-Хальду и «Черинг-Кросс». Продвижение начинается с опозданием и проходит медленно. Роммель отводит войска от Фуки.

6 ноября. Движение 1-й бронетанковой дивизии приостанавливается из-за нехватки топлива. 7-я бронетанковая дивизия вступает в бой с 21-й немецкой танковой дивизией, у которой нет горючего. Начинается проливной дождь.

7 ноября. 10-я бронетанковая дивизия получает приказ двигаться вдоль побережья в направлении Мерса-Матруха. Медленное продвижение и задержка.

(Ночь.) Роммель отводит войска к Саллуму.

8 ноября. Начало операции «Торч». Союзные войска под командованием Эйзенхауэра высаживаются в Северной Африке.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1.</i> Пустыня: с запада на восток	7
<i>Глава 2.</i> Храбрые, но битые	25
<i>Глава 3.</i> Последняя ставка игрока	49
<i>Глава 4.</i> Алам-эль-Хальфа	59
<i>Глава 5.</i> Подготовка	95
<i>Глава 6.</i> Без надежды	129
<i>Глава 7.</i> Первый удар	137
<i>Глава 8.</i> Замешательство	174
<i>Глава 9.</i> По зрелом размышлении	194
<i>Глава 10.</i> «Суперчардж»	214
<i>Глава 11.</i> Прорыв	238
<i>Глава 12.</i> Размышления после битвы	264
Хронология сражения	281

Майкл Карвер
БИТВА ПОД ЭЛЬ-АЛАМЕЙНОМ
Поражение танковой армии Роммеля
в Северной Африке

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгеля*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Корректоры *Т.В. Вышегородцева, А.В. Максименко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.09.2003
Формат 76x90^{1/2}. Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,34. Уч.-изд. л. 12,25+1 альбом=12,9
Тираж 7 000 экз. Заказ № 4105

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если вы желаете приобрести книги издательства «Центрополиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае вы будете регулярно получать по 2 новых книги выбранной серии в месяц.

Для этого вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

111024, Москва, а/я 18, «Центрополиграф»

Также вы можете заказать книги через сайт издательства «Центрополиграф» — www.centropoligraf.ru

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА						
Куда	г. Москва, а/я 18					
Кому	«ЦЕНТРОПОЛИГРАФ»					
		<table border="1"><tr><td>Идентификационный номер</td><td>Адрес отправления</td></tr><tr><td>680011</td><td>г. Хабаровск, ул. Мира, д. 10, кв. 5, Ивановой Г.П.</td></tr></table>	Идентификационный номер	Адрес отправления	680011	г. Хабаровск, ул. Мира, д. 10, кв. 5, Ивановой Г.П.
Идентификационный номер	Адрес отправления					
680011	г. Хабаровск, ул. Мира, д. 10, кв. 5, Ивановой Г.П.					
<small>Платить можно переводом с/ч. счета или наличными</small>		<small>№1-счета России. Издательство «Марка» 1992 © 1992-1998 Полиграфиздат ЛТД</small>				

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенным платежом оплачивается отделению связи и составляет 10—20% от стоимости заказа.

Книги оплачиваются при получении на почте.

К сожалению, издательство не может долго удерживать объявленные цены по не зависящим от него причинам, в связи с общей ситуацией в стране. Надеемся на ваше понимание.

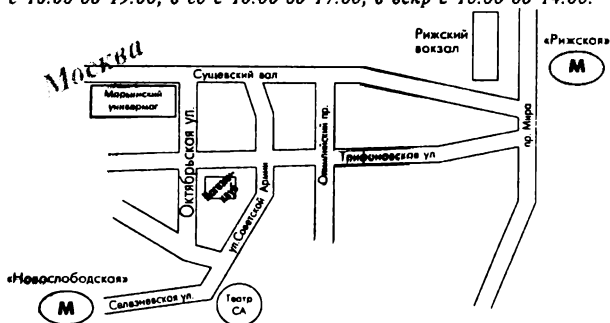
МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

**Действительно низкие цены! Регулярные распродажи!
Предварительные заказы и оповещение по телефону о
поступлении новинок!**

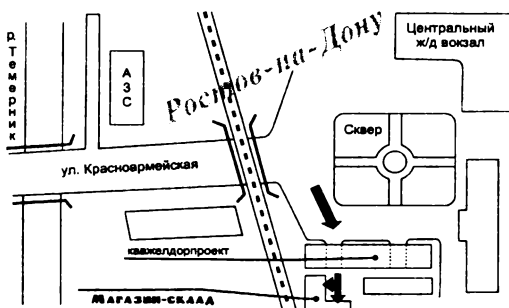
**Фирменные магазины издательства «Центрполиграф»
в Москве и Ростове-на-Дону**

*предлагают более 1000 наименований книг различных жанров
зарубежных и отечественных авторов: детектив, исторический,
любовный, приключенческий роман, фантастика, фэнтези, на-
учно-популярная, биографическая, документально-криминальная
литература, издания для детей и юношества, филателистиче-
ские каталоги, книги по кулинарии, кинологии, о звездах теат-
ра, кино, эстрады, а также энциклопедии, словари, решебники.*

*Звоните и приезжайте! Москва — ул. Октябрьская, д. 18, тел. для
справок: 284-49-89, мелкооптовый отдел тел. 284-49-68; в пн—пт
с 10.00 до 19.00, в сб с 10.00 до 17.00, в вскр с 10.00 до 14.00.*

**Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2, тел. (8632) 38-38-02;
в пн—пт с 9.00 до 18.00.**

МАЙКЛ КАРВЕР

БИТВА ПОД ЭЛЬ-АЛАМЕЙНОМ

ПОРАЖЕНИЕ ТАНКОВОЙ АРМИИ
РОММЕЛЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

В этой книге рассказывается об одном из решающих сражений Второй мировой войны, произошедшем осенью 1942 года близ маленькой железнодорожной станции Эль-Аламейн в Северной Африке. Как случилось, что именно здесь сошлись армии гитлеровской Германии и фашистской Италии с одной стороны и войска Британской империи — с другой? И почему именно это место стало ареной ожесточенных боев? Поражение немцев под Эль-Аламейном, наряду с их неудавшейся попыткой взять Сталинград, стало поворотным пунктом в ходе войны. Повествование охватывает период с августа 1942 года до высадки союзных войск под командованием Эйзенхауэра и начала операции «Торч» в ноябре того же года. Автор правдиво воссоздает реальные события и приводит цитаты из источников, отражающих разные взгляды на действия генералов враждующих сторон — Роммеля и Монтгомери.

ISBN 5-9524-0628-9

9 785952 406285

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

